

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ИМПЕРСКИЕ ВОЙНЫ

Цена Империи
Легион против
Империи

Александр Мазин

**Имперские войны: Цена Империи.
Легион против Империи**

«Автор»

2014

Мазин А. В.

Имперские войны: Цена Империи. Легион против Империи /
А. В. Мазин — «Автор», 2014

Цена Империи Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова. Пройдет еще сто лет – и тысячелетний Рим падет. Станет лакомой добычей для полчищ варваров. Но сейчас Империя еще достаточно сильна. И способна защитить свои границы. Легион против Империи Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова. Богатая имперская провинция Сирия. Мирная провинция. Но на ее границах уже скапливаются войска шахиншаха Ардашира, повелителя персов, свергнувшего Парфянскую династию и рвущегося к новым битвам и к новым победам. Наместник Сирии Геннадий Павел (в прошлом подполковник Геннадий Черепанов) и его друг военный легат Первого Германского легиона Алексей Виктор (когда-то его звали Алексеем Коршуновым) должны остановить персов. Их силы ограничены, но рассчитывать на участие Великого Рима – бессмысленно. В столице сменилась власть, и от нового императора следует ждать не помощи, а неприятностей. Война неизбежна, но отдавать персам Сирию Черепанов не намерен. В его жизни бывали и худшие времена, и более опасные ситуации. А драться он умеет не хуже, чем повелитель персов.

© Мазин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Цена империи	6
Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	11
Глава вторая,	15
Глава третья,	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	29
Глава восьмая	31
Глава девятая	33
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая,	38
Глава двенадцатая	41
Глава тринадцатая,	44
Глава четырнадцатая,	47
Глава пятнадцатая,	50
Глава шестнадцатая	52
Глава семнадцатая	55
Глава восемнадцатая,	61
Глава девятнадцатая,	64
Глава двадцатая. В путь!	65
Глава двадцать первая	67
Глава двадцать вторая,	68
Глава двадцать третья	74
Глава двадцать четвертая	76
Глава двадцать пятая	79
Глава двадцать шестая,	83
Глава двадцать седьмая,	87
Глава двадцать восьмая,	88
Часть вторая	90
Глава первая	90
Глава вторая	92
Глава третья	95
Глава четвертая,	98
Глава пятая,	100
Глава шестая,	103
Глава седьмая,	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Александр Мазин
Имперские войны: Цена Империи.
Легион против Империи

© А. Мазин, 2005, 2010

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Цена империи

Пролог

Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима¹. Провинция Нижняя Мезия.

– Вот этого берите! – низкорослый коренастый римлянин показал на Ахвизру. Позолоченные поножи римлянина были украшены выпуклыми львиными головами. Трое легионеров подхватили гота и перекинули на носилки. Ахвизра с шипением выпустил воздух, но сдержался, не застонал.

– Эй, вы! – выкрикнул Коршунов. – Не видите, что он ранен!

– Так это ему повезло! – ухмыльнулся один из легионеров.

Остальные загоготали. Но коренастому их веселье не понравилось.

– Поаккуратнее, – недовольно буркнул он. – Скиф должен повиснуть живым, а недохлым! Взяли и понесли! Следующий – этот! – Коренастый показал на скулди.

Герул тоже был ранен (все они были ранены), но не так серьезно, как Ахвизра, – поэтому связан. Как и Коршунов. Как и все, в ком победители опознали вождей. Алексей подумал: это не так уж плохо. Их и уложили в палатке, а не бросили на голую землю, как остальных, и медицинскую помощь оказали...

При воспоминании об этой «помощи» Алексей невольно поморщился. Его ранили дважды (если не считать царапин) – в бок и в левую ногу. Обе раны римский лекарь зашил и перевязал – без всякой дезинфекции и, разумеется, без наркоза. Только чтобы остановить кровь. А когда опытный в таких делах скулди сказал медику, что надо бы раны прижечь, тот только головой мотнул:

– Не беспокойся, варвар!

– Нас казнят, – сделал вывод скулди.

Это заявление никого из пленных не удивило. Им уже успели сообщить, что взявший их в плен военачальник – настоящий отморозок. Никого не падит. Ему не нужны ни деньги, ни наемники. Убивает всех. Ходят слухи, дал кому-то из богов обет – прикончить сто тысяч варваров.

Об этом пленным сообщил солдат из охраны, здоровенный светловолосый галл, совсем не похожий на коренного римлянина.

Коршунову не хотелось умирать. Но пощады он просить не будет. Не хватало еще опозориться перед храбрецами-готами. Алексей решил вести себя, как положено вождю. А по местным понятиям вождь обязан быть храбрее и мужественнее тех, кого он ведет в бой. Так что Коршунов держался. Даже не пикнул, когда его штопал лекарь. И всем своим видом показывал, что не боится ни боли, ни смерти.

Но умирать все равно не хотелось. И даже как-то не верилось в собственную смерть. Наверное, так всегда и бывает...

Коршунова забрали из палатки последним.

¹ 234 год от Р. Х.

– Давай, давай, пошевеливайся! – бородатый легионер в помятой кирасе с дубинкой в руке легонько подпихнул Алексея в спину. – Выходи давай!

За те часы, что Коршунов, связанный, провалялся в палатке, вокруг вырос маленький город. Римский лагерь. Ровные ряды палаток, деловитая суeta. Пробегавший мимо легионер со связкой пилумов приостановился, полюбопытствовал:

– Это что, варварский рикс?

– Давай проходи! – рявкнул бородатый, замахнувшись своей дубинкой.

Любопытный тут же припустил прочь.

Охранники у южных ворот лагеря посторонились, пропуская Коршунова и его «эскорт»...

Их разместили вдоль обочины. Всех, кто остался в живых. Коршунов шагал по пыльной дороге, по крестообразным теням. Он старался не хромать и смотреть прямо перед собой. Не смотреть ни по сторонам, ни вверх, ни на дорогу, на которой лежали тени вкопанных вдоль обочины крестов.

На душе было мерзко. Это он привел их сюда. На смерть. Одно утешение – он умрет вместе с ними. Если, конечно, победители не придумали для него что-нибудь особенное...

Нет, не придумали. Зато отвели почетное место: на самом верху, между скулди и Агилмундом. Две ямы по локтю глубиной и грубо сколоченный крест в виде буквы «х».

– Ложись, варвар! – скомандовал бородатый.

Коршунов медлил – у него возникла мысль: а не броситься ли сейчас прямо на римские копья? Умирать – так уж сразу!

Нет, не годится. Это все равно что сбежать, бросив своих... которые еще живы. Пожалуй, он не имеет права оставить их умирать... в одиночестве.

– Ложись, варвар, больно не будет! – повторил легионер, по-своему истолковав медлительность пленника.

– Да пошел ты... – по-русски пробормотал Коршунов.

И выполнил команду.

Больно и впрямь не было. Если не считать того, что болели раны.

С десятков легионеров ухватились за канат. Основания бревен соскользнули в ямы, уперлись, и крест начал медленно подниматься вверх, унося Коршунова навстречу светлому южному небу.

Через пару минут все было кончено. Крест встал вертикально, Коршунов «сел верхом» на вбитую в крестовину палку, принявшую на себя его вес. Бородатый еще разок проверил, хорошо ли привязаны к кресту руки и ноги Коршунова, удовлетворенно кивнул и удалился.

Вид с холма открывался превосходный: рощи, виноградники, поодаль – аккуратные домики земледельцев. Плодородный, благодатный край... а он, Коршунов, привел сюда варваров... ну да, привел. И теперь те из них, кто уцелел, чудовищными украшениями висят вдоль обочины превосходной римской дороги.

И это – последнее, что увидит в жизни бывший ученый, бывший космонавт, бывший рикс Алексей Коршунов. Н-да... зато смотреть на этот пейзаж он будет долго. Может, два дня, может, три... если, конечно, раны не откроются и он не истечет кровью раньше... ну тогда ему, считай, повезло. Как Ахвизре, чья голова уже бессильно повисла...

– Агилмунд! – позвал Алексей. – О чем думаешь?

– Да вот думаю... – мрачно отозвался родич. – Примет ли меня вотан, ежели вот так умру? Без меча в руке, без погребения, без тризны...

Гот тяжело вздохнул. И справа, эхом, вздохнул скулди.

«Надо же, – подумал Коршунов. – Не то их беспокоит, что придется подышать долго и мучительно, а то, признает ли их какой-то там вотан... впрочем, правильно. Для тех, кто верит

в загробную жизнь. Вопрос: верит ли в нее кандидат наук А. В. Коршунов? Раньше вроде бы верил... во что-то такое...»

– Я так думаю, – громко произнес он. – Вотан – не какой-нибудь безмозглый гепид: сумеет отличить воина от свинопаса. А ты, Агилмунд, столько народу в хель отправил, что никакой тризны не нужно. Вот в последнем бою хотя бы... присмотришь, брат: неужели ты не видишь, как выются вокруг ду ши поверженных тобой врагов?

– Не-а... – пробормотал Агилмунд. – Никого я не вижу, кроме наших повешенных парней да вот этих римлян, что жрут копченный свиной бок у меня под ногами.

Римляне, о которых шла речь, беседу двух варваров игнорировали. Они обедали. Повешенные были для них уже не живыми людьми, а вороньим кормом. За которым пока что надо присматривать.

– Я – вижу! – решительно заявил Коршунов. – И ты верь мне, Агилмунд! Я – Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что если вскоре умрешь ты, Агилмунд, то отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю! Конечно, смерть твоя будет нелегкой...

– Плевать! – Агилмунд заметно повеселел. – Перетерплю. Слышишь меня, вотан! – рявкнул он во всю глотку. – Скоро я приду к тебе!

– Эй, Аласейя! – это подал голос скулди. – А ты не врешь? Насчет богов?

– Ты никак умом повредился, герул! – насмешливо бросил Коршунов. – Кто же рискнет соврать, говоря о *таком*? Или ты забыл, что и сам я тоже очень скоро покину этот мир?

– А ведь верно! – признал герул. – Не станешь ты врать в час смерти, Аласейя! – скулди рассмеялся. – Хорошо иметь такого вождя, как ты! – заявил он. – Биться рядом с тобой хорошо, а умирать – еще лучше! Хотя, сдается мне, не к нашим богам попадешь ты, а к своему христианскому богу. Жаль! Очень тебе будет скучно после смерти, Аласейя.

– Я попрошу вотана! – решительно заявил Агилмунд. – Разве Аласейя не воин? Пусть вотан договорится с христианским богом. Или я отправил в хель мало христиан? Обменять их души на душу Аласейи – правильное дело!

– Точно! – поддержал скулди. – И я отдам своих на это дело! И без христиан найдется кому мне прислуживать в валхалле! Отдам! Душа такого воина, как ты, Аласейя, много потянет на загробных весах. Не один десяток христианских душ потребуется.

– Коли так, то и я своих готов отдать! – крикнул кто-то из повешенных ниже.

– И я! И я! И я!

– Чего разорались! – недовольно гаркнул один из римлян. – Вот я вас!

На него никто не обратил внимания. И впрямь: что можно сделать тем, кто уже, считай, мертв?

– Ты слышишь, Аласейя! – резюмировал Агилмунд. – Выкупим мы твою душу у христианского бога, не сомневайся!

Коршунов был растроган. И поклялся себе до последнего вздоха не уронить себя в глазах этих людей. Это все, что он мог для них сделать: облегчить надеждой их мучительную смерть.

Хотелось пить. А ведь их всех напоили не больше часа назад. Повязка на боку набухла от крови, потяжелела. Наверное, надо радоваться. Если кровотечение не остановится, Алексей вскоре ослабеет и потеряет сознание. Как Ахвизра. А потом умрет. Быстро и, можно сказать, легко. Проблема в том, что Коршунову совсем не хотелось умирать. В конце концов, это несправедливо! Варвары все равно пришли бы на эту землю. И крови пролилось бы куда больше, если бы Коршунов не пресек бессмысленную резню. Нет, это просто свинство – повесить всех пленных без суда! Где же хваленое римское правосудие? Где законы, которые будут изучать и через две тысячи лет?

– Эй, скулди! – крикнул Коршунов. – Скажи этим ромлянам, что я хочу видеть их военачальника.

– Зачем он тебе? – отозвался герул. – Скоро ты увидишь богов.

– Хочу взглянуть на того, кто нас победил, – заявил Алексей.

«И договориться, если удастся», – добавил он мысленно.

Такая казнь хороша тем, что у судьи есть время передумать. Но надо поторопиться. Большинство казненных будут умирать несколько дней, но такие, как Ахвизра, не смогут продержаться долго. Чем черт не шутит? Вдруг Коршунову удастся переубедить римлянина?

В любом случае, терять нечего...

– Эй, вы! – гаркнул скулди по-латыни. – Наш вождь желает сообщить что-то важное вашему главному командиру.

– Пусть скажет мне, а я передам, – ответил старший из стражников.

– Так не пойдет!

– Стало быть, не пойдет, – флегматично отреагировал стражник. – Чтобы я беспокоил принцепса из-за такого вороньего корма, как вы...

Внезапно слух Коршунова потерял остроту: словно в уши вату напихали. Сквозь эту вату до него доносилась перебранка скулди и охраны, крики ворон, лязг металла откуда-то со стороны римского лагеря...

– Эй, ты, варвар!

Острая боль вспыхнула в раненом боку. Коршунов сдержал стон, с усилием разлепил глаза. Стражник, вознамерившийся было еще раз ткнуть древком копья в бок Алексея, не стал этого делать.

– Ты хотел мне что-то сказать, варвар?

– Я... – голос стал сиплым, в глотке – будто наждак.

Что-то влажное прижалось к губам Коршунова. Губка, набухшая кисловатой влагой.

– Кто ты?

– Старший кентурион Гай Ингенс. Что ты хотел мне сказать?

– Я... – Алексей посмотрел сверху на кирпично-красное, со свернутым в сторону носом грубое лицо старшего кентуриона и понял, что надеяться не на что. С этим человеком ему не договориться. – Я? Ничего.

– Тогда подыхай молча, варвар! – сердито бросил кентурион. Развернулся и двинулся вниз, лавируя между крестов.

Коршунов закрыл глаза. Нет, ему было не страшно умирать. Обидно немного. И Настю жалко. Как она теперь, без него?

Часть первая Вождь варваров

«Necesse est maximorum minima esse initia».²

*Осень девятьсот восемьдесят шестого года
от основания Рима. Крым. Берег Черного моря*

– Никогда... никого... такой... как ты... Настя... – шептал по-русски Алексей в мягкое ушко с крохотной дырочкой от сережки.

Струи черных волос, шелковые змейки, оплели его шею.

– Что-что-что ты говоришь?... – бормотала она по-гречески. – Я не понимаю, Алёша...

«Алеша» – первое русское слово, которое она выучила.

«Скажи, как звала тебя мама?»

«А тебя?»

«Анис...»

«А меня – Алёша».

«Алеша». – Она выговорила правильно, с первого раза. У нее были замечательные способности к языкам.

У нее были способности ко всему. И здесь, на ложе, на покрывале из алого шелка, в полной темноте крымской ночи, внутри шатра, *Алексей видел* каждую частичку ее тела. Руками, губами, кожей...

– Анис, ты меня любишь?

– Любишь!

Это русское слово она тоже узнала одним из первых.

– Еще?

– Не сейчас... – Тонкие пальцы с острыми ноготками мышиными лапками пробежались по коже. – Не надо, Алеша. Ты должен быть сильным... завтра. Не то он тебя убьет...

– Тогда отпусти меня.

– Я-а-а? – Изумление, смех, низкий, хриловатый, после которого ну просто уже невозможно...

– А-а-х... – Влажные ладошки легонько толкнули его в грудь, Алексей послушно скатился на край ложа (голова свесилась вниз) и замер – нет, не в изнеможении, в сладкой расслабленности. Но никогда он не чувствовал себя таким сильным. Никогда...

Снаружи перекликались часовые, залаяла собака... военный лагерь. Тысячи людей. Тысячи обученных убийц. Войско. Дружины рикса Одохара, рикса Комозика... и его, рикса Аласеи, Алексея Коршунова, того, чьи небесные паруса – цвета снега и крови. Если, конечно, завтра его не убьют....

Анастасия зашевелилась. Маленькая ступня коснулась его колена... легкий, бесшумный прыжок – звук поглотила медвежья шкура у ложа.

– Пей... – Чаша с разбавленным (по-гречески) вином коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем сам он успевал их осознать.

² Necesse est maximorum minima esse initia – «Великое берет начало с малого» (лат. пословица).

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионом. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувственности, – эта женщина была оружием более страшным, чем копье в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Разве что чиркнет пару строк на пергаменте – и полетит через море свернутый в трубочку крохотный свиток... и сделает... нет, уже сделал больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к ее припухшим губам. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять *ее*...

Глава первая Готы, герулы, бораны и прочие варвары

*Август девятьсот восемьдесят шестого
года от основания Рима. Приднестровье*

– Значит, вот ты каков, Аласейя, большая вода, тот, кто пришел с неба...

Риксу герулов Комозику – за сорок. Здоровенный, под два метра, костлявый, борода – пакля, руки – клещи. На каждой руке – полкило золота.

– Что-то ростом, смотрю, ты не очень. Плохо, что ли, кормят у вас там, в *Байконуре*?

«Ах ты морда зеленая, – подумал Коршунов. – Осведомленность свою показать решил...»

– А у нас по величине только о быках судят, – осклабился он. – Которых на мясо откармливают. Воина же по-другому оценивают.

Комозик нахмурился: прикидывал, не оскорбили ли его?

– И как же у вас воинов оценивают?

– По делам, – лаконично ответил Алексей.

Вертикальная складка на лбу рикса герулов разгладилась. С делами у него тоже обстояло неплохо.

– Пошли, что ли, Одохар, перекусим, – сказал он. – С дороги в глотке пересохло. Такой путь... – и ухмыльнулся шербатом.

«Ну и рожа, – подумал Коршунов. – Одохар в сравнении с ним – просто красавчик».

А вот с чувством юмора у рикса все в порядке. За прошлый день герульская дружина прошла максимум мили три.

Это Алексею Скулди поведал. И пояснил почему. Негоже такому вождю, как Комозик, ждать такого вождя, как Одохар. Земля здесь чужая. Оба – вроде как гости. А по положению – равные. Следовательно, и на место должны прибыть одновременно.

– Пойдем, – кивнул Одохар.

Совещание на высшем уровне.

Они удалились.

Коршунов огорчился. Рассчитывал, что его тоже пригласят. Утешало то, что Агилмунд и Скулди, «замы по безопасности», к руководству не присоединились.

– Вот что, почтенные гревтунги, пойдемте-ка прогуляемся, – предложил Скулди. – Хочу вас кое с кем познакомить...

– Это с кем же? – подозрительно спросил Ахвизра.

– Увидишь. Не хочешь – можешь не ходить.

Привлеченные разговором, к друзьям подтянулись несколько герулов из прибывших с Комозиком. Тоже зеленомордые. Коршунов искал среди них первого кореша скулди и своего старого знакомого Кумунда... Не обнаружил. Хотя пара-тройка герулов размерами Кумунду ничуть не уступала.

– Не пойдешь?

– Как же! Ты тут небось уже все разнюхал: и где пиво слаще, и где девки мясистее! – ухмыльнулся Ахвизра.

– Насчет девок ты промахнулся! – заржал скулди. – Девочек надо было с собой привозить. Вон как Аласея! На! Подарок солоднице твоей! – На мозолистой ладони герула оказался зеленый флакончик с затейливой пробкой.

– Это что? – осторожно спросил Коршунов.

– Бери-бери! Ей понравится!

– Благовония, что ли?

– Вроде того. Стайса твоя знает. – Скулди ухмыльнулся довольно-таки похабно.

У Коршунова даже возникло желание дать ему в глаз, но он сдержался. Горбатого могила исправит. Тем более – дорогой подарок, сразу видно.

Тут Коршунова слегка оттеснил здоровяк Ахвизра.

– Слышь, герул, а что ты насчет девок сказал, я что-то не понял... – прорычал он.

– А тут и понимать нечего! Нету тут девок!

Поднятая скулди тема заинтересовала еще нескольких воинов. Между герулами затесалась пара-тройка незнакомых Коршунову готов.

– А кто есть? – поинтересовался один из них.

– Козы есть! – громогласно сообщил скулди. – Овцы тоже.

– Чего-то я не понял, – сказал тот же незнакомый гот. – Мясо – это мясо. А я когда пожру, так мне как раз бабу помять – очень хорошо. Только чтоб без болтовни этой всякой...

– Ну так я тебе скажу: коза – это то, что тебе надо! – вмешался Ахвизра. – Она вообще не говорит, только мекает.

Украшенный синей татуировкой лоб гота пошел морщинами: осуществлялся мозговой процесс.

– Так она ж сбежит! – родил «мыслитель».

– А ты ее привяжи! – посоветовал Ахвизра.

– Тьфу! – возмущенный Агилмунд сплюнул наземь. – Даже слушать вас – противно. Вы б еще свинье заправили! Давай, скулди, веди, куда собирался. Самое время горло промочить.

– Вот! – торжественно произнес скулди. – Славный боранский рикс Крикса!

– Крикса! – недовольно поправил «славный боранский рикс».

Росту в нем было примерно столько же, сколько в Коршунове. Зато весу – пудов шесть. Пега́я борода, расчесанная косичками, пегие лохмы вокруг загорелой лысины. Из-под бороды виднеется золотой кулончик размером с кофейное блюдце. На золотой же цепке в полпальца толщиной.

Боранский лагерь стоял особняком. Дюжина шатров, полсотни коней. Мелкий отряд. Коршунову было непонятно, почему скулди привел их сюда. Непонятно до тех пор, пока он не оказался внутри шатра, не увидел «славного вождя» крикшу со-товарищи, не оценил интерьер и количество рыжего металла на достойных боранах. В этом мире золотые украшения – не

столько украшения, сколько свидетельство ранга. Сто граммов – преуспевающий землепашец. Пятьсот – удачливый воин. Килограмм-полтора – уважаемый человек. Вождь. А тот, под которым ходят другие «уважаемые люди», мелким вождем быть не может. Вывод: лысый крикша прибыл не с войском, а со свитой. А дружина его – где-то в другом месте. И еще не известно, присоединится ли он к «великому походу».

– А это, – продолжал скулди, ничуть не смущаясь недовольным выражением на обветренной физиономии борана, – тот, о ком я не раз рассказывал: Аласейя, победитель многих героев, великий воин, пришедший с неба. Вы видели его корабль с парусом цвета снега и крови, сшитым из...

– Корабль... – с кривой усмешкой перебил крикша. – Вы слышали? – Он повернулся к своим: – ту лохань с палками вместо мачт он назвал кораблем!

Два других борана захихикали.

Коршунов застыл, пораженный.

И было от чего.

Лысый боранский рикс говорил не по-готски.

Совсем на другом языке.

И язык этот Коршунову был вполне понятен.

Ибо был весьма похож на тот, на котором Алексей говорил от рождения.

На русский то есть.

– Рад приветствовать столь славного воина, – уже по-готски буркнул лысый. – Поведай мне, как там у вас на небесах?

И добавил по-своему:

– Герул и врет, как... герул! Ха-ха! Будь я проклят, если этот парень способен летать по небу лучше, чем валун, сброшенный со скалы в море. Думаю, что и плавает он не лучше.

И одарил Коршунова издевательской улыбкой.

Но тот уже пришел в себя от изумления. Более того, он вспомнил, в каком контексте слышал раньше о боранах, и так же иронически ухмыльнулся в ответ.

– Ты тоже больше похож на кабана, чем на дельфина, уважаемый крикша, – сказал он по-русски. – Но мне почему-то кажется, что ты плаваешь лучше, чем кабан. Или я ошибаюсь?

«Славный боранский рикс» крякнул. Лысина его побагровела.

– Что ж не сказал, что по-нашему разумеешь? – недовольно проворчал он.

– А ты спросил? – усмехнулся Коршунов.

С полминуты они буравили друг друга взглядами: кто кого? Вышла ничья.

– Мордой ты на этих не похож. Чьих сам-то? – изрек крикша, кивнув на спутников Коршунова, ничего не понимавших, но инстинктивно напрягшихся. Агилмунд, тот даже рефлексивно подшагнул к Алексею: перехватить удар, если что. Знал сын фретилы, что в рукопашной «великий небесный воин» – не ахти.

– Сказали тебе: с неба упал. – Коршунов усмехнулся.

– Будет врать-то! – в свою очередь ухмыльнулся боранский вождь. – С неба токо дождь да дерьмо птичье падают. Не хочешь говорить – дело твое. – И, перейдя на готский: – Слыхал я, с дороги вы. По нашему обычаю, коли с дороги человек, так надо его сперва угостить-попотчевать, а уж потом разговоры говорить. Так что пойдемте, достойные, порадуем животы. Поляна уже накрыта, яства стынут.

Как говорится, голод – лучший кулинар. Однако Коршуновская Настя готовила получше боранских поваров. Зато вино было вполне приятное.

Алексей вспомнил, как в день знакомства скулди «проставился» бурдюком едва забродившего кислого виноградного сока. Решил хитрый герул проверить: не ромлянин ли Аласейя? Разбирайся скулди в винах и будь вино в бурдюке подобно этому, как пить дать провалил бы

Коршунов примитивный тест, заданный ему «начальником внешней разведки» рикса Комозика.

За первой и второй «переменной блюд» беседовать не положено. Положено насыщаться и высказываться по поводу присутствующих: дескать, какие славные и щедрые люди собрались на этой классной поляне...

К делу перешли, когда наступило время «десерта» – каменной крепости печенья с отчетливым запахом меда и воска. Печенье полагалось макать в вино. Готам, которые по привычке потребляли пиво, пришлось непросто. Но на зубы они не жаловались: грызли так, что треск стоял.

Этим звуком, собственно, их участие в беседе и ограничивалось. Тему вел скулди. На пару с боранским лидером.

Начав с того, какое нынче могучее войско собралось на берегу великой реки Борисфен (а ведь не все еще подошли, далеко не все), скулди плавно перешел к грядущим победам, к живописанию добычи, какую союзное войско планирует взять на богатых ромлянах, кои, разумеется, не смогут противостоять столь могучим и многочисленным воинам...

Речь скулди текла столь гладко и непрерывно, что производила убаюкивающее впечатление... но не на крикшу.

– Что ты такое говоришь, скулди-воин? – невежливо перебил словесное медоточение боранский рикс. – Может, ты забыл, как служил у ромлян? Или ты не бился с ними и против них? Или ты забыл, что такое *легионы Рима*? Всего вашего войска и десяти тысяч копий не наберется. Одного легиона хватит.

– Ну да, – поддакнул скулди. – Если он будет там, куда мы придем, этот легион.

– Он будет, – заверил боранский рикс. – Непременно подойдет.

– Верно, – снова согласился Скулди. – Подойдет. Только нас там уж не будет. Но для этого, уважаемый крикса, нам нужны корабли. Способные бороздить морские воды быстрые и крепкие корабли. Ваши корабли, крикса. Известно, что не столь уж велики гарнизоны в городках понтийской провинции. Если напасть внезапно, можно большую добычу взять. И ускользнуть без помех. Вот для этого и нужны корабли. Крепкие и вместительные корабли, способные нести тяжкий груз. Ибо золото – тяжелый металл, как тебе известно, уважаемый крикса.

«Ага, – подумал Коршунов. – Ситуация проясняется. Ну конечно. Не на готских же корытах по морю плавать».

Он покосился на Агилмунда и Ахвизру. Соплеменники-гревтунги молча сосредоточенно грызли печенье, прихлебывали пиво. Оба были недовольны. Ну да, по готским меркам такие скоропалительные переговоры – сущее невежество. Серьезные мужчины так не делают.

Серьезные мужчины сначала присматриваются друг к другу недельку-другую, потом начинают осторожно прощупывать: что да как?

Ну, для таких торопыг, как, например, Ахвизра, недельку можно сократить до пары дней. Но обсуждать ключевые вопросы, только-только поставив шатры, – это противоречит всему готскому политесу.

– Ох, рано ты, Скулди-воин, взялся медвежьей шкуру делить, – усмехнулся крикша. – Ты прежде возьми добычу на ромлянах. А уж мы поглядим, как у тебя получится. Со стороны.

– Не дашь кораблей? – в лоб спросил скулди.

– Не дам! – отрезал крикша.

– Тогда зачем приехал?

– Да хоть тебя послушать.

– Послушал?

– Послушал. И понял, что не видишь ты, Скулди-воин, дальше своего кривого носа.

«Не подерутся», – подумал Коршунов.

Не зря толстяк их сначала покушать позвал. Хлеб преломили – всё. На открытый конфликт без серьезного повода идти не положено.

– Ну-ну, – пробормотал скулди. – Объясни нам, боранский рикс, что ты такое видишь, чего мы углядеть не можем.

– Скажу, коли сам не знаешь, – согласился крикша. – Напомню, если забыл. О понтийской эскадре ромлянской. О двух дюжинах боевых кораблей, что ходят вдоль побережья.

«Похоже, толстяк его уел», – подумал Коршунов.

Умолк хитрый герул, задумался.

Но на гревтунгов сей довод не произвел такого сокрушительного впечатления.

– Сколько ты сказал? Две дюжины? – переспросил Ахвизра. – А у вас, сам говорил, пять сотен кораблей. Да и у нас...

Крикша ухмыльнулся. Коршунову была знакома эта ухмылочка. Читалось в ней извечное превосходство соленого моремана над сухопутной крысой.

– А видел ли ты, Ахвизра-воин, ромлянскую трирему?

– Видел! – отрезал гот.

– И что скажешь?

– Скажу: большая. Да только у иных бургов стены втрое выше, чем борта у той триремы. И брали мы эти бурги на копье – не помогли стены.

– Брали, говоришь? – боран прищурился. – Ну-ну... А видел ли ты, Ахвизра, римскую трирему *в бою*?

Ахвизра покачал головой.

– Так вот что я скажу тебе, Ахвизра-воин: даже пятидесяти наших кораблей не хватит, чтобы справиться с ней.

– Я так и думал, что ты просто боишься, – буркнул Ахвизра.

– погоди! – вмешался Скулди. – погоди, Ахвизра! Слушай, крикса, я не хочу, чтобы ты бился с ромлянами на море. Я хочу, чтобы ты доставил нас к какому-нибудь понтийскому городу. Доставил, высадил, а потом забрал с добычей. А с римскими триремами нам встречаться ни к чему. Обойти их – и всё тут.

– Ты в уме ли, герул? – вмешался один из спутников крикши. – Как это – обойти?

– А так! Это ж не дорога, а море. Сворачивай, куда хочешь.

Боран уже собрался возразить, но его остановил крикша:

– погоди, скуба! Не видишь: он в морском деле ничего не понимает. – И, обращаясь к Скулди: – Неправ ты. В море тоже дороги есть. Древние. Проверенные. По ним отцы и деды наши ходили. Не обойти нам ромеев. Хочешь – к устью Данубия вас доставим?

– Ну да, – желчно произнес Скулди. – Прямо на ромейские мечи! Пошли, друзья-гревтунги! – бросил он, поднимаясь. – Спасибо за угощение, почтенный крикша!

– Приходите еще, – отозвался тот. – Мы тут еще побудем...

Глава вторая, в которой обсуждаются вопросы варварской политики и стратегии

В шатре Одохара они сидели вшестером: сам Одохар, Ахвизра с Агилмундом, Травстила и Коршунов.

Агилмунд вкратце изложил результаты общения с боранами. Рикса Одохара, похоже, итог переговоров не удивил.

– Если мы не можем пойти на ромлян, значит, мы пойдем на аланов, – сказал лидер гревтунгов. – Комозик говорит: аланы с ромлян недавно дань получили. Хорошо бы аланов побить, а эту дань забрать. У нас здесь большое войско. Еще гепиды подойдут...

– Гепиды? – Ахвизра скривился, словно у него зуб заболел. – Зачем нам гепиды? Сам знаешь, Одохар, тупоголовы гепиды и ленивы!

– А ты что скажешь? – Одохар повернулся к Агилмунду.

– Скажу: прав Ахвизра, – неторопливо изрек родич Коршунова. – Так и есть: тупоголовы и ленивы. И жадные вдобавок. Правда, храбрость в них великая, но беспокойства от них больше будет, чем проку.

– А ты что скажешь, Аласейя?

Коршунов помедлил, размышляя... раз Одохар решил пригласить гепидов поучаствовать в общем безобразии, значит, у него были основания. Значит, надо подыскать такой аргумент, который оправдает приглашение. Исходных данных, конечно, маловато...

– Верно ли, что эти гепиды тупоголовы? – спросил он. – Это как, слухи одни, или ты, Одохар, в этом сам убедился?

Рикс усмехнулся.

– Тупоголовых, Аласейя, и среди гревтунгов немало, – ответил он. – Но среди гепидов – больше. А у того рикса, который ко мне гонца с предложением послал, и вовсе бараньи мозги. Отец его поумнее был. Так Комозик говорит – и я ему верю, потому что разбирается в людях Комозик. Особенно во врагах. А гепиды ему давно уж враги, так как спор у них идет из-за земель сопредельных. Говорит Комозик: силен этот рикс. Может, даже посильней самого Комозика. А о Комозике точно известно: в бою он пятерых стоит. Да и войско у этого нового гепидского вождя – сильное. Так и рвется к потехе воинской.

«Вот это уже лучше, – подумал Алексей. – Картинка прорисовывается».

– Тогда я думаю так, – начал он. – Если гепиды сильны, храбры и есть у них с Комозику спор, то стоит Комозику уйти в поход на дальние земли, как эти самые гепиды на его собственные земли явятся. А если гепиды с Комозику в поход пойдут, то и герульские земли от них в безопасности. Так?

– Вот еще! – фыркнул Ахвизра. – Чтобы Комозик каких-то там гепидов плосконогих боялся!

– Помолчи! – оборвал его Одохар. – Говори дальше, Аласейя.

Коршунов кивнул, помедлил (для солидности) и продолжал:

– Однако ж Комозик сейчас наш друг, верно?

Одохар кивнул.

– Значит, помочь Комозику – доброе дело, верно?

Еще один кивок.

– Но дела большого похода – важнее личных дел Комозика и герулов, хоть мы и друзья с ними, верно?

Тут уж не только Одохар, Ахвизра с Агилмундом тоже закивали. Герулы, конечно, друзья... сейчас. А скулди вообще классный парень... но *большой поход гревтунгов* несравненно важнее!

– Значит, – заручившись общим одобрением, продолжил Коршунов, – надо прикинуть: хороши ли будут гепиды для *большого похода*?

Он сделал длинную паузу, чтобы высокое собрание прониклось значением вопроса. Собрание прониклось. Все молчали: ждали, какую мудрость Аласейя Большая Вода изречить изволит. Коршунов их ожиданий не обманул.

– Думаю, так, – заявил он. – Если все, что о гепидах сказано: что храбры, мол, они и туповаты, – правда, то очень даже пригодиться могут нам в большом походе гепиды. Хотя и мы, гревтунги, тоже храбры... – тут Коршунов опять прервался, дал время, чтобы лесть всосалась. – ...однако ж и аланы, как я понимаю, не трусливы и силой не обижены. Иначе с чего бы римлянам им дань платить?

Храбры аланы, подтвердило «высокое собрание». И силушка есть. Правильно, Аласейя, говоришь.

А если так, проводил свою тему Коршунов, то битва с ними будет отменная и нелегкая. А в нелегкой битве бывает, что крови много проливается. Оно, конечно, почетно для воина – кровь в битве пролить. Но еще более почетно готу, славному то бишь, с добычей домой вернуться. А для этого надо, чтобы кровь пролилась не готская, а чья-нибудь другая. Например, аланская. А поскольку аланы подраться тоже не дураки, то за свою кровь и чужой немало возьмут. И вот тут-то гепиды, храбрые и тупоголовые, очень даже пригодятся. В бою ведь всякое бывает... (тут Коршунов со значением посмотрел на Одохара.) Так бывает, что кто-то умереть должен, чтобы всем победа досталась. Так пусть не гревтунги падут, славные и правильные, а гепиды тупоголовые, которые вследствие тупости своей могут и не сообразить, когда следует храбрость проявлять, а когда от отваги безумной стоит и удержаться.

Тут Коршунов откинулся назад, дав знать, что речь его закончена.

Мнения разделились.

Ахвизра выразил протест: мол, безумная отвага всегда хороша, богам угодна и исключительно она к победе ведет. Без вариантов.

Агилмунд склонялся к тому же мнению, но не столь безапелляционно.

Одохар помалкивал, но, похоже, придерживался точки зрения Коршунова. И это Алексея порадовало. Безбашенность варваров-готов его пугала. Он предпочитал результат боя самому процессу. Возможно, потому, что в рукопашной по-прежнему был весьма посредственен.

Травстила делал вид, что спит.

Одохар дал возможность Ахвизре выразить протест. Выслушал и Агилмунда. Когда оба храбреца высказались, поинтересовался мнением Травстилы.

Кузнец открыл глаза, изрек:

– Верно Ахвизра сказал: храбрость угодна богам. А вот кто из воинов богам угоден, то по воинской удаче решают. А мы знаем, что удача наша – Аласейя. Потому я так мыслю, Одохар: что Аласейя сказал, то богам и угодно.

И рикс Одохар кивнул, соглашаясь. Добро на участие гепидов в большом походе было получено.

Глава третья, в которой Алексей Коршунов занимается вопросами варварской политики и воинской тактики самостоятельно

И все-таки Коршунов предпочел бы воевать с римлянами. Хотелось ему не с дикарями-аланами рубиться, а приобщаться к местной цивилизации. Есть такая русская традиция: приобщаться к цивилизации с помощью танков или, на худой конец, боевых фургонов. А что делать, если иначе – никак?

У аланов тоже танков нет. У них, как Коршунову удалось установить, ударная сила – конница. Ну и на том спасибо. Ладно. Будет день, будет пища, как говорится. Не в аланах дело. И не ради того, чтобы подраться с аланами, затевался большой поход. Рим – вот настоящая цель. Коршунов еще со школы помнил, что Рим завоевали варвары. Вот эти самые готы. Значит, и здесь этот вариант можно прокрутить. Захватить какую-нибудь провинцию типа современной Коршунову Болгарии и организовать независимое королевство, вернее, риксовство... Мечты, конечно, но почему бы не попробовать их реализовать?

Источников информации о Риме у Коршунова было два: скулди и Анастасия. Оба источника сходились на том, что оторвать у империи кусок – невозможно. Куснуть пару раз, оттяпать клочок шерсти или кусок хвоста – и смыться. Не более того. Однако ж со слов скулди можно было сделать вывод, что:

Римская армия изрядно коррумпирована – увольнительную в город, освобождение от работ или тренировок можно запросто купить у непосредственного начальника;

Римская система гражданского управления также изрядно прогнила: все продается и покупается, от налогов можно уклониться, дав взятку чиновнику, воруют всё и все, а знать погрязла в роскоши и наслаждениях.

Коршунов был ученым, а следовательно, умел осмысливать информацию. И на основании полученной информации вполне мог допустить, что прочность империи изрядно преувеличена. Один хороший удар – и орех треснет. Если знать, куда ударить. А для этого сначала надо попробовать. Поглядеть собственными глазами на страшных римских легионеров, проанализировать их тактику, оценить возможности... Одним словом, надо было провести разведку боем. И, по прикидкам Коршунова, именно внезапный морской набег был бы идеальным вариантом такой операции. Даже не будучи профессиональным военным (военная кафедра плюс предполетная подготовка – не в счет), Алексей примерно представлял, как ведутся войны. Благо родился он в век информации и кинематографии. И то, как вели войну Одохар с Комозиком, Алексею казалось довольно примитивным. Они даже не потрудились выслать разведку, выставить охранение. Правда, по ночам общий лагерь охраняли, но и только. Оставалось надеяться, что эти самые аланы – не лучшие вояки. И не сумеют разгромить славное воинство. В общем, Коршунов решил рассматривать «аланский» поход как местную тактическую операцию и значения ей не придавать. А всю мощь интеллекта бросить на поиск решения «римского вопроса».

Главным препятствием к проведению «морской» операции был отказ боранов предоставить плавсредства. Главной причиной их отказа было присутствие римского военного флота в территориальных водах намеченного к набегу района. Значит, задача номер один – римский флот от данных берегов удалить. И единственный способ это сделать – слить противнику грамотно составленную дезинформацию. Коршунов уже продумал, как это можно сделать. Дело было за малым: уговорить Анастасию. Но это оказалось не так легко...

Если пользоваться терминологией времени Коршунова, Анастасия до встречи с ним была агентом Рима. Хотя нет, агентом Рима был Стайна. Настя была доверенным лицом некоего Марка Аврелия, легата, занимавшего должность «начальника разведки» при наместнике Нижней Мезии. Анастасия была шпионом, «шифровальщиком» и контролером отправляемой информации – в одном лице. Механизм передачи сообщений был прост: либо через доверенных лиц Стайны, либо через контактирующих (не бесплатно, разумеется) с римлянами герулов. На герульские земли римляне захаживали регулярно, а с племенами, проживавшими на «варварском» берегу Дуная-Данубия, у имперских торговцев был налажен чуть ли не постоянный товарообмен. Исходя из того, что говорила Настя, а также в результате простого логического анализа можно было предположить, что римский купец и римский шпион – синонимы. Впрочем, варвары об этом тоже догадывались, но в большинстве своем не понимали настоящей цены информации. Отчасти потому, что информация в здешних условиях передвигалась медленно и частенько запаздывала, отчасти потому, что большинство варварских племен жило сегодняшним днем. В крайнем случае – завтрашним. Решения о набегах принимались спонтанно, время и цель также выбирались скорее по наитию, чем по расчету. В походы ходили обычно осенью, когда урожай собран (и у противника в том числе). Или зимой, когда все равно делать нечего, а реки легко форсируются по льду. Решение о походе принимал обычно рикс, и подходил он к этому делу не стратегически, а оперативно-тактически. Стратегическими вопросами (например, переселением всего племени в более уютные места) занимались старейшины. Используя, впрочем, и разведанные, полученные во время тактических набегов.

Были, разумеется, и исключения. К ним относился «римский опыт» «начальника герульской разведки» скулди или «большой поход», затеянный Одохаром не только ради добычи, но

и ради повышения собственного авторитета. Как и следовало ожидать, римский «агент влияния» «мирный» вождь Стайна не только вовремя проинформировал империю об опасности, но и приложил все силы, чтобы «экономическими методами» свести эту опасность к минимуму. Если бы Коршунов (при деятельной поддержке «фракции войны», разумеется) не вывел «мирного» вождя на чистую воду, вместо «большого похода» получился бы пшик. Или кровавая подстава.

Теперь же у гревтунгов (к коим нынче относился и Аласейя большая вода) появилась возможность дезинформировать противника.

Сделать «двойного» агента из Стайны было невозможно. Да это и не требовалось. Донесения для неграмотного гота составляла Анастасия. С тем же успехом она могла писать и под диктовку Коршунова. То, что тот посчитал бы нужным надиктовать.

Но Алексей проявил осторожность. И донесений типа «похода не будет, спите спокойно, дорогие римляне» засылать не стал. Слишком резкое изменение «курса» выглядело бы подозрительно. Наверняка у римлян имелись и другие шпионы, а скрыть передвижение войска в несколько тысяч человек по открытой местности невозможно. Поэтому Коршунов, не желая подрывать доверие к «двойному агенту», продолжал сливать противнику достоверную (ну, может, чуть-чуть подправленную) информацию и ждал ситуации, когда запущенная деза сможет радикально изменить расклад сил. Ждал – и дождался. И столкнулся с тем, что его подруга и наложница, безропотно составлявшая правдивые донесения, вовсе не хочет подставлять свою родину под удар.

Они сидели внутри шатра. Кожаный полог был откинут, и ночной воздух втекал внутрь, принося запах дыма и тины от заросшей ряской речки.

– Мне нужно, чтобы ты это сделала, – сказал Коршунов. – Мы должны их напугать. Чтобы триремы ушли от этих берегов к устью Данубия. Напиши им, что мы разбили аланов, что наше войско еще более увеличилось, потому что к нему присоединились гепиды. Они должны испугаться и увести флот. Вот тогда мы проскользнем вдоль берегов и ударим – внезапно, стремительно...

– Алексей... – В черных глазах женщины посверкивало пламя лампадки. Смуглое прекрасное лицо. Только губы искривлены... словно от боли. – Алексей, зачем это тебе?

– Что именно?

– Этот набег. Варвары хотят воевать с варварами – и пусть. Зачем тебе вести их на землю Рима?

– Надо! – Алексей взял ее руку в свои жесткие ладони, после нескольких месяцев непрерывных упражнений с оружием покрытые твердыми валиками мозолей. – Мне это очень нужно, радость моя! Потому что я не собираюсь вечно скитаться по этим степям и драться из-за дюжины мешков с зерном. Я хочу туда! – Он махнул рукой в сторону юга. – Я хочу добраться до твоей империи и обосноваться в ней.

– С помощью варваров?

– Почему бы и нет? Они – мои друзья. Учти, я ведь тоже варвар – совсем не знаю латыни! – Алексей засмеялся, но Анастасия даже не улыбнулась.

– Если ты хочешь жить на земле Рима, совсем не обязательно врываться туда силой. Я могу тебе помочь...

Коршунов покачал головой.

– Я не хочу быть просителем, – произнес он с легкой надменностью. – Тем более я не хочу, чтобы ты просила за меня.

– Почему? – В голосе женщины прозвучала обида. – Из-за того, что я делила ложе с...

– Молчи! – Алексей коснулся пальцами ее губ. – Мне плевать, с кем ты была до меня! Но я хочу сам добиться того, что мне надо. И я хочу увидеть собственными глазами, что есть ваша Римская империя.

– Приезжай мирно. Приезжай торговцем. Со мной тебя пропустят через границу. Я...

– Настя! Думай, что говоришь! Да, через границу меня, может, и пропустят. А как я доберусь до этой самой границы? Через земли всех этих аланов и гепидов? Да еще с товарами! Да еще с такой красавицей, как ты! Ты что, не понимаешь, что первый же занюханный рикс с дюжиной дружинников прикончит меня? Эти варвары, о которых ты говоришь так пренебрежительно, моя настоящая сила! Вдобавок это мои друзья! Ты не должна относиться к ним с презрением! Хотя бы ради меня... – В голосе Коршунова прозвучали просительные нотки: он ведь действительно любил эту женщину.

– Я не презираю их, – негромко проговорила Анастасия. – Я их боюсь. Алексей, ты не знаешь варваров, то есть ты знаешь их такими, какие они у себя дома.

– Да, – согласился Коршунов. – Они довольно жестоки... – начал Алексей, не понимая, к чему она клонит.

– Нет! – перебила его женщина. – Ты ошибаешься!

– Разумеется, – желчно произнес Коршунов. – Они очень добрые. Мне, конечно, пригрелось, как добряки Стайна с Одохаром решили тебя убить!

– Нет, не пригрелось. Но, Алексей... – она взяла его за руку. – Пойми: таков их обычай! Я не осуждаю ни Стайна, ни Одохара. Мир в народе дороже жизни наложницы! Ты не прав! У себя дома эти скифы умеренны и справедливы, потому что живут по законам и обычаям дома. Но, Алексей, ты не знаешь, что такое варвары на земле Рима. Это – совсем другое. Потому что там они живут по закону войны. Я никогда не согласилась бы стать наложницей варвара, если бы не видела, что остается после их набегов. Что такое несчастье маленькой женщины в сравнении с этой бедой!

В ее голосе было столько горечи, что Алексей привлек ее к себе, погладил по голове, нежно, как ребенка.

– Ты сделала это ради Рима... – произнес он. – Я понимаю. Я тоже люблю свою родину...

И ощутил внезапный укол тоски. Его родина... увидит ли он ее когда-нибудь...

– Нет! – Анастасия качнула черноволосой головкой, отстранилась. – Я не люблю Рим. Моя родина – не Италия. Я эллинка. Я родилась в Антиохии. Германцы никогда не придут туда. Я не люблю римскую империю, Алексей. Но не обязательно любить своего повелителя, чтобы понимать его величие. Стыдно хулить грубость легионеров тем, кто живет за щитами легионов.

– Это не твои слова, – заметил Коршунов.

– Так говорил мой отец. И это правда.

– Я не спорю, – произнес Алексей. Он действительно понял. – Я больше не стану просить тебя делать что-то против твоей родины.

«Уж не знаю, как я объясню это Одохару и остальным, – подумал он. – Но объясню как-нибудь, куда я денусь, придумаю что-нибудь...»

– Алексей, я бы сделала это для тебя! – умоляюще проговорила Анастасия, сжав его руку. – Но я не могу. Они ведь не просто убивают: они убивают всех. Женщин, детей, совсем маленьких... просто для развлечения. После них не остается ничего – только трупы и пепел!

– А если я обещаю тебе, что не позволю им убивать ради развлечения? – негромко произнес он.

Женщина покачала головой:

– Ты велик, Алеша! Кому, как не мне, знать это. Но даже тебе не обуздать их звериной природы. Они не люди! Они только выглядят людьми!..

– Прекрати! – жестко оборвал ее Коршунов. – Я сказал тебе: это мои друзья. Всё! И я не собираюсь никого резать! Я собираюсь жить в твоей империи! Отвоевать от нее кусок...

– Ты не понимаешь... – Анастасия печально покачала головой. – Рим – это не то, что здесь. Рим – это государство. Твои варвары разграбят пару поместий, может, захватят какой-нибудь город... а потом придут легионеры и убьют всех варваров. Всех, кто не успел сбежать. Воевать с государством, отнимать у него земли может только другое государство. Я изучала историю, Алексей, поверь мне – это так! Так было всегда!

– Допустим, – кивнул Коршунов. – Так было. Но я намерен это изменить. – В этот момент он сам верил в то, что говорил. Он был убежден в этом. – Да, я это изменю! Если ты мне поможешь. Настя!.. – Он взял в ладони ее нежное лицо, заглянул в черные влажные глаза: – Я прошу тебя: помоги мне!

Две слезинки скатились по смуглым щекам, смочив пальцы Коршунова.

– Да, Алексей... – прошептала она. – Я это сделаю... я сделаю то, что ты хочешь. Все, что ты хочешь... Я сделаю для тебя...

Глава четвертая

Тактика фехтования и стратегия войны

– Ну что ты делаешь! – возмущенно закричал Ахвизра. – Куда убежал?

– Но ты же мог меня достать! – резонно возразил Коршунов.

– А ты мог меня убить! Вот так и так! – Ахвизра взмахнул тренировочным деревянным мечом: наискось, потом – уколом снизу, в живот.

Он был прав: Коршунов в самом деле мог его достать из этой позиции. Сам при этом рискуя максимум легким ранением в ногу. И все-таки он не мог себя перебороть. Нет в нем безудержной отваги, свойственной здешним парням. Да и раньше не было. А будь меч Ахвизры из настоящей стали, Алексей вел бы себя еще осторожнее. Потому что уже видел, как легко таким мечом можно отмахнуть руку или вспороть живот. Ахвизре просто: он убежден, что, пав в бою, тут же отправится к вотану. А вот у Коршунова относительно себя такой уверенности нет. Зато у него есть обширные планы на будущее. А дырка в организме может существенно этим планам помешать. Конечно, у него аптечка, а в ней лекарства, позволяющие не опасаться заражения крови, но отрубленную кисть в местных условиях обратно не пришить. В общем, с точки зрения Ахвизры, Коршунов элементарно трусил. Но обвинить Алексея в трусости Ахвизра не мог. По здешним понятиям за таким обвинением от равного по статусу следовал немедленный вызов на смертельный поединок. В котором Ахвизра, разумеется, без труда прикончил бы Коршунова (чего самому Ахвизре вовсе не хотелось), а затем – также по определению – вынужден был бы сражаться со всеми родичами Алексея поочередно, начиная с Агилмунда, своего лучшего кореша... короче, обычаи здесь были таковы, что приходилось выбирать выражения.

– Что ты все время бегаешь, Аласей! – раздраженно бросил Ахвизра. – Видел бы тебя какой-нибудь гепид, подумал бы, что ты боишься!

– Я бьюсь, как мне удобнее, – сказал Коршунов. – Скажешь, я бьюсь хуже, чем Сигисбарн?

Вышеупомянутый Сигисбарн на пару с Книвой, пыхтя и потя, отбивались от старшего брата на другой стороне утоптанной площадки.

– Не хуже, – признал Ахвизра. – И все-таки ты – паршивый воин... Вот так!

Коварный гот прыгнул вперед, лихо огрел по ребрам расслабившегося Алексея и захохотал:

– Не зевай!

Коршунов вяло, изображая усталость, рубанул в ответ своей деревяшкой (Ахвизра без труда отмахнулся)... и одновременно ловко подбил ногу противника, отчего тот приземлился

на травку. Разумеется, через полсекунды Ахвизра уже снова стоял бы на ногах, но Коршунов, давно готовивший эту ловушку, успел придавить ногой правую руку Ахвизры и упер противнику в горло обмотанное тряпкой «острие». И тут же услышал одобрительный возглас Агилмунда, который, гоня братьев, ухитрился еще следить за поединком. Нормальная, впрочем, ситуация. Коршунов уже знал, что в реальном бою надо «держаться» все окружающее пространство, а не только своего непосредственного противника. Иначе мигом получишь железо в спину. Агилмунд умел фехтовать и наблюдать за окрестностями, а вот Книва с Сигисбарном – не очень. Но тоже захотели поглядеть, что там такое интересное совершил Аласейя... Книва, впрочем, успел отскочить (он вообще был очень ловкий и подвижный парнишка), а тяжело-весный Сигисбарн схлопотал деревяшкой по уху.

– Молодец! – Ахвизра был очень доволен. – Когда-нибудь из тебя выйдет отменный воин, Аласейя... – И вдруг змеиным движением вывернулся из-под «клинки», выдернул из сапога нож и полоснул по ноге Коршунова. Аккурат по сухожилию. Разумеется, тупой стороной ножа, а не острой, иначе быть бы Алексею калекой.

Миг – и Ахвизра уже на ногах, и уже его деревяшка упирается Коршунову в живот.

Опять обыграл ловкий гревтунг, а ведь реакция у Коршунова даже лучше. Ну да, Алексей знал: его проблема еще и в том, что он, добившись успеха, останавливается, расслабляется... а Ахвизра – нет. Ладно, еще не вечер.

Вернее, как раз вечер.

– Хорош, – сказал Алексей, отпихивая «меч» от своего живота. – Солнце садится. А завтра гепиды придут. Надо выспаться.

– Езжай, – кивнул Ахвизра. – Выспись. А то люди говорят: ты совсем плохо спишь. Каждую ночь в твоём шатре шум. Это блохи вам со Стайсой спать мешают, да? – гот ухмыльнулся.

– Да, – буркнул Коршунов.

Ну не лагерь воинский, а коммуналка какая-то.

Ахвизра ухмыльнулся еще шире:

– Такие злые у тебя блохи, Аласейя. Стайса твоя бедная от них так громко кричит!

– Я думаю, Ахвизра, если б тебя шершень за язык укусил, – сказал Коршунов, – языку твоему ничего бы не было, а вот шершень, тот бы от твоего яда помер.

И засвистел, подзывая свою лошадку. Шутки по поводу его и Насти Алексея уже порядком достали. С другой стороны, и шутников можно понять: на весь многотысячный воинский табор не наберется и сотни женщин. А уж равной его Анастасии и вовсе нет.

– «Марку Аврелию Клавдию, легату в мёзии, – от вождя славных гревтунгов – привет! Сообщаю тебе, что грозные соплеменники мои, вкуче со свирепыми герулами алчного рикса Комозика вкуче со злокозненными боранами и кровожадными гепидами, соединившись в бесчисленное воинство и погрузившись на множество кораблей, вознамерились морем достичь границ земель, что лежат к югу от устья Данубия...» – Коршунов запнулся, оторвал глаза от пергамента, посмотрел на Анастасию. – Я правильно читаю? – спросил он.

– Твоя латынь ужасна, – грустно проговорила женщина. – Но это не имеет значения.

– Почему?

– Потому что тебе никогда не быть гражданином Рима. А мне никогда больше не увидеть дома... – Голос Анастасии дрогнул.

– Почему?

– Ты ведь отправишь *это*? – Она показала на исписанный ею самой пергамент.

Алексей кивнул.

– Если моему донесению не поверят, меня сочтут предательницей. Если поверят, то тоже сочтут предательницей. Но позже, когда случится беда. – Анастасия тяжело вздохнула. – Даже если я рискну вернуться, я никогда не смогу жить под своим именем. И никогда не смогу

встретиться со своими друзьями. Мне придется жить в вечном страхе, что когда-нибудь за мной явятся вегилы...

– Вегилы – это кто? – перебил Коршунов.

– Те, кому поручено следить за порядком и законом. Какая тебе разница, кто такие вегилы! – воскликнула она сердито. – Ты не понимаешь! Только там, на землях Рима, – настоящая жизнь. Культура, искусство, цивилизация... а здесь только дикость, грязь, блохи, варварская речь и варварская грубость! Ты не поймешь!

– Ну почему же? – усмехнулся Алексей. – Я тебя отлично понимаю. Еще здесь нет электричества и центрального отопления. А также телевидения, спутников и персональных компьютеров...

– О чем ты говоришь?

– Ты не поймешь! – Коршунов бросил на постель пергамент, тут же свернувшийся трубкой. – Тот мир, откуда я пришел, так же отличается от твоего Рима, как Рим – от готского бурга. Но я не оплакиваю его, понятно! Я пришел в этот мир, и я сделаю его своим! – Он присел рядом с ней, обнял. – И твой Рим тоже станет моим. Если ты мне поможешь. Настя, бог свидетель, я делаю это не только для себя, но и для тебя. *Мы будем жить в Риме!* Мечом или золотом, но мы с тобой проложим себе путь к центру этого мира!

Женщина молча прижалась головой к его плечу.

«Эх, если бы у меня была возможность вернуться *домой!* – подумал Коршунов. – Вернуться вместе с тобой, Настенька...»

Но нет, невозможно. Тот, двадцать первый век, даже сниться ему уже перестал...

– Верь мне, любимая! – прошептал он. – Верь мне – и все будет!

Анастасия молчала. За тонкой тканью шатра гудел варварский лагерь, скрежетали цикады, громко плескала рыба в тинистой заводи...

Словно в каком-нибудь турпоходе. В каком-нибудь Лосево... м-да, турпоход. Немножко затянувшийся и немножко кровавый.

«Зато осень здесь теплая! – с непонятным ожесточением подумал Коршунов. – А когда похолодает – можно двинуться на юг. В теплые, так сказать, страны. Попутешествовать. В сопровождении персональной армии. Эх, был бы здесь Генка – порадовался бы за меня!»

На следующее утро он нашел Скулди, вручил герулу пергамент и попросил сделать так, чтобы данный пергамент в самые краткие сроки попал к римским торговцам, возвращающимся домой.

– Что здесь? – поинтересовался Скулди.

– Отправь его – и увидишь, – уклончиво ответил Коршунов.

– Что увижу? – спросил недоверчивый герул.

– Если все выйдет, как я задумал, бораны дадут нам корабли.

– А понтийская римская эскадра?

– Отправь это, Скулди! – решительно заявил Коршунов. – Отправь – и ты увидишь.

Алексей был уверен, что его план сработает. Имея дело с прямолинейными варварами, римские власти наверняка будут реагировать так же прямолинейно.

Глава пятая

На аланов!

Разношерстное войско двигалось по степи вдоль берега речки, впадающей в Днепр-Борисфен. Тяжелые фургоны на здоровенных колесах неторопливо катили по сомнительному подобию дороги. Всадники ехали группами в десять-двенадцать человек – по родам. Пехота топала как придется, но тоже кучкуясь по родственному признаку. Они и дрались так же. Организация

у войска была типично родоплеменная. То есть – минимальная. Но толпа собралась изрядная, и кушала эта толпа хорошо. В смысле, не изысканно, а много. С провиантом пока проблем не было. Рыба – в реке, птицы – в камышах. За дичью покрупнее отряжали охотников.

У «Аласеи – небесного героя», разумеется, был персональный фургон. Но «небесный герой» предпочитал передвигаться верхом. Степь – она, конечно, ровная, но это – на глаз. А если по ней ехать, да еще на такой «технике», при которой каждая кочка – твоя... так что в фургоне ехали его *тивви* Анастасия и родич книва. А «герой», на лихом мерине, – во главе войска, вместе с прочими вождями, коих набралось дюжины полторы. Каждый в этой элитной компании величал себя риксом и всячески подчеркивал свою независимость, что нередко приводило к конфликтам. Одохару с Комозику кое-как удавалось удерживать разношерстное воинство от внутренних раздоров, урезонивать, умиротворять... К некоторому удивлению Алексея, изрядным авторитетом по части решения конфликтов оказался Травстила.

Впрочем, и самого Коршунова тоже пару раз «заряжали» в качестве судьи. Особенно много проблем было с гепидами. Те оказались действительно безбашенными. С другой стороны, их вождь, зверовидный детина лет восемнадцати, то есть младше Сигисбарна (и не сказать, чтоб умнее), ходил теперь у Коршунова в друзьях. Алексей, увидев, какими глазами красный (так звали гепида) смотрит на ало-белый плащ Одохара, презентовал парню красный отрез парашютного шелка. И получил в качестве «отдарка» отличный шлем и дружбу громилы-вождя. Если бы не эта маленькая деталь, держать в повиновении гепидов было бы нелегко. Но вождя они слушались. Красный слыл *вутьей*, местным берсерком: спорить с ним не решались.

Итак, могучее воинство готов-гепидов-герулов вышло в большой поход местного значения. Супротив аланов. Причем сами аланы наверняка об этом уже знали, поскольку о цели похода в войске знал даже самый последний ополченец. По вечерам все с большим энтузиазмом «делили» будущую добычу.

Коршунов, «путешествовавший» в компании Ахвизры, Агилмунда и Скулди, попытался выяснить у двух последних как лиц, особо приближенных к руководителям похода, – что это за народ такой – аланы. И, главное, как они воюют. В конце концов, надо же разработать какую-нибудь стратегию...

Оказалось, что никто, включая Одохара и Комозика, продумывать будущую войну не собирался. Вся стратегия сводилась к тому, чтобы вышеуказанных аланов отыскать, навешать им как следует (в успехе никто не сомневался, так как откуда-то пришла информация, будто аланские вооруженные силы сейчас не в лучшем состоянии), а затем слупить выкуп побольше.

Четыре дня войско двигалось без всяких ухищрений, и только на пятый день совокупное руководство армии наконец соизволило отправить разведку: пару разъездов по дюжине всадников.

Готский отряд возглавил Ахвизра, герульский – паренек по имени Берегед, отиравшийся возле Скулди и приходившийся последнему родичем. Еще одним изменением было то, что Агилмунд и Скулди ехали теперь бок о бок со своими риксами. Коршунов мог бы тоже присоединиться к ним, но воздержался. Отношения с герульским риксом Комозику не очень-то у него складывались. С точки зрения Коршунова, Комозик вел себя слишком высокомерно. Ну и Коршунов, конечно, старался держаться с достоинством. Как и подобает «небесному герою». Только вот Комозику на «небесное происхождение» Алексея было начхать. Он вообще вел себя так, словно все вокруг в сравнении с ним – плесень. Разве что для Одохара делал исключение. Остальными, включая даже Скулди, откровенно помыкал. При этом сам герульский рикс, по мнению Коршунова, никакими особыми достоинствами, кроме общепризнанного умения колоть-рубить, не обладал. Ах да, был еще один человек, которого Комозик старался не раздражать: молодой вожак гепидов красный. Алексей, впрочем, догадывался, что причиной тому

не то, что рыжий предводитель союзников тоже рикс, а то, что красный слыл не только полным отморожком, но тоже изрядным рубакой. И вызови вожак гепидов рикса герулов на поединок, очень возможно, что не гепидам, а герулам пришлось бы выбирать нового рикса. А вот Коршунов себе такой роскоши, как вызов, брошенный Комозику, позволить не мог. Единственный шанс выжить для него в такой ситуации – пристрелить герула из пистолета. Пристрелить-то можно, но понравится ли это войску? Да и с политической точки зрения живой, пусть и надменный, Комозик полезнее Комозика не гордого, но мертвого.

В общем, к риксам Коршунов присоединяться не стал. Все интересное друзья ему потом перескажут.

Поехал в одиночестве. Если можно считать одиночеством езду в голове колонны из нескольких тысяч человек и доброй сотни повозок.

Но даже и это одиночество Коршунова было вскоре нарушено. К нему присоединился боран по прозвищу Скуба.

Скубу «главный боранский рикс» крикша отрядил в качестве наблюдателя. А может, сам Скуба решил поглядеть на сборное воинство в деле. Так или иначе, но этот средних лет боран в сопровождении полудюжины боранов помоложе присоединился к участникам «аланской кампании».

Коршунов был одним из немногих, с кем Скуба мог разговаривать по-своему. Боранский язык от русского отличался примерно как русский от украинского. Но друг друга они понимали. К тому же Коршунов в свое время поездил по странам Восточной Европы: и в Польше бывал, и в Болгарии, наловчившись и там и там если не говорить, то понимать сказанное довольно свободно.

Прежде у Алексея не было возможности серьезно с бораном потолковать. А потолковать было надо. Еще когда стояли на днепровском берегу, Коршунов, с разрешения крикши, осмотрел боранский корабль. На человека двадцать первого столетия это суденышко особого впечатления произвести не могло (что не укрылось от крикши), но от готских судов кораблик отличался существенно. Примерно как баркас от плоскодонки. Впрочем, хороши боранские корабли или плохи, а без них любой морской набег попросту невозможен. Так что, когда Скуба сам подъехал к Алексею, тот обрадовался. Ему было просто необходимо заручиться поддержкой представителя местных мореходов. И кое-что узнать о специфике парусно-гребного мореплавания. По предварительным сведениям, здешние мореходы старались в открытое море не углубляться. Плавали вдоль берегов. Следовательно, если вывести флотилию в открытое море, а затем, просчитав курс, выйти прямо к исходной точке, то и патрулирующая берега эскадра не так страшна...

Но в это утро основательно пообщаться со Скубой Алексеем не удалось. Не успело солнце пройти и половины пути до зенита, как впереди показались скачущие сломя голову разведчики.

Впереди – враги!

– Вовремя, однако, риксы отправили дозор, – заметил Коршунов.

Скуба повернулся к Алексею. На широком, покрытом темно-красным загаром лице борана выразилось удивление.

– Сегодня первый раз послали дозор – и сразу врага обнаружили, – пояснил Коршунов.

Скуба пожал плечами.

– Так мы же сегодня на аланские земли вступили, – сказал он. – Вот там, за излучиной, их бург стоит. Мы туда в позапрошлом году торговать приходили.

М-да...

Глава шестая

Сарматы

Да, враги были близко, и их было много. Более того, намерения у врагов (насколько могли оценить разведчики) были самые серьезные. Ахвизра еще не окончил «доклад», а Агилмунд уже птицей полетел к повозкам.

Тут Алексей впервые увидел, как строится «мобильная крепость» готов.

Тяжелые повозки разделились по принципу «на первый-второй рассчитайся», образуя две линии. Агилмунд метался между ними в клубах пыли и орал. Осуществлял общее руководство. Ему помогали несколько Одохаровых дружинников. И двадцати минут не прошло, как фургоны образовали что-то вроде каре, внутри которого расположились пешие готы и герулы. Гепиды под защиту фургонов не полезли. Красный пренебрежительно махнул рукой: дескать, таким храбрецам, как гепиды, негоже позорно прятаться за телегами.

Коршунов тоже за телегами прятаться не стал. Успеется. Выехал вперед, пристроился справа от Скулди, который застыл, стремя в стремя с Комозиком. Так они и стояли, аки три богатыря, дожидаясь появления супротивников. Попутно Коршунов рассказал Скулди анекдот. Дескать, был у него на родине в наидревнейшие времена такой богатырь – Илюша Муромский. И вышел он как-то на бой против Идолица Поганого. Ударило Илюшу по голове Идолице раз – по колено в землю ушел Илюша. Ударило идолице Илюшу (тут к «богатырям» подъехал боран Скуба – послушать, о чем речь) другой раз – по пояс в землю ушел Илюша. Ударило Идолице третий раз – по грудь в землю ушел Илюша. Выкарабкался из-под земли богатырь, отряхнулся и как даст Идолицу по макушке! Стоит Идолице Поганое. Илюша его еще раз по макушке – хват! Стоит Идолице Поганое! Поднатужился Илюша да в третий раз, со всей молодецкой силушки – бабах! Стоит Идолице Поганое! Только уши из задницы торчат!

Первым заржал Скулди. Чуть позже – засмеялся Скуба. Анекдот был рассказан по-готски, Скуба же по-готски понимал не вполне свободно. Комозик даже не усмехнулся. Когда остальные отсмеялись, заявил, что будь на месте любого из поединщиков он, Комозик, то голову второго можно было бы сразу закопать. Отдельно от туловища.

Враги появились прямо со стороны солнца. Всадники. Аланы?

Скулди выругался. Скуба негромко присвистнул.

Всадники приближались. Вернее, спускались, потому что степь впереди выгибалась склоном пологого холма. Враги ехали плотным строем, подминая лохматую траву. Над их головами, словно тростник, стояли поднятые к небу копыта.

Коршунов покосился на Скулди. Герул был встревожен. С чего бы это? Если перед ними вся вражеская армия, то проблема невелика. Всего-то несколько сотен копий, по прикидкам Алексея. Раз в шесть меньше, чем войско «союзников».

– Эти что еще здесь делают? – громко и сердито произнес Комозик.

– Что он сказал? – поинтересовался Скуба, плохо знавший готско-герульский.

– Хочет знать, откуда здесь взялись сарматы, – буркнул Скулди. – Я бы тоже хотел это знать...

Аланы, сарматы... что-то такое осело в памяти Коршунова еще из школьной истории. Вот только какая между ними разница? А разница наверняка есть, коли уж все, кроме Алексея, моментально определили, кто есть кто. И разница, надо полагать, существенная, если тот же Скулди, настроенный по отношению к аланам вполне оптимистично (разобьем, отберем, поделим), так забеспокоился.

– Я догадываюсь, откуда они взялись, – отозвался Скуба. – Готов поставить полную горсть серебра, что я прав. Принимаешь?

– Принимаю, – кивнул Скулди. – Откуда?

– Аланы их позвали.

Скулди фыркнул:

– Сарматы аланам – не друзья.

– Ах, Скулди-воин! Золото превращает в друзей самых отъявленных недругов! Готовь свое серебро!

– Ну, еще посмотрим, – пробормотал Скулди и по-герульски повторил для Комозика слова борана.

– Думаю, он прав, – буркнул рикс герулов. – Что посоветуешь?

– Что-то мне не хочется драться с сарматами, – проворчал Скулди. – Дорого нам это встанет.

Коршунов во все глаза следил за приближающимися всадниками. Точно, их было всего три-четыре сотни, не больше. Лошади – до самых копыт – в каких-то тусклых серых доспехах. И всадники – в таких же доспехах. Только шлемы – металлические, сверкающие на солнце. А копья – просто чудовищной длины: метров по пять, не меньше.

Примерно в сотне метров сарматы остановились, лишь трое продолжали двигаться. Подрагивали древка копий, колыхались полотнища-доспехи, прикрывающие лошадей. Сами доспехи и на людях, и на всадниках были довольно странные: покрытые, словно чешуей, множеством костяных пластинок. Кажется, в несколько слоев. Должно быть, весили они изрядно, но и кони у сарматов были куда крупнее готских и герульских.

Шагах в двадцати трое придержали лошадей, разом опустили копья книзу, и их главный (судя по золоченому шлему и золотым украшениям на уздечке коня) произнес длинную фразу.

– Что он говорит? – спросил Комозик у Скулди.

Тот пожал плечами.

– Он говорит: это земли аланов, – вмешался Скуба. – Дальше вам хода нет.

– Что тебе до аланов, сармат? – бросил Комозик. – Твои земли далеко.

Сармат-вожак разразился короткой речью.

– Говорит, это не наше дело, – перевел скуба. – Но из добрых чувств он поясняет: аланское племя, что обитает здесь, наняло их, лучших воинов Боспора, Меотиды и всех прочих земель, чтобы охранять аланскую землю.

Тут скуба бросил многозначительный взгляд на Скулди: ну что, мое серебро?

Коршунов, встав на стременах, поглядел на Одохара... и увидел, что рикс гревтунгов не только не намерен вступать в разговор, но даже подал своего коня назад и ушел с «первого плана», уступив место пешим гепидам во главе с Красным. Еще Коршунов увидел, что у вожака гепидов уже красна не только шевелюра, но и физиономия, а веслоподобная лапа молодого «отморозка» поглаживает рукоять секиры.

Внезапно, без всякого предупреждения, молча, красный прыгнул вперед. Топор его взлетел вверх...

Коршунов даже не успел углядеть, как «левый» сармат метнул аркан. Петля упала на Красного – и сармат тут же бросил коня в сторону. Но Красный оказался крут: мало того что устоял на ногах, но даже, перехватив петлю, едва не сдернул сармата на землю. Тот, впрочем, успел выпустить аркан, могучий гепид потерял равновесие, средний, главный, сармат послал лошадь вперед, ее грудью толкнул Красного, а тот, что бросил аркан, развернул коня и поскакал к своим. Аркан снова натянулся – он был привязан к седлу – и поволок за собой гепида. Красный, выпустив топор, ухватился двумя руками за натянувшийся аркан... он даже ухитрился встать на ноги, но другой сармат небрежным движением сунул ему в ноги свое длинное копьё – и Красный опять повалился на землю. На сей раз встать ему не удалось, потому что лошадь уже набрала разбег.

Все это множество действий произошло за считанные секунды. Коршунов только и успел отметить выверенную точность действий сарматов, а над степью уже прогремел рык Одохара:

– За возы!

Толпа гепидов, хлынувшая было вперед, чуть приостановилась.

Второй сармат тоже развернулся и поскакал к своим, а третий, тот, что говорил, помедлил несколько мгновений – и сделал левой рукой неприличный жест.

Этого хватило. Сотни разъяренных гепидов устремились к нему, главный сармат поскакал прочь, а плотный строй всадников снялся с места и покатился навстречу гепидам.

Самое интересное Коршунов пропустил. Потому что Скулди яростно рванул узду Коршуновского мерина.

– За возы! – заорал он, перекрывая прочий шум. – Живо!

Так что Алексей еще успел увидеть, как строй всадников «проглотил» своих посланцев, а вот как они сшиблись с гепидами, посмотреть не успел.

Вся герульско-готская кавалерия покинула поле боя, всосавшись в проемы между телегами. И едва последние дружинники Комозика и Одохара оказались внутри, как возы тут же развернули, замыкая «крепость». Успели. Спасибо гепидам, задержавшим атакующих. Задержавшим, впрочем, ненадолго. Когда Алексей снова взглянул на поле боя, сарматская конница уже вчистую стоптала гепидов и тем же сплоченным строем накатывалась на передвижную «крепость» готов. Из-за возов на сарматов посыпались стрелы, копья, топоры, но вся это метательная снасть причинила весьма незначительный урон. Всего лишь две бреши образовались в сарматском строю, да и те мгновенно затянулись.

Непомерно длинное сарматское копье возникло откуда-то сверху. Коршунов лишь в самый последний момент успел увернуться. А вот его соседу – молодому, безбородому еще герулу – не повезло. Другое копье прошло парня насквозь – наконечник выскочил из спины. Затем хозяин копья, вероятно, подал коня назад, потому что вопящего и извивающегося, как рыба на остроге, парня утянуло наружу.

Четверо сарматов одновременно навалились на один из фургонов и едва не опрокинули его.

Коршунов увидел, как Ахвизра с ходу «взбежал» по кожаной стенке фургона, а оказавшись наверху, отрубил руку одному из сарматов, проткнул шею второму, увернулся от копья, отшиб прямой клинок, который сармат держал в левой руке... Но тут бы Ахвизре и конец, если бы брошенное снизу готское копье не оказалось эффективнее вязнувших в костяной броне стрел и не продырявило грудь четвертого сармата, едва не поддевшего Ахвизру на острий.

Тут наконец Коршунов опомнился (до сего момента он наблюдал за происходящим, словно зритель) и взялся за арбалет. Вот это оказалось поэффективнее слабеньких варварских луков.

Взобравшись на крышу одного из фургонов, оставленных в середине «крепости», Алексей старательно выцеливал наиболее активных сарматов. Главным образом тех, кто совместными усилиями пытался сдвинуть фургоны и прорваться внутрь. К сожалению, запас болтов у него вскоре иссяк: осталась парочка, сохраненная на крайний случай, так что Коршунов снова превратился из участника в наблюдателя: лезть в мясорубку ему совсем не хотелось. Для этого он слишком ценил собственную жизнь. А эти сарматы управлялись со своими длиннющими копьями с такой ловкостью, с какой японцы орудуя палочками для еды. И все же их атака захлебнулась. Как только наступило некое равновесие, при котором обе стороны терпели примерно одинаковый урон, но ни одна не получала преимущества, сарматы прекратили штурм, быстренько развернулись и отбыли, подобрав, впрочем, своих раненых и убитых и мимоходом опять разметав уцелевших гепидов, собравшихся было в кучу и вознамерившихся помешать отходу противника.

Герулы и готы преследовать противника не стали. В принципе, могли бы: оседлав упряжных лошадей, они набрали бы почти тысячу всадников. Но, видимо, репутация у сарматов была соответствующая и известная обоим риксам. Коршунов, впрочем, тоже мог без особого напря-

жения фантазии представить, что может сделать с готско-герульской вольницей этакая «тяжелая кавалерия» на открытой местности. Достаточно поглядеть на поле боя, усеянное телами гепидов.

Глава седьмая

«Настоящие воины...»

– Настоящие воины, – сказал Скуба, запивая вином утку, добытую книвой, и весьма искусно (с поправкой на походные условия) приготовленную Анастасией. – Рядом с поселком, где я вырос, их городок стоял. Мы им тогда дань платили... – Он еще раз приложился к вину, которое сам и принес. – У нас говорили: когда-то они большую силу имели. Да и теперь тоже не последние. И те, что здесь обитают, и те, что за Данубием живут. Воины они отменные.

– Это я видел, – согласился Коршунов. – Дорого нам эти аланы встанут...

Скуба пожал плечами. Ну да не им решать. Риксы уже приняли решение: следовать дальше. Собственно, потери были не такие уж большие. Десятка три раненых, дюжина убитых. Это – у готов и герулов. Гепидов побили изрядно, но то – гепидские проблемы. Хотя и от гепидов может быть польза. Одохар сегодня лично отметил: прав был Аласейя, когда рекомендации по использованию гепидов давал. Много пользы сегодня принесли готам гепиды, когда в глупой отваге под копья сарматов кинулись. И еще от них польза будет, поскольку не всех гепидов побили сарматы, а оставшиеся в живых безумной яростью исходят: желают сарматам за вождя своего и сородичей побитых отомстить. С вождем, правда, непонятно. Тело Красного на поле боя так и не нашли. Увезли его сарматы. Так что, может, жив еще Красный? Может, тешит сейчас сарматов мужеством своим и на каленое железо плюет, коим его, по обычаю, победители потчуют?

По правде сказать, Коршунову Красного было немного жаль. Отморозок, конечно, но пацан неплохой. А что глуп, так это – по молодости. Да не так уж он и глуп... Для гепида. После сегодняшнего сражения Алексей склонен был разделить общее мнение об этом племени.

Короче, похвалил Коршунова Одохар. И тут же поинтересовался: не хочет ли Аласейя принять под свое начало уцелевших гепидов? Те его уважают. Сам Красный тоже его уважал. Опять-таки вождь гепидам нужен. Начнут из своих выбирать – большая драка будет. Всем известно, как гепиды вождей выбирают. Нельзя это дело на самотек пускать. Большая и бесполезная трата человеческого материала получится. А гревтунга или герула гепиды точно не захотят. Другое дело Аласейя – небесный герой...

Коршунов обещал подумать. Связываться с гепидами ему хотелось еще меньше, чем воевать с аланами. Но против единодушного решения риксов он пойти не мог. Не тот у него пока авторитет. И командир гепидам нужен, это точно.

– Скажи-ка мне, Скуба, как сарматы с пленными поступают? – спросил Коршунов.

– Да как все, – пожал плечами боран. – Продать, отпустить за выкуп, к делу приспособить...

– ...В жертву принести, – вставил Алексей. – На тризне.

– И это тоже. Хотя у них вроде бы такого обычая нет. Ты зачем спрашиваешь?

– Да вот думаю: они ведь скорее всего Красного в плен взяли. Как теперь с ним поступят?

– Вот этого не скажу. Может, и убьют. Раб из Красного скверный получится. Очень строптивый. А что?

– А то, что думаю я: вряд ли сарматы ушли далеко. У них же раненые. Если бы вот прямо сейчас по следу их пойти...

– Ничего не выйдет! – Скуба мотнул головой. – Ваши риксы ночью воевать не станут.

Это Коршунов и сам знал. Он уже высказывал свое предложение Одохару. Преимущества тяжелой конницы – в строю и в облачении. Ну и в навыках, конечно. А если налететь внезапно, застать врага врасплох, не в седлах и доспехах, а пешком и в рубахах...

Одохар идею отклонил. И, в общем, правильно. Их войско – не регулярная армия, которой приказал: «в бой» – и она пошла в бой. Тут многое от общего боевого духа зависит. А после сегодняшней схватки с боевым духом у сводного войска – проблемы. Не говоря уже о том, что большинство относится к войне как к полевым работам. День пашешь, ночь отдыхаешь. Конечно, личные дружинники риксов смотрят на дело по-иному, но их слишком мало. Хотя...

– Как ты думаешь, Скуба, где сарматы могли на ночь остановиться?

– А что тут думать: прямо в ближнем аланском селении и остановились. Там и крепость имеется, и место удобное.

– А дорогу ты туда знаешь?

– Найду.

Скуба перестал есть, испытующе глянул Коршунова: к чему тот клонит? Не глуп боран. И силой не обижен. Естественно. Воин все-таки.

– А ночью – найдешь?

– Что ты задумал?

Теперь уже не только боран, но и остальные: Книва, Настя, Сигисбарн – перестали есть и устали на Коршунова. Книва и Сигисбарн – с большим интересом, Анастасия – с беспокойством.

– Да понимаешь... – усмехнулся Алексей. – Мне тут предложили гепидов под начало взять, да что-то не хочется.хлопотнотно это. Вот я и подумал: хорошо бы нынче ночью к сарматам наведаться и Красного у них отбить...

– И кто с тобой пойдет? – деловито спросил Скуба.

– Ты пойдешь?

Боран неопределенно махнул недоеденной утиной грудкой:

– А кто еще?

– Сейчас узнаем. Книва, ну-ка сбегай за Агилмундом. Скажи: хочу с ним потолковать о деле великой доблести. О каком – не говори. Я сам скажу. Только пусть поспешит.

Агилмунд поспешил. Еще бы! Заинтриговал его Коршунов. Пришел Агилмунд. С Ахвизрой вместе. И более того – в компании Скулди и Кумунда.

Книва шепнул виновато: мол, так вышло, что говорить пришлось при герулах. Теперь вот никак от них не отвяжешься. Придется славой делиться...

Коршунов похлопал его по плечу: мол, ничего страшного, разберемся. Собственно, он был даже рад. В задуманном им деле головорезы-герулы – очень кстати.

Алексей вкратце изложил идею.

Первая реплика последовала от Кумунда. Недовольная. Кумунд считал, что из-за какого-то там гепида куда-то переться на ночь глядя – идея неудачная. И никакой доблести в этом нет, одно беспокойство.

– Ну да, – покивал Коршунов, понятное дело. Днем-то, на глазах у вотана, многие готовы храбрость проявлять, а вот ночью... на такое дело не всякий пойдет. Вот он, Аласейя, готов пойти. И Скуба тоже. Но Кумунда он, Аласейя, тоже понимает. Ночью особая храбрость требуется...

Кумунд взвился. Никак Аласейя намекает, что он, Кумунд, – трусил? Да он, Кумунд, столько ночных подвигов совершил, что Аласейе...

– Заткнись, Кумунд, – негромко произнес Скулди. – Никто в твоей храбрости не усомнился. Дразнит тебя Аласейя. А что, Скуба, ты и впрямь согласен с Аласейей пойти?

Боран погладил русую бороду, усмехнулся:

– Да вот, есть такая мысль...

– Что он говорит? – спросил Ахвизра.

Скулди тоже усмехнулся, подмигнул Коршунову:

– Говорит: храбрость борана не уступит храбрости герула...

– Он забыл сказать, что она уступит только храбрости гревтунга! – заявил Ахвизра. – Агилмунд! Мы пойдем?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Агилмунд с ответом не спешил. Коршунов понял: сейчас все зависит от того, что скажет его родич. А родич никогда не говорит не подумавши. И в отличие от Ахвизры «на слабо» его не возьмешь. Тем более сейчас, когда Агилмунд, правая рука Одохара, чувствует на себе ответственность не только за себя и своих дружинников, но за всех готов, принявших участие в походе.

Агилмунд думал, и никто ему не мешал.

– Одохару не понравится, – наконец сказал он.

Ахвизра фыркнул:

– Мы его не зовем!

– Он – рикс, – напомнил родич Коршунова. – И дело опасное. Такое дело только тебе, Аласейя, могло в голову прийти. Это оттого, что удачлив ты безмерно. Помнишь, как мы с тобой на квеманов ходили?

– Помню. А ты помнишь, что тогда именно Одохар вас со мной отправил? Хотя сам на квеманов идти не хотел...

– Да, это верно. Добро, Аласейя. Мы пойдем. И я еще кое-кого из своих возьму...

– Я тоже, – заявил Скулди. – Только немногих. На такое дело большим числом не ходят.

– Верно говоришь, – согласился Агилмунд. – Жди, Аласейя. Мы – скоро.

Глава восьмая Спецоперация

Примерно через час спецгруппа в составе четырнадцати человек (шести герулов и восьми готов) была готова. В нее вошли пятеро (кроме Агилмунда и Ахвизры) дружинников, подначальных Агилмунду. И Сигисбарн, которого взяли для выполнения вполне конкретной функции – коней сторожить. Книву (несмотря на его горячее желание) в команду не приняли. Таким образом, вместе со Скубой и Коршуновым, получилось шестнадцать «коммандос».

Скулди прихватил с собой ворох тряпок: при приближении к расположению противника обмотать ноги коням. Скрытность и еще раз скрытность.

Преследовать сарматов, даже в условиях темноты, оказалось нетрудно. Несколько сотен всадников оставили замечательный след. И с расстоянием Скуба тоже не ошибся. Добрались меньше чем за три часа.

Пока Скулди и еще двое герулов «обували» коней, Агилмунд подъехал к Коршунову и поинтересовался, что думает «многоглазый талисман» по поводу благоприятного времени для атаки.

Алексей не сразу сообразил, что его родич имеет в виду. Тогда старший сын Фретилы напомнил: во время достопамятного грабежа квеманов Аласейя руководствовался именно пожеланиями «многоглазого» – и все получилось исключительно удачно. Речь, оказывается, шла о хронометре.

Коршунов поглядел на светящийся циферблат и изрек, что талисман возражений не имеет. Полтретьего ночи – хорошее время.

Последние несколько километров проехали с большой осторожностью: опасались вражеских разведов. Но – обошлось. Ночь была удачная, безлунная.

Когда из темноты пришел отчетливый запах дыма (заходили, естественно, с подветренной), «коммандос» спешили и разделились на две группы. В авангарде – Скуба (специалист по местности), Агилмунд с Ахвизрой (специалисты по устранению «помех») и Коршунов (специалист по удаче). Алексей предпочел бы уступить эту честь Скулди, искренне полагая, что от герула в случае силовых действий проку будет больше, но спорить не стал. Скулди и Агилмунд буквально за полминуты обсудили порядок взаимодействия. Похоже, им не в первый раз приходилось действовать вместе. Затем авангард двинулся вперед.

Им повезло. Сарматы разбили свой лагерь вне поселка, на высоком берегу. И лошади их паслись здесь же, неподалеку, создавая необходимое количество шума. Дозорные, однако, были выставлены вне пределов лагеря и очень грамотно: в условиях полной темноты ни за что не разглядишь. Их и не разглядели – учуяли. В прямом смысле. Нюх у гревтунгов был натурально собачий. Учুяли и дали знак борану с Коршуновым: мол, ждите, сейчас разберемся. Что было дальше, Коршунов не видел. Увидел результат: двух связанных часовых (живых!) С заткнутыми ртами и частично разоблаченных.

Последовало краткое совещание: стоит ли оттащить пленных подальше и допросить? Решили: не стоит. Вдруг их тем временем хватятся?

Так что связанных отволокли шагов на двадцать и оставили. Затем Агилмунд предложил Скубе и Коршунову облачиться в сарматский прикид: «костяную» броню и островерхие шлемы. Трофейный доспех оказался Коршунову длинноват, а плотному борану – тесен. Но мысль была правильная.

Дальше двинулись так: Алексей и Скуба – открыто, во весь рост, Агилмунд и Ахвизра – скрытно, чуть ли не по-пластунски.

Лагерь сарматов выглядел куда более организованным, чем лагерь союзников. На взгляд Коршунова. А вот с охраной дело обстояло неважно. Чужаков никто не опознал.

Шатров в лагере было немного: большинство воинов спали на войлоке, прямо под открытым небом. Кое-где горели костры. Но около них сидели не дозорные, а те, кому не спалось. «Диверсантов» пару раз окликнули. Выручило то, что Скуба прилично знал язык и сумел отболтаться. Коршунов обратил внимание на то, что бодрствующие у костров выглядят мрачновато. А ведь вроде бы не с чего. Победить не победили, но и поражением сарматов результат сегодняшней битвы назвать нельзя. Впрочем, может быть, они по жизни такие смурные. Откуда Алексею знать? Да и не важно. Перед ним стоял вопрос посложнее: как найти черную кошку в темной комнате. При отсутствии уверенности, что она там есть. Ведь это его личное предположение, что сарматы захватили Красного в плен. С тем же успехом они могли прирезать вождя гепидов и выкинуть его в реку.

Скуба тронул Коршунова за руку: полог одного из шатров откинулся. Наружу вышел человек в накинута на плечи халате. Золотое шитье сверкнуло в свете разожженного неподалеку от входа костра.

Человек неторопливо спустился вниз, к реке.

Коршунов и Скуба двинулись вслед за ним. Краем глаза Алексей уловил тень, скользнувшую между чахлах береговых ив. Ахвизра или Агилмунд?

Громкое журчание. Человек в богатом халате, подходя к самому краю берега, пустил мощную струю прямо в реку. Кусты слева, справа – лохматая ива. Внизу – узкая полоска песка, камыши, илистое дно.

Коршунов и Скуба встали между берегом и шатром, заслонив человека в халате от взглядов тех, кто сидел у костра.

Серая тень метнулась из камышей. Схваченный за ноги, человек потерял равновесие...

Коршунов шумно откашлялся...

И тут сдернутый вниз сармат заорал. Черт!

Коршунов бросился к берегу и увидел, что сармат, голый по пояс (свой роскошный халат он потерял), борется с кем-то... и еще одно тело темнеет на песке. Проклятие!

Не раздумывая, Коршунов прыгнул вниз и с резким выдохом вставил сармату кулаком в затылок. Тот обмяк.

– Беги, Аласейя! – гаркнул Агилмунд (это он боролся с сарматом), выдергивая из ножен меч. – Беги!

Наверху зашумел потревоженный человеческий муравейник.

Коршунов требование проигнорировал. Наклонился над лежащим, перевернул. Ахвизра! Физиономия липкая от крови, но дышит! Живой!

Алексей, крикнув, подхватил его на плечо. Теперь – в камыши и...

Не тут-то было!

На берег вывалило сразу человек двадцать с факелами.

Зазвенел металл. Вероятно, Агилмунд попытался прикрыть отход. Но неудачно. На узкой полоске сразу стало тесно. Коршунов, с пятипудовым Ахвизрой на загривке, даже и не пытался драться, когда пара копий уперлась ему в живот и еще одно – в спину. Меч Алексея выдернули из ножен. На песчаной полоске вокруг него и Агилмунда – не меньше двух десятков сарматов. Половина – полуголых, но это не важно. Наверху – еще с полсотни. Агилмунда прижали к береговому откосу. Сын Фретила тоже не пытался сопротивляться. Ввиду явного численного превосходства противника.

Ахвизра застонал, дернулся. Коршунов положил его на песок.

Тот, кого они пытались захватить, уже стоял на ногах. Теперь Коршунов смог его разглядеть как следует. В физиономии сармата были явно выражены азиатские черты: скуластый, глаза узкие, нос приплюснут. Зато высоченный, повыше Агилмунда, и отлично сложенный. На груди сармата – вытатуированная пантера, на руках – еще какая-то хрень. Сармат скомандовал что-то по-своему. На Коршунова и Агилмунда накинудись, завернули руки, скрутили запястья ремнями.

Сармат-командир подошел вплотную к Коршунову. Размахнулся неторопливо...

Алексей присел (кулак просвистел над ним), подсечкой свалил сармата с «пантерой» на песок, оттолкнул другого, метнулся в воду, споткнулся, запутавшись в камышах (очень вовремя – тяжелое копье прогудело над ним и с хлопом врезалось в жижу), выдрался, снова споткнулся (чертовы камыши!), еще одно копье воткнулось в полуметре (неплохой бросок, если учесть, что бросали на звук, – Коршунов был уже вне освещенного пространства), позади мощно, перекрывая прочий шум, взревел сармат-командир, позади Коршунова хрустело и хлопало – похоже, целая толпа ломилась за ним, ноги тонули в иле, но вода поднялась выше пояса. Чертовы камыши!...

Глава девятая

Пленники

Все-таки его взяли! Его и еще троих «диверсантов»: Агилмунда, Ахвизру и Скубу.

Взяли аккуратно. Ранен был только Ахвизра, но и его рана оказалась пустяковой. Не рана даже – сармат-командир кулаком приложил.

Крут оказался сармат. Еще бы! Главный ихний военачальник! Да еще благородных кровей, как выяснилось, родич самого главного рикса сарматов племени азыг. Знатный был бы пленник, если бы готам удалось его обратить. Но пока обратали самих готов. Впрочем, Скуба сообщил: дела их не так плохи. Сармат-командир (звали его – Ачкам) весьма одобрительно отнесся к дерзости гревтунгов. Особенно ему понравился Коршунов. Утром они непременно пообщаются. Еще Скуба выяснил, что красный, ради которого затевалась вся история, жив. Ачкам намерен подарить его своему родичу-риксу как отменный образчик дикаря. Сарматы

всех считали дикарями. Даже римлян. Их предки владели этими степями, когда римлянами даже и не пахло. И всегда были отличными воинами. Иной раз, правда, их теснили пришельцы, но пришельцы приходили и уходили, а сарматы оставались. И потому полагали себя выше прочих. Это сообщил Коршунову Скуба и добавил, что, по его мнению, насчет римлян – это вранье,³ но вообще-то сарматы-азыги – мужчины серьезные.

В этом Коршунов и сам имел возможность убедиться во время вчерашнего боя.

Утром пленникам принесли поесть. Что-то типа молочной болтушки. Но на допрос не повели. Ни утром, ни позже.

Ближе к полудню Скуба попытался прояснить ситуацию, переговорив с приставленными к пленникам сторожами.

Новости оказались так себе. Ачкам в большой печали. Дело в том, что его старшего сына укусила змея. Как раз когда тот вместе с прочими сарматами ловил в камышах Коршунова. Свой (сарматский) лекарь отсосал яд и прижег рану, но это слабо помогло. Ачкам велел привести аланского знахаря. Тот накормил укушенного какой-то дрянью, но тоже без большого успеха. Сейчас пострадавшего поят кумысом, но особых результатов от этого лечения не ждут. Ситуация неприятна еще и тем, что сарматы полагают змею посланцем богов. Следовательно, укушенный змеей сын очень серьезно бьет по рейтингу отца. В общем, у Ачкама есть основания для огорчения. Сейчас рассматривается вопрос: не стоит ли отправить к богам захваченных пленников?

Коршунова подобная перспектива не обрадовала, хотя Агилмунд и Ахвизра отнеслись к ней философски. Они полагали, что боги таких воинственных парней, как сарматы, сумеют оценить по достоинству посланцев-гревтунов и обеспечат им неплохое посмертие. Коршунов не стал их переубеждать. Но предложил Скубе сообщить сарматам, что он, Аласейя, – тоже человек не простой. И может попробовать договориться с богами прямо тут, на земле.

Результат не заставил себя ждать. И четверти часа не прошло, как за Коршуновым и Скубой явился эскорт, доставивший их прямо к сарматскому лидеру.

Ачкам и впрямь был мрачен. И заявил напрямик: если Коршунов сумеет спасти его сына, то получит не только свободу, но и его, Ачкама, личную благодарность. Если же нет...

Если же нет, перебил его Коршунов, то все останутся при своих. Лично он, Аласейя, ничего не может гарантировать. Тем более он даже не видел больного.

Ну это-то как раз несложно исправить, последовал ответ.

И Коршунова отвели в шатер, где лежал укушенный.

Сын Ачкама оказался совсем молоденьким парнишкой, и дела его явно были плохи. Змея укусила беднягу пониже колена, но распухла уже вся нога, и общее состояние тоже было неважное. Вернее, совсем хреновое.

Коршунов в змеиных укусах разбирался слабо. То есть слышал, что надо сделать надрезы и отсосать яд вместе с кровью. Но сейчас эта процедура явно запоздала. Еще Коршунов слышал, что от змеиных укусов либо умирают быстро, либо не умирают вообще. Хотя болеют долго. Его школьный приятель рассказывал: его на Дону гадюка укусила. Хреново было очень, нога отнялась, а потом долго печенька болела. Но не помер. Может, и Ачкамов сын тоже сам выкарабкается? Хотя по его виду не скажешь. Парень, похоже, погибает...

– Я могу помочь! – решительно заявил Коршунов. – У меня есть волшебное средство. Но оно осталось в нашем лагере. Так что я должен съездить за ним. Причем не откладывая, потому что времени осталось немного.

³ Тем не менее древность скифо-сарматских племен – исторически зафиксированный факт. Еще Геродот (пятый век до н. э.) писал о них. Возможно, и более древние (Гомер, Гесиод) авторы, упоминавшие киммерийцев, писали о предках скифов-сарматов описываемого в романе времени. Впрочем, время их истекает. Последние серьезные упоминания о сарматах относятся к концу четвертого века.

– Думаешь, я так глуп, чтобы отпустить тебя? – усмехнулся сармат.

– Думаю, у тебя нет выбора! – отрезал Коршунов. – Если ты меня не отпустишь – твой сын умрет. Если ты меня отпустишь и я не вернусь, твой сын тоже умрет. Так что на одной чаше весов – моя жизнь, которая, безусловно, ценна для меня, но для тебя не имеет особой ценности, а на другой – жизнь твоего сына. И еще – жизни моих родичей, которые останутся в твоей власти. Решай, Ачкам!

Сармат пронзил его мрачным взглядом раскосых глаз. Но думал недолго.

– Я думаю, ты вернешься, – изрек он. – Мой сын совсем плох, поэтому я дам тебе двух запасных коней.

Можешь загнать всех трех, но ты должен успеть. Если мой сын умрет раньше... – Тяжелый взгляд сармата вновь пронзил Коршунова. – Если ты поспешишь, но мой сын все равно умрет раньше твоего возвращения... я тебя отпущу. Но – тебя одного. Твои люди отправятся к богам. Но раньше им отрубят большие пальцы на руках, чтобы там, наверху, они не могли сражаться. Ты вернешься?

– Да, – ответил Коршунов. – Я вернусь.

– Ты вернешься? – спросил его Скуба по-борански, переведя его ответ сармату.

– Да, – сказал Алексей. – И попытаюсь спасти парнишку. Надеюсь, что у меня получится. Могу я верить обещаниям сармата?

– Можешь, – уверенно ответил Скуба. – Ачкам – благородный человек. Кроме того, он ничего не сказал о том, что будет с тобой, если ты, вернувшись, застанешь мальчишку живым и не сумеешь спасти.

– Да, я это заметил, – подтвердил Коршунов. – Но я все равно вернусь, можешь не сомневаться.

– Коли так, я буду на твоей стороне, когда ты станешь договариваться с крикшей о кораблях, – сказал боран. – Потому что если мы останемся в живых, то лишь благодаря твоей удаче, Аласея – небесный герой.

Глава десятая **«Я знаю, что говорю!»**

Меня коней да по светлому дню Коршунов добрался до бивака «союзников» через час пятнадцать по собственному хронометру. Хронометр ему вернули, поскольку Алексей заявил, что это волшебная вещь, крайне необходимая для поиска нужного лекарства. А вот оружие Ачкам не отдал. Сказал: легче коням скакать. Хотя этим коням лишний десяток килограммов – что слону дробина. Один – вообще иноходец. Скачешь – как лодке плывешь. Красота! Нет, не стал бы Коршунов таких скакунов загонять. Купить их у сармата, что ли?

«Может, коли все сладится, так и куплю, – подумал Алексей. – Я – человек не бедный».

Мысль о том, что будет, если «не сладится», он отбрасывал как невозможную. До сих пор ему везло. Почему бы и дальше не повезти? Тем более день такой хороший, теплый. А травами как пахнет...

Первыми Коршунова заметили дозорные. Трудно не заметить всадника в степи. Так что в лагерь Алексей въезжал уже в сопровождении «свиты». Судя по всему, трогаться с места соединенное войско не собиралось. Фургоны по-прежнему стояли «крепостью».

Появление Коршунова вызвало всеобщий интерес, но этот интерес остался неудовлетворенным. Отвечая на все вопросы универсальным жестом «без комментариев», Алексей пробился к собственному фургону, где обнаружил заплаканную Настю и совершенно потерянного Книву.

– Живы, все живы, – бросил он парню. – И будут живы, если я потороплюсь. – Обнял Настю, прошептал: «Ну довольно, довольно, все будет хорошо! Попить дай чего-нибудь...» –

снаряжавшие его в путь сарматы снабдить его водой не позаботились. Возможно, считали: раз поблизости река, то Алексей найдет где утолить жажду. Ясное дело, дикари. Никакого понятия о дизентерии и прочих «палочках». Хотя, надо признать, все случаи поноса у местных жителей, зафиксированные Коршуновым, были связаны не с микробами, а с обжорством.

Нырнув в фургон, Алексей не без труда отыскал среди прочего барахла аптечку. Сыворотка нашлась. И инструкция к применению – тоже. Правда, предполагалось, что препарат будет использован немедленно. Ничего, вкупе с прочими жизнеукрепляющими всосется, раскусил не слишком искушенный в медицине Коршунов и сложил все в сумку. Подумал немного, запихнул туда же пистолет и вылез на свежий воздух...

Опаньки!

Снаружи его уже ждало весьма представительное общество.

Одохар. Комозик. Травстила. Скулди. Двое старших после Красного гепидов. Целая толпа младших командиров разношерстного войска – во втором «ярусе». Все остальные участники похода – в «ярусах» третьем, четвертом, ...надцатом.

– Ты вернулся, Аласейя, – констатировал факт Одохар. – А где Агилмунд? Ахвизра?

– Они живы, – ответил Коршунов. – Они в плену у сарматов.

– А ты ушел?

– Меня отпустили.

– Почему?

– Сына их рикса укусила змея. Я обещал ему помочь. Меня отпустили за лекарством. – Коршунов похлопал себя по сумке.

– Ты верно сможешь помочь? – прогудел Травстила, опередив и Комозика, и Одохара.

– Надеюсь. Но я должен поспешить. – Коршунов шагнул к сарматскому коню.

– Стой! – рявкнул Комозик. – Ты поедешь только тогда, когда я разрешу! Если я разрешу!

«Как ты меня достал!» – подумал Алексей, отпустил луку, повернулся.

– Я не понял, – сухо произнес он, – почему ты, герул, решаешь, когда и куда мне ехать?

– Потому, – рыкнул Комозик, – что этой ночью о *моих* герулах было сказано, что они *сбежали, бросив гревтунгов!*

Однако! Это уже попахивало междоусобицей. Коршунов глянул на Одохара... Лицо готского рикса было спокойно, но пальцы лежали на рукояти меча, и взгляд, который он бросил на союзника, не сулил ничего доброго... так же, как и взгляд Скулди, стоящего слева от Одохара, – тоже с ладонью на эфесе...

Похоже, пока Коршунов с остальными «отдыхал» у сарматов, здесь, в лагере, дела обобщались не лучшим образом. Понятно, почему войско так и не тронулось с места...

«Скверно! – подумал Алексей. – Очень скверно!»

Его беспокойство о друзьях, оказавшихся в плену сарматов, на время отступило на второй план. Раскол – это серьезно. Если даже герулы просто, без резни, отправятся восвояси, это тоже будет весьма огорчительно. Считай, трети армии нет. А если прочие союзники разбегутся – а они разбегутся наверняка, – о Риме можно забыть.

Коршунов набрал в грудь побольше воздуха:

– Слушай меня, рикс Комозик! Я, Аласейя, этой ночью ходил к сарматам, чтобы отбить у них Красного! Я дрался с ними, но они оказались сильнее, и они взяли нас. Но только четверых. И я говорю сейчас: *твои герулы и мои гревтунги отступили по необходимости!* Они правильно отступили! – жестко произнес Коршунов. – Они не могли нам помочь. Они могли только умереть! Без пользы!

Огромная толпа вокруг замерла, ловя каждое слово Коршунова. И он почувствовал, как у него в груди рождается что-то... волна ликования, рвущаяся наружу, подобно боевому кличу...

Но Коршунов справился. И помог ему Комозик, которого ораторствование Алексея ничуть не зацепило. Плевать было риксу герулов на всю эту патетику. Он просто ждал,

когда Коршунов выговорится, чтобы перехватить инициативу и навязать Алексею собственную волю. Или убить. Крутой мужик, который знает только свою волю, свое «я хочу!».

Чем-то он напомнил Алексею бойца-тяжеловеса, который равнодушно игнорирует удары более легкого противника, знающего на опыте, что непременно решит дело нокаутом.

«Ладно, – подумал Коршунов. – На твоей самоуверенности мы и сыграем».

Он не видел тысячной толпы вокруг – только тех, кто стоял в первых рядах. Но он слышал ее *дыхание*. Чувствовал ее силу. Если большая часть этих воинов будет на стороне Коршунова, если он сумеет связать себя с ними, то Комозику просто не позволят разделаться с Алексеем!

– Слушай меня, рикс Комозик! – звонко и четко произнес Коршунов, обращаясь, разумеется, не к Комозику, а к толпе. – Я никогда не назову трусом воина, который отступил, вместо того чтобы умереть бессмысленно и бесславно! И я не знаю никого, кто назвал бы твоего Скулди трусом!

Он сделал паузу, оглядел тех, кто стоял перед ним: ну, никто не желает возразить? Никто, естественно, возражать не стал. В том числе и Комозик, которому было бы уж совсем глупо оспаривать данное утверждение.

– Я знаю, что говорю, рикс! Я знаю, что говорю и что делаю! Я знаю, что делаю. И если *мой рикс* Одохар не препятствует мне, то не тебе, рикс герулов, стоять у меня на дороге!

– А не то – что будет? – недобро усмехнулся Комозик. Он наконец дождался своей реплики и явно шел на конфликт, зная наверняка, чем закончится его поединок с Алексеем.

– А не то я тебя убью, – негромко, но внятно произнес Коршунов. – Я тебя убью, потому что сейчас, – тут он повысил голос, – на чаше весов – жизнь моего родича Агилмунда! Жизни моих друзей Ахвизры, Скубы и Красного! И моя клятва!

Коршунов шагнул вперед (правая рука в сумке нащупала рукоять пистолета), поглядел на Комозика снизу вверх и произнес совсем тихо, так, что в общем гуле его услышали только Комозик и, может быть, Одохар с Травстилой, которые стояли с ним рядом:

– И не думай, что я стану драться с тобой на мечях, рикс герулов. Я тебя просто убью. Я тебя, мудака, просто пристрелю! – добавил он по-русски, благо никто из боранов не мог его слышать. – Вышибу мозги на хрен!

Комозик, разумеется, не был трусом. И, разумеется, он знал, что Коршунов – не бог весть какой фехтовальщик. А он, рикс герулов, признанный поединщик. Настолько признанный, что за последние несколько лет лишь один воин осмелился бросить ему вызов. Вынужден был бросить ему вызов. Воином этим был «мирный» вождь герулов, тоже боец изрядный. Вернее, был изрядным бойцом, пока Комозик его не прикончил. То есть у рикса герулов не было совершенно никаких причин опасаться поединка с Коршуновым. Но вероятно, услышал Комозик в голосе Алексея что-то такое или в глазах прочитал... Все-таки Комозик был рикс, следовательно, обладал и интуицией, и умением разбираться в людях. Возможно, он вспомнил, что Аласейя-Небесный Герой в гневе мечет пламя... или сообразил, что своими словами Коршунов связал свою жизнь с четырьмя другими, и убей сейчас Комозик Алексея, на него тотчас обрушится совокупный гнев гепидов и готов. (Боранов, в связи с их малочисленностью, можно пока в расчет не принимать. Пока...) А возможно, вспомнил, что Аласейя – не сам по себе, а дружинник Одохара, а Одохар вряд ли спокойно отнесется к убийству своего дружинника. В общем, заколебался рикс герулов... но ему очень не хотелось «потерять лицо»...

Помог Травстила.

– Клятва священна! – прогудел кузнец, перекрыв прочие голоса. – И родство священо! Так повелели боги! Дайте ему дорогу!

И, слегка отодвинув в сторону вождя герулов, подошел к Коршунову, подставил сцепленные руки для опоры:

– Езжай, Аласейя! – И, вполголоса: – Надеюсь, ты сумеешь вернуться...

– Конечно я вернусь! – Коршунов оттолкнулся от ладоней кузнеца и взлетел в седло «запасного» коня. – Я вернусь! (Ласковая улыбка – Анастасии, уверенная – Одохару.) И я вернусь не один! – Коршунов ударил каблуками сарматского жеребца, послав его прямо в толпу. – Дорогу!

И толпа раздалась, пропуская «исполнителя воли богов».

Теперь Коршунов видел их всех: тысячи обращенных к нему лиц, молодых и постарше, бородатых и безбородых, раскрашенных, татуированных, суровых, ожидающих...

Ему показалось: позови он их за собой – пойдут не задумавшись. Но – не сейчас. Сейчас он поедет один. Но когда вернется...

– А на коне он сидит все равно как пес на борове, – проворчал Кумунд, обидевшийся за своего рикса. – Эх! Мне бы такого коня! Да я бы на таком коне... А этот Аласейя...

– Этот Аласейя, Кумунд, метит прямо в риксы! – перебил друга Скулди. – И станет риксом, если его не убьют. И тогда мы с тобой, друг, хлебом из чаши его удачи! А кони сарматские хороши, – добавил он после паузы. – Тут ты прав. Чудо, а не кони!

Глава одиннадцатая, в которой Алексей Коршунов вместо дружбы получает княжеский подарок

В шатер заглянул сармат-охранник: плоское, выдубленное солнцем лицо, жидкая бородка на крепкой челюсти:

– Ачкам! Аланский знахарь пришел. Что сказать?

– Пусть уходит, – бросил вождь сарматов. – Не надобен.

Разумеется, Коршунов его не понял. По тону догадался. Впрочем, ему было не до местных знахарей. Он уже вогнал в бедро несчастного парнишки четыре кубика разных «космических снадобий» и думал, что бы еще такое заправить. Оно конечно, в медицине Коршунов – не профи. Но ведь есть инструкция...

Ачкам наблюдал за действиями новоявленного лекаря с большим интересом. Особо заинтересовался иголками. Ну да, одноразовые шприцы в сарматском обиходе отсутствовали.

– Это – сжечь! – строго произнес Коршунов. – В них – болезнь!

Скуба перевел, и Ачкам, не без сожаления, отложил шприцы.

Коршунов уселся по-турецки на войлок около больного. Прикрыл глаза. Устал, однако. Беспокойная у него жизнь в последнее время... сейчас бы выбраться на бережок этой речки, где песочек помягче да камышей поменьше, выкупаться... вместе с Настенькой... Хрена лысого тут можно спокойно выкупаться! Только расслабишься, глядь, а вокруг уже толпятся такие вот... любители острого. Есть такое острое восточное блюдо – ножом по горлу.

«Домой хочу, – подумал он с тоской. – К дивану и телевизору!»

Но тут вспомнилось вдруг, как ехал он сегодня между воинами, и чаще забилося сердце. Да, там, в прошлом-будущем, с ним такого никогда не случилось бы. Никогда...

Он открыл глаза и обнаружил, что «космические снадобья» сделали свое дело. Больному явно полегчало: задышал ровнее, вроде бы даже жар спадать начал.

Ачкам поднялся. Неторопливо приблизился к сыну, потрогал щеку, наклонившись, понюхал распухшее бедро. Выпрямился, крикнул что-то тем, кто снаружи.

Коршунов вопросительно поглядел на Скубу – тот пожал плечами: не понял.

Прошло еще около часа. В молчании. Состояние укушенного парнишки улучшалось на глазах. Наконец он пришел в себя. Открыл глаза, пробормотал:

– Атей...⁴

Ачкам подошел к нему, произнес негромко что-то успокаивающее, погладил по щеке.

Отогнув полог шатра, бросил что-то вроде: кью-ут.

Через минуту появился сармат с кувшином, двумя чашами и подносом, на котором лежала коричневая горка чего-то, напоминавшего муку.

Ачкам собственноручно рассыпал «муку» по чашам, залил белой жидкостью из кувшина, вероятно молоком, размешал пальцем.

– Ты – настоящий человек, – перевел Скуба. – Назови свое имя.

– Аласейя, – ответил Алексей. Готский вариант имени показался ему здесь более уместным.

– Ты спас моего сына, Аласейя, – торжественно произнес сарматский вождь. – Прими мою благодарность! – и протянул одну чашу Коршунову.

Отказаться было нельзя. Алексей принял чашу, приложился. Нет, это было не молоко. Что-то кисловатое, слабоалкогольное. А «порошок», как выяснилось впоследствии, был именно мукой. Только смолотой не из обычных зерен, а из зерен, предварительно обжаренных в оливковом масле. Вкус у «супчика» был специфический.

– Проси, что хочешь получить, – перевел Скуба. – Тебе не будет отказа.

– Две вещи, – сказал Коршунов. – Этого достаточно. Первая – свобода моих друзей. Вторая – твоя дружба.

Ачкам покачал головой.

– Твои друзья получают свободу, – последовал ответ. – Но в дружбе я тебе откажу. Потому что завтра ты и я встретимся в битве.

Теперь уже Коршунов покачал головой.

– Битвы не будет, – сказал он. – Я не хочу воевать с тобой. Я хочу воевать с Римом. Присоединяйся!

– Ты храбр, – произнес ачкам. – Но воевать с Римом – нелегко. Лучше бы тебе воевать не против Рима, а *за Рим* я это знаю, потому что воевал за Рим. Рим платит золотом тем, кто доказал свою доблесть. Даже, – губы сармата презрительно искривились, – аланам.

– Понимаю, – кивнул Коршунов. – Но как лучше доказать свою доблесть, если не в битве?

– Ты понимаешь, – признал вождь сарматов. – Было не слишком умно нападать на меня в моем лагере. Но, похоже, ты умен, Аласейя. Может быть, когда-нибудь я стану твоим другом. Когда ты докажешь, что достоин быть другом того, в ком кровь самого Тангри, я вспомню твою просьбу. А сейчас я подарю тебе коней, которые несли тебя, когда ты нес жизнь моему сыну. И еще я дарю тебе мое слово: первым я не подниму своего копья против тебя, Аласейя, – перевел Скуба речь сармата. – Вот мои дары, спаситель моего сына. Принимаешь ли ты их?

– Принимаю и благодарю! – торжественно произнес Коршунов.

Они опрокинули еще по чашке болтушки, и союз был закреплен.

Вождь сарматов Ачкам наблюдал, как Коршунов прикрепляет к седлу подаренного коня кожаные ремни с петлями – импровизированные стремени. Затем подал реплику.

– Петли надо укреплять конским волосом, – перевел Скуба. – Тогда кольца не будут сминаться. Легче вдевать ногу.

Коршунов воззрился на сармата с нескрываемым удивлением:

– Тебе знакомы эти... приспособления?

Ачкам кивнул.

– Но тогда... почему вы их не используете?

⁴ Отец...

– Используем, – последовал ответ. – Когда человек становится стар, ему трудно взбираться на лошадь и удерживаться на ней.

– А в бою?

Ачкам шевельнул широкими плечами:

– Слабые в бой не пойдут, а сильным они – помеха. Ты – храбрый воин, Аласейя. Но наездник очень плохой. Как все твои соплеменники. (Слышал бы его Ахвизра!) Только мы, сарматы, настоящие всадники. Только мы можем биться настоящим оружием.

Под настоящим оружием подразумевались неимоверной длины копья, с которыми сарматы и впрямь управлялись столь же ловко, как швея – с иголкой. В этом Коршунов убедился на практике.

– Хотя там, на восходе, – Ачкам махнул в сторону востока, – тоже есть неплохие всадники. Я сражался с ними, когда служил Риму. Неплохие, но до нас им далеко.

– А аланы?

Пренебрежительная усмешка тронула губы Ачкама. Но он не ответил. Вместо этого предложил:

– Давай посмотрим на твоего друга. Того, который осмелился напасть на воина-сармата. Хочу узнать: не повредился ли он умом?

Коршунов обеспокоился. Неужели удар по голове так сказался на Ахвизре?

– Поехали! – сказал он, влезая на коня. Алексей уже знал, что пешком сармат ходит только отлить. И то не всегда. – Поехали! – И не без зависти пронаблюдал, как садится на лошадь Ачкам: рука – на переднюю луку, толчок – и воин уже в седле. Впрочем, когда сармат садился на лошадь в полном вооружении, это смотрелось еще эффектнее. Особенно если знать, сколько весит «костяной» доспех.

Нет, речь шла не об Ахвизре. Как оказалось, Ачкам имел в виду совсем другого отморозка. Красного.

М-да, видок у вождя гепидов был еще тот. Практически голый – от штанов остались одни лохмотья, а другой одежды не было, неимоверно грязный, со спутанными волосами, покрытый коркой запекшейся крови... но отнюдь не сломленный, судя по толщине цепи, которой Красный был прикован к вбитому в землю бревну изрядной толщины.

При появлении Ачкама гепид зарычал и рванулся вперед. Коршунова и Скубу он как будто не заметил. Цепь натянулась, сармат, приставленный охранять пленника, ударил Красного в живот тупым концом пики.

– Не трогать! – рявкнул Коршунов. – Он – мой!

Сармат-охранник, кривоногий, квадратный, с глазами-щелками, Алексея, разумеется, не понял, но прежде, чем ударить еще раз, посмотрел на Ачкама. Тот сделал знак: отойди; окинул пленника скептическим взглядом, повернулся к Коршунову.

– Он твой, – перевел Скуба. – Но будь осторожен. Он бросается на всех. Ремни обгрыз и порвал, силен, как медведь. Пришлось на цепь посадить. Как медведя.

Коршунов спешил. Приблизился, но так, чтобы оставаться вне досягаемости гепида. У Красного и раньше с «крышей» были проблемы. А теперь, похоже, «планка» совсем упала. Натуральный *вутья*, как говорят Коршуновские родичи-готы. Глядел на Алексея, не узнавая, нехорошо так глядел...

– Спроси, кормили ли они его? – обратился Коршунов к Скубе.

Нет, последовал ответ. Не кормили. Чтобы ослабел и стал покладистее. Только воду давали. Вчера.

«Садисты», – подумал Коршунов. Хотя нет, он не прав. Просто практичный подход.

– Прикажи принести воды. Ведро.

Воду принесли. Зачерпнув прямо из реки, разумеется.

Коршунов осторожно приблизился, протянул кожаное ведро...

Красный учуял воду, в глазах мелькнуло подобие мысли.

– Возьми, – сказал Алексей. – Пей.

Гепид пил долго, шумно и много. Остатки выплеснул на голову – грязные потоки потекли по широкой груди. Ни лицо, ни грудь от этого чище не стали. Чтобы отмыть гепида, не ведро требовалось – цистерна.

– Я – Аласейя, – медленно и четко произнес Коршунов по-готски. – Я пришел за тобой, Красный. Ты узнаешь меня?

– Да, – хрипло проговорил гепид. – Узнаю.

– Сейчас тебя освободят, и мы уедем. Ты понял меня?

– Да... – Красный покосился на Ачкама.

– Тебя освободят, но если ты нападешь на кого-нибудь, снова окажешься на цепи, – предупредил Коршунов. – Ты понимаешь?

Красный мотнул спутанной гривой:

– Ты меня выкупил?

– Да, можно так сказать.

– Тогда скажи, пусть пожрать принесут, – потребовал Красный, усаживаясь на землю.

– Скажи Ачкаму, – обратился Алексей к Скубе, – что он хочет есть.

– Его накормят, – последовал ответ. – Он успокоился, да?

– Думаю, да, – подтвердил Коршунов. – Но мне бы не хотелось, чтобы кто-то его... раздражал. Он – немного бешеный.

– Дразнить его не будут, – пообещал Ачкам. – Но он и твои друзья должны уехать немедленно. Моим воинам они не нравятся. Но ты, целитель моего сына, можешь остаться.

– Я уеду с ними, – сказал Коршунов. – Но если ты позволишь, завтра я вернусь. Посмотрю, как твой парень себя чувствует.

Ачкам кивнул:

– В моем шатре для тебя всегда найдутся войлок и чашка кьюута. Приезжай.

Глава двенадцатая **«Не будем мы с ними драться»**

– А я говорю: мы не будем с ними драться! – заявил Коршунов. – Не вижу смысла. Крови прольется много, а добычи – никакой.

– А поселение? – вякнул кто-то из младших вождей, тоже гот, но не гревтунг, а другого племени. Звали вождя... кажется, Беремодом? Коршунов так и не научился их толком различать: все здоровые, бородатые, увешанные побрякушками. И имена одинаковые: Беремод, Берегед... хрен запомнишь.

– А что поселение? Который день мы тут стоим? Тамошние аланы уже все повывезли да попрятали.

– Да там и не было ничего, – вмешался Скуба. – Бывал я там. Когда ярмарка, тогда товаров много. Но все – привозные.

– Из-за такой мелочи с сарматами драться не резон, – рассудительно произнес Агилмунд. – Прав Аласейя: даже и побьем, что толку? Гривны с шей поснимаем да шлемы с голов? Даже доспех ихний не взять или копья – ими только сами сарматы драться могут.

– А лошади? – подал голос тот же младший вождь. – Вона Аласейю какими славными конями одарили!

Сарматские кони и впрямь были знатные. Готские лошадки рядом с ними, как какой-нибудь кулан – рядом с призером стипль-чеза.

– Так то Аласейю конями одарили, – усмехнулся Агилмунд. – А тебя, Беремод, не конем – копьём в брюхо обрадуют.

Все задумались. Копьем в брюхо – никому не хотелось. Стало слышно, как шагах в сорока от фургонов, между которыми проходило почтенное собрание, гепиды разделяют добытых утром степных быков. Вечером намечался пир по случаю благополучного возвращения их доблестного вождя.

Затем раздался сердитый окрик Сигисбарна, шуганувшего любопытного воина, вознамерившегося узнать, о чем совещается начальство.

Коршунов, разместившийся вместе с Агилмундом на платформе собственного фургона, оглядел «высокое общество». Всего здесь собралось человек тридцать, хотя реальными фигурами были только пятеро: Одохар, Комозик, Травстила, выполнявший по совместительству обязанности жреца, Красный и, конечно, он сам, Аласейя. Некоторым авторитетом обладали также Скулди с Агилмундом и Скуба. Остальные – так, мелкие вожди. Хотя не стоит забывать, что за этими «мелкими» в совокупности почти тысяча копий.

– Значит – что? – прервал молчание Комозик. – Спустим сарматам обиду? Аласейя драться не хочет. Понимаю. Он получил от сарматов дар. Может, и еще получит...

– Не то говоришь, рикс! – вступился за родича Агилмунд. – Знаешь ведь, за что Аласейя дар получил! Ссоры ищешь?

– Не дело это нам – ссориться! – прогудел Травстила. И посмотрел на Одохара: мол, ты что молчишь?

Но Одохар от реплики воздержался.

«Хитер, – подумал Коршунов. – В верховные вожди целит. Грамотно».

Действительно грамотно. Формально Алексей – человек Одохара. Если рикс Комозик на равных соперничает с Коршуновым, а Одохар выступит в роли арбитра, значит, Комозик – ниже Одохара.

В принципе, верховное лидерство Одохара Коршунова устраивало. Одохар – правильный мужик. И опытный. Но это – в принципе.

– И какие же обиды причинили тебе сарматы, рикс герулов? – осведомился Коршунов. – Что битва у нас была, так это не обида. Верно я говорю?

Собрание ответило одобрительным ворчанием: ясное дело, битва – не обида. Битва – нормальное развлечение храбрых воинов.

– Или, может, твоя обида в том, что пленных сарматы отпустили без выкупа? – поинтересовался Коршунов. – Может, хотелось тебе, чтобы мы в плену сарматском томились? Или чтобы в битве захваченный рикс гепидов отважных не с нами сейчас сидел, а у сарматов на цепи? Тогда скажи, рикс, почему тебе этого хочется? Мне интересно об этом узнать. И всем интересно. Особенно – нашему другу, риксу гепидов. Скажи, Красный, интересно тебе узнать, почему рикс Комозик желал бы тебя на цепи видеть, а не на свободе?

– Еще как интересно! – прорычал простодушный гепид, с недавнего времени полностью доверявший Коршунову и принимавший все им сказанное как абсолютную истину. – Еще как интересно! – И одарил Комозика недружелюбным взглядом.

– Много говоришь, Аласейя, – буркнул рикс герулов. – Много и по-пустому. Не то мне обидно, что отпустили Красного, а то, что равного нам рикса на цепи держали, словно медведя.

– Ну уж тебя-то, рикс герулов, на цепи держать бы не стали! – усмехнулся Коршунов. – Это для Красного, даже и безоружного, железную цепь сыскать пришлось. Тебе, Комозик, и обычной веревки хватило бы!

Терпение рикса герулов иссякло. Он уже начал приподниматься, набирая в грудь воздуха...

Но тут вмешался наконец Одохар.

– Не прав ты, Комозик, – веско произнес он. – Красному ты не родич. Даже и обидели бы его – не тебе за его обиды искать. И на Аласейю моего не кричи. Хочешь доблесть свою пока-

зять, ярость священную излить – с сарматами схватиться? Никто тебе не препятствует. Доблесть явить – дело славное. Вон и Скулди твой тоже доблесть готов проявить. Верно, Скулди?

Скулди угрюмо молчал...

Комозик, впрочем, не обратил на это внимания.

– А что ты предлагаешь, Одохар? По домам бесславно разойтись?

– Я предлагаю послушать, что Аласейя скажет, – ответил хитрый гот. – Ведь не только за то ценим мы Аласейю, что он – небесный герой и обилен удачей. Еще и за то мы его ценим, что мудр он и слова его всегда делом оборачиваются. Говори же, Аласейя, – произнес он повелительно. – Мы ждем!

«Хрен с тобой, – подумал Коршунов. – Хочешь быть главным – будь. Главное – мне не мешай».

– Я хочу только одного, – заявил Алексей. – Чтобы наш поход великой славой увенчался и чтобы от груза добычи трещали оси наших телег. Не боюсь я сарматов. Но вижу в этом волю богов. Знак, что не на аланах надо славу и добычу искать. Это как когда боги посылают ненастье и ливни, от которых земля в болото обращается и вязнут в грязи колеса даже пустых повозок. Мудрый поймет знак и повернет на правильную дорогу. Глупый скажет – не хочу отступать. И пойдет дорогой неправильной. Сарматы – не враги нам. Они – знак. Я вижу его! – Коршунов спрыгнул на землю, выбросил вверх руку. – Я вижу: много неправильных путей. И только один правильный! Только один! – Он сделал патетическую паузу. – Только один правильный путь – на Рим!

– На Рим! – взревел Красный.

– На Рим! – эхом откликнулись младшие вожди.

– Что-то я проголодался, – проворчал Комозик, когда отшумело эхо. – Раз твой Аласейя уже высказался, не пришло ли время пообедать, рикс Одохар? – поднялся и степенно зашагал прочь.

Скулди отправился за ним, но перед этим глянул на Коршунова и чуть заметно кивнул: мол, я на твоей стороне, парень.

Что ж, и на том спасибо.

– Он и впрямь видел знак? – спросил у Травстилы рикс Одохар. – Как думаешь?

– Не знаю, – ответил кузнец. – Но скажу так: сначала боги знак избранным своим подают, а уж потом – всем остальным. Так что потерпи, рикс, – и все узнаем. Коли будет и нам знак, значит, особо люби м богами наш Аласейя.

– Что он богами любим, это я и так знаю, – буркнул Одохар. – Вот только хватит ли этой любви и на нас с тобой, если мы на ромлян пойдем?

– Я знала, что ты вернешься... – шептала Анастасия, перебирая пальчиками отросшие волосы Коршунова. – Я молила Господа, чтобы он хранил тебя, Алеша, и он меня услышал, не оставил тебя в беде.

– Ах, черноглазая! – шершавая ладонь скользнула по узкой гладкой спине вниз. – Как же я мог не вернуться, если ты меня ждала! Неужели я оставил бы тебя одну в этой дикой степи?

– Алеша... – Женщина уткнулась лицом в его мягкую бороду. – У меня никого нет, кроме тебя. Никого в целом свете. Зачем тебе воевать? Я говорила со Скубой. Если ты попросишь, он проводит тебя в феодосию. Ты богат. До осенних штормов еще есть время. Мы уплывем оттуда в Фасис или в Трапезунд. Там много наших. Мы всегда найдем себе кров и пищу. Ты можешь торговать или поступить на службу. В колонии грамотный человек найдет себе дело. Давай уедем от этой войны...

– Милая моя Настенька, – прошептал Коршунов. – Что ты говоришь? Ты же умная девочка. Неужели ты думаешь, что Одохар меня отпустит? Что мои родичи позволят мне просто так все бросить и уехать?

– Родичей ты можешь взять с собой, Алеша. Они – хорошие воины, особенно Агилмунд. Таких любой префект охотно возьмет в городскую стражу...

– Настенька, солнышко, ты – умная женщина, а говоришь глупости. Ты можешь представить себе Агилмунда, служащего в городской страже?

– Я видела многих вегилов-варваров. Им хорошо платят. Ты только пожелай, Алеша, – и мы уедем. Я верю в тебя... – Мягкие губы коснулись Алексеева уха. – Если ты захочешь, ты сможешь. Уедем от этой войны!

Коршунов осторожно отодвинул ее от себя. В темноте он с трудом мог различить ее лицо, только блеск глаз...

– Я тебя люблю, Настенька, – сказал он очень серьезно. – Но я не сделаю этого. Поверь мне, сердце мое, я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Чтобы мы были счастливы. Но приближается такое время, когда невозможно убежать от войны. Поверь мне, любимая, это так. Я знаю это. Если мы уедем, война все равно придет к нам. И один я не смогу защитить ни тебя, ни себя. И еще... ты знаешь, у меня есть друг, которого захватили кземаны...

– Знаю, Гееннах...

– Геннадий, – поправил Алексей.

– Геннадий, – повторила Анастасия. – Какая разница? Сколько времени прошло с тех пор, как его захватили кземаны? Неужели ты думаешь, он еще жив?

– Ты его не знаешь. – Коршунов улыбнулся. – Он выживет. Он это умеет. Тем более здесь редко убивают пленных. Особенно если они достаточно сильны. Но не думаю, что моему другу нравится работать на победителей. Поэтому, когда мы совершим свой поход, мы вернемся домой и вытащим его оттуда. Генка тебе понравится!

Анастасия тихонько вздохнула:

– Ну да. Он – твой друг. Ты спи, Алексей. У тебя был очень тяжелый день.

– И ночь. Без тебя.

– Да. Спи. Никто не знает, что принесет нам завтрашний день...

Завтрашний день принес. Аланов.

Глава тринадцатая, в которой выясняется, кто кому должен

Панцирь Ачкама представлял из себя кожаную куртку с нашитыми на нее костяными бляхами. Но то были не срезы конских копыт, как полагал ранее Коршунов. Приглядевшись, он сообразил, что «бляхи» – плоские части черепаховых панцирей. Небольшие, размером с ладонь.

– Он хочет, чтобы я наказал вас за вторжение, – перевел Скуба слова вождя сарматов. – Он говорит, что за это нам заплатили.

Лидер аланов торжественно кивнул. Он привел с собой две тысячи конников. И держался весьма надменно. Потребовал, чтобы вторгшиеся на земли аланов отдали ему все свое оружие и всех лошадей.

Ну да, счас! Разбежались! Готы, конечно, народ простодушный, но ведь не идиоты же.

– Хочешь наше оружие? – сказал алану Одохар. – Возьми. Если сумеешь.

Хотя расклад был – не в их пользу. Вкупе с сарматами аланская конница существенно сильнее союзников.

Но аланский лидер оказался еще хитрее. Потребовал от Ачкама, чтобы тот самостоятельно атаковал противника. Ну а если хваленая сарматская кавалерия не справится, тогда уж и аланы присоединятся.

Первый этап переговоров проходил вблизи лагеря готов. И участвовали в них со стороны союзников риксы Одохар, Комозик и Красный. Коршунова не пригласили. Переговоры окончились ничем. Но положение у союзников было неважное. Уйти в степи от конницы невозможно. Даже сниматься с места нежелательно. Сейчас союзников с одной стороны защищала река (соответственно, и с водой проблем не было), с другой – прибрежная рошица. Реденькая, но достаточная, чтобы остановить разбег кавалерии. В походном варианте, даже под прикрытием фургонов, союзники куда уязвимее. Уйти нельзя, результат будущего сражения предreshен. Грустная ситуация. Правда, и аланы не очень хотели бросаться в бой. Знали, что победа обойдется им весьма дорого. Поэтому в мозгу их лидера и родился замечательный план подставить сарматов.

На этот раз на переговоры пригласили одного Коршунова. По личному требованию Ачкама. Даже Одохару это не понравилось, не говоря уже о Комозике. Но пришлось им перетерпеть.

На переговоры Коршунов взял с собой Скубу. В качестве толмача. Теперь они сидели вчетвером в шатре Ачкама. Лидер аланов, Ачкам и Коршунов со Скубой. Сквозь стенки шатра было слышно, как сарматы Ачкама болтают с телохранителями аланского вождя.

– Он хочет, чтобы твои воины умирали вместо его аланов, – сказал Коршунов. – Он прав. Разве не за это аланы вам платят?

Скуба перевел. Довольный алан опять кивнул с важностью и одобрительно посмотрел на Коршунова.

– Да, – согласился Ачкам. – Они платят мне, чтобы мои воины сражались вместо них.

– Скажи, Ачкам, плата за эту службу вами уже получена?

– Половина.

– А кто должен получить вторую половину? – поинтересовался Коршунов.

– Я. Когда наша служба будет закончена.

– А кто получит плату, если ты погибнешь?

– Мой сын.

– А если и он погибнет? Ачкам, если вы будете сражаться с нами, многие из вас погибнут. Уверен ли ты, что он, – кивок в сторону алана, – захочет с вами расплатиться? После битвы с нами вас останется совсем немного. А у него будет две тысячи воинов...

До алана наконец дошло, куда клонит Коршунов.

– Не слушай его! – выкрикнул степняк, вскакивая.

– Ну да, зачем меня слушать? – спокойно произнес Алексей. – Видишь, благородный Ачкам, как заволновался твой наниматель. Я ведь немножко колдун, ты знаешь. Он заволновался потому, что я читаю его мысли. Верно, алан?

– Я тебя убью! – пообещал алан, вытаскивая длинный нож (боевое оружие они все оставили у входа в шатер). – И отрежу твой язык!

Скуба тоже вскочил, схватившись за нож, но Коршунов даже не шелохнулся. И правильно.

Ачкам уже стоял между ним и аланом.

– Сядь, – уронил он холодно. – Это мой шатер.

И алан сел.

– Этот гот лжет, – заявил он. – Я не намерен обманывать тебя, Ачкам. Я честен с тобой. Твои воины легко разобьют этих землепашцев, я уверен...

– Это ты лжешь, алан! – перебил Коршунов, послушав «синхронный» перевод Скубы. – Если нас так легко разбить, почему ты прячешься за чужими спинами? Иди – и разбей нас!

– Зачем? – пожал плечами алан. – Вы и так все равно что мертвы. Мы заплатили храбрецам сарматам за то, чтобы до следующей весны ни один враг не смел приблизиться к нашим кочевьям.

– Ну да, – кивнул Коршунов. – Вы заплатили им, чтобы они защищали вас. Они и защищают. Они здесь, поэтому наше войско не пойдет по землям аланов. Они вас защитили, но разве они должны нападать вместо вас? Что об этом сказано в вашем договоре, Ачкам? Должны вы нападать на врагов аланов, если те не угрожают?

– Они нам служат, гот! – сердито воскликнул аланский лидер. – Они обязаны повиноваться!

Зря он это сказал.

– Ты заговариваешься, алан, – сухо произнес вождь сарматов. – Я – Ачкам, потомок Атея, не повинуюсь никому. Аласейя сказал правду: я защищаю тебя. Этого достаточно. Аласейя сказал: тебя не тронут. Он – голос их войска, так, Аласейя? (Коршунов кивнул: пусть-ка кто-нибудь попробует это оспорить!) Я не вражду с готами. Это твои враги. Напади на них, если тебе хватит храбрости. Я не стану их защищать, потому что вы, а не они платите мне. Но и тебе помогать не буду. Этого нет в нашем договоре, алан. Но если ты еще раз скажешь, что я тебе *служу*, я забуду о том золоте, которое мне заплатили. И потребую платы за оскорбление. А если ты откажешься платить, я возьму сам!

Аланский вождь, чье имя так и не было названо, некоторое время угрюмо смотрел на сармата, потом повернулся к Алексею:

– Запомни, гот, этот день. Мы еще встретимся.

Встал и вышел из шатра. Слышно было, как он бросил что-то своим телохранителям, потом застучали копыта: аланы уехали.

– О грозный алан! – воскликнул Ачкам и засмеялся. – Такой храбрец! Благодарю тебя, Аласейя, что показал мне помет шакала. У нас, сарматов, слишком много благородства и потому совсем нет коварства. Мы как степь, верно, боруск?

– Пожалуй, – кивнул Скуба. – Это они зовут нас борусками, – пояснил он для Коршунова. – Так нас когда-то называли греки.

– Скажи мне, Ачкам, а тебе самому не требуется помощь? – спросил Коршунов. – Когда мы уйдем, не захотят ли аланы отомстить?

– Они? – Сармат пренебрежительно усмехнулся. – Не посмеют. Они будут кормить нас всю зиму, а потом расплатятся с нами ромейским золотом. Но куда пойдешь ты, Аласейя?

– К морю, – твердо ответил Коршунов. – Войско должно воевать, а здесь нам больше воевать не с кем. И не за что.

– Рим? – полуутвердительно произнес Ачкам. – Ну да, ты – храбрец. Я пошел бы с тобой, если бы не знал наверняка: тот, кто воюет с Римом, в конце всегда проигрывает. Так было всегда.

– Времена меняются, – отозвался Коршунов. – Всё меняется...

– Только мы, сарматы, вечно кочуем в этих степях! – перебил Ачкам. – Хотя и ты прав: ведь такие, как аланы, приходят и уходят. Я понимаю тебя, потому что я знаю не один десяток поколений моих предков. Мой род видел множество племен, и мой отец рассказывал мне и моим братьям о прошлом, как я сейчас рассказываю своим сыновьям. А мои сыновья расскажут моим внукам. И так будет всегда, пока существует степь.

Коршунов кивнул, хотя и очень сомневался в вечности «правления» сарматского племени. «Вечных повелителей» не нанимают за золото. Пройдет какое-то время – и те же аланы вполне могут превзойти родичей Ачкама. Хитростью, численностью...⁵

Когда Алексей и Скуба, сопровождаемые сарматской полусотней (выделенная Ачкамом охрана), возвращались в лагерь, Скуба спросил:

– Ты все-таки хочешь идти на Рим, Аласейя? Ты, верно, забыл о римских триремах?

– Я о них помню, – ответил Коршунов. – А ты – забудь.

– Почему?

– Потому что они уйдут к берегам Мезии.

Скуба засмеялся:

– Разве ты римский император, чтобы приказывать римской эскадре?

– Нет. Пока. Но триремы уйдут. Ты увидишь.

Скуба одарил Коршунова странным взглядом, но промолчал. Вероятно, счел не вполне нормальным. С сумасшедшими, как водится, не спорят.

Глава четырнадцатая, в которой позитивно решается вопрос о морском транспорте

*Октябрь девятьсот восемьдесят шестого года от
основания Рима. Крым. Черноморское побережье*

– Они ушли! – Во взгляде Скубы сквозило нечто вроде мистического ужаса. – Наши рыбаки видели, как они шли мимо берегов. Десятки кораблей!

– Конечно, ушли, – спокойно произнес Алексей, хотя внутри у него все ликовало: «Сработало!»

И как быстро сработало!

Впрочем, не так уж быстро. Месяц прошел с тех пор, как было отправлено Коршуновское письмо. Сейчас почти середина осени. Три недели они добирались от аланских земель сюда, к морю. К Черному морю. Сушей, вплавь, опять сушей, снова – вплавь и опять – пешочком. Каждая перемена вида транспорта – изрядные хлопоты. Разобрать фургоны, погрузить на корабли. Отдельно – перевозка лошадей, если нельзя провести их берегом. Отдельно – тащить волоком сами корабли, если нельзя плыть... короче, суровые будни древних путешественников. В череде этих будней Коршунов совершенно потерял ориентацию. В физической географии он был не очень силен, несмотря на предполетную подготовку. Вот Черепанов – другое дело. Нет, кое-какие вещи в памяти Коршунова тоже отложились. Например, он мог бы определиться сверху: по особенностям ландшафта или по абрису крупных городов, но где они, эти города? И ландшафты тоже. Остались единичные ориентиры вроде крымской горы Айю-Даг – и то хорошо. А вот с географией политической – полный завал. Где-то рядом было Боспорское царство, сателлит Римской империи, насколько понял Алексей; мелькали знакомые названия приморских городов, вроде Херсонеса (но это – дальше к востоку), помнились какие-то исто-

⁵ Пройдет век с небольшим – и большая часть сарматов, теснимая готами и теми же аланами, будет вынуждена отдаться под покровительство Рима. А еще через век территории, на которых в описываемое время обитали сарматы, войдут в державу Атиллы. Возможно, среди племен, ставших впоследствии основой для формирования Хазарского каганата, были и сарматы. Но с уверенностью утверждать это нельзя.

рические эпизоды и названия Тьмутаракань, князь Мстислав... Но до этих времен – еще века и века. Короче, то, что во времена, когда родился Коршунов, называлось Крымом, – где-то справа. А слева – то, что называлось Кавказом. Вернее, черноморским побережьем Кавказа. Примерно в этом направлении и планировалось действовать. Потому что там уже натуральная римская провинция Понт. Богатые места. По правую руку, впрочем, тоже места не бедные, но там живут почти свои. Те же сарматы, и кореша бораны, и греки, и даже какие-то дальние родичи гревтунгов. Понятное дело: место хорошее, богатое. Особенно удобно с торговой точки зрения. Забавно, что весь этот странный конгломерат древних «крымчан», если верить Скубе, жил довольно мирно. Хотя не так уж это и удивительно. Богатые воевать не любят. Разве что – чужими руками. Или – дистанционно: «томагавками» и коврами бомбардировками. Но это – в будущем. А нынче так: хочешь воевать – бери копье и двигай на такого же, с копьем. Максимальная дальность здешней «артиллерии» – полкилометра. Точность и эффективность весьма умеренны. Десяток лучников стоит любой здешней боевой машины. В поле разумеется, а не против крепостей.

За время путешествия Коршунов несколько поиздержался. Популярность его в сводном войске росла, посему как-то так вышло, что у его «очага» постоянно отирались «гости», которых Коршунов по врожденному русскому хлебосольству приглашал «к котлу»... не то чтобы это были «халявщики», но... в общем, зерно пришлось прикупать и масло тоже. И коней, коих у Коршунова теперь был, почитай, целый табун, тоже полагалось кормить. Причем компетентные люди объяснили, что если обычных, то бишь готских, лошадок можно было из экономии держать и на подножном корму, то сарматских красавцев следовало кормить зерном регулярно. Тоже – расход. А недавно еще и в «общак» вложиться пришлось, потому что общественные припасы, несмотря на подспорье в виде охоты и рыболовства, тоже расходовались. Хорошо хоть зерно в здешних местах стоило очень дешево.

Но вот – прибыли. Разгрузились, расположились в уединенной бухте, месте, заранее отведенном здешним хозяином, Крикшей. На некотором отдалении от ближайшего боранского городка. Разумная, впрочем, мера. Не пускать же «в дом» несколько тысяч вояк-чужаков? Мало ли чем это может кончиться...

Коршунова, впрочем, в тот же день пригласил к себе Скуба. «По-домашнему», вместе с Анастасией, но и не просто так. Потому что еще одним гостем Скубы в этот день стал сам боранский вождь Крикша. И говорил с Коршуновым «главный боран» с уважением. Еще бы! Сказал Аласейя: уйдут римские корабли – и корабли ушли. Так что над Коршуновым теперь мерцал ореол не просто любимца богов, а чуть ли не чародея. Даже такая мелочь в строку пошла, что Алексей сына Ачкама (сарматского вождя, как выяснилось, здесь знали и даже слегка побаивались) излечил. Тоже, естественно, приукрасили. Мол, не просто излечил, а чуть ли не с того света вернул. В свете новых Коршуновских свершений и легенда о его «небесном происхождении» теперь воспринималась с большой благосклонностью...

Короче, после традиционного обмена любезностями боранский вожак перешел к делу.

Да, теперь, когда римская эскадра ушла, он готов предоставить союзникам корабли. Без гарантий и предоплаты. Более того, несколько сотен его соплеменников также выразили желание поучаствовать в походе. Но есть одно условие.

Известно Крикше, что Аласейя участвует в походе как дружинник рикса Одохара. То есть – человек формально подчиненный. Одохар, конечно, рикс авторитетный, но... гот. Аналогично и Комозик. Тот вообще герул. Так что к Комозику у Крикши совсем мало доверия. Уж герулов-то они, бораны, знают хорошо. Не первый год торгуют. Жуки еще те. Даже чужих купцов через свои земли пропускать не желают. А у Комозика вообще неважная репутация. Всем известно, что он убил своего сопровителя. Так что не хочется Крикше с Комозику дела вести. И с Одохаром тоже не хочется. А желает он, Крикша, чтобы от имени сводного войска выступал уважаемый Аласейя. И всем будет удобно. Боранам – потому что не совсем чужак им

Аласейя. Хоть и из дальних мест, а на одном языке говорят. А прочим риксам тоже неплохо, потому что ни один из них не выделен особо, следовательно, и ни один не ущемлен. Но для этого надо решить небольшую проблемку. Надобно Коршунову официально выйти из-под протектората рикса гревтунгов Одохара и самому стать риксом. Вот только этот личный вопрос Коршунов должен урегулировать самостоятельно. Причем не откладывая – времени до холодов осталось не так уж много.

Со своей же стороны, он, Крикша, обещает Аласейе свою поддержку и завтра же объявит о своем решении лидерам союзников.

– А с чего ты решил, Одохар-рикс, что удача Аласейи – это твоя удача? – прогудел Травстила. – Удача героя – это удача героя. Это его конь, уносящий его по пути славы. Вот скачет всадник, чей конь знает верную дорогу. Ты можешь взобраться на коня позади всадника, если он позволит. Ты можешь повернуть своего коня следом за ним. Но если ты обгонишь его и начнешь указывать всаднику, куда ехать, что толку в его коне, ведающем путь.

– Я могу отнять этого коня, – заметил Одохар.

– Попробуй, – пожал плечами кузнец. – Победитель может взять удачу побежденного. Попробуй. Но и в этом случае тебе придется освободить его от клятвы верности. Пока он – в твоей дружине, ты должен заботиться о нем как о своем сыне. Он ведь не бросил тебе вызов. Он лишь попросил. Только ты решаешь, как поступить.

Одохар отхлебнул пива, взял жесткую, круто посоленную лепешку, сломал, протянул половину Травстиле.

– Я пришел к тебе за советом, – напомнил рикс. – Ты знаешь Аласейю. Ты знаешь его дольше и лучше меня. Ты говорил о нем с Овидой. Овида чует людей, как ты чуешь железо, а я – свой меч. Мне Овида сказал: «Аласейя – твоя удача». Что будет, если я освобожу его от клятвы? Не поймут ли сие как мою слабость? Не уйдет ли от меня *моя* удача вместе с Аласейей?

Травстила тоже отхлебнул пива, звучно разгрыз лепешку.

– Если тебе сделан дар, как надо отдариться, чтобы приобрести честь? – спросил он.

– Более щедрым даром, – не раздумывая ответил Одохар. – Но это – если между друзьями.

– Ты сам ответил, – кивнул Травстила. – Ты освобождаешь Аласейю от клятвы, но это не дар. Это – необходимость. Без этого бораны не дадут корабли. А без кораблей тебе не приобрести ни славы, ни добычи. Одари Аласейю сверх того, что он просит. Порази его своей щедростью! Ты теряешь дружинника, но взамен приобретаешь друга. Сделай Аласейю своим другом – и ты не останешься в убытке. Аласейя никогда не забывает друзей. Ты знаешь: обычно в нем нет настоящей храбрости. Он не из тех, кто бросится на копье, чтобы достать горло врага. Настоящая храбрость просыпается в Аласейе только тогда, когда в опасности его друг. Вспомни, как он собирался *в одиночку* биться с квеманами за своего друга Гееннаха! Вспомни, как он защищал Книву! Как он готов был схватиться даже с тобой за Стайсу. А ведь Стайса тогда не была его тиви.

– Женщина... – поморщился Одохар. – Женщина – не друг.

– Не для Аласейи! А когда он пошел к сарматам, чтобы освободить Красного! А потом – Агилмунда и Ахвизру! И заметь: у него все получилось так, как он хотел. И даже больше. Ты слышал, что рассказывал Скуба: сарматский рикс стал другом Аласейе и готов был встать рядом с ним против аланов. С простым дружинником Аласейей, а не с тобой или с Комозиком, а ведь гордость сарматов непомерна, это каждому известно. Аласейя приносит удачу всем, кто рядом. Вот хотя бы возьми его родичей. Вспомни: во время квеманского набега из рода Фретилы не погиб никто. А род Хундилы-старосты вырезали весь, одна лишь Алафрида осталась. А почему? Потому что делила ложе с Гееннахом, а Гееннах – друг Аласейи. Вспомни еще о том, что мирным вождем у нас теперь тесть Аласейи Фретила. А ведь еще весной никто не

сомневался, что много лет мирным вождем гревтунгов будет Стайна. Так же, как ты, Одохар, – вождем военным.

– Понимать ли твои слова так, что вскоре Аласейя делается военным вождем вместо меня? – прищурился рикс.

Травстила покачал головой.

– Стайна пошел против Аласейи, – сказал он. – Против его удачи. Но ведь ты так не поступишь?

– А если поступлю? Не думаю, что гревтунги захотят риксом Аласейю. Он ведь даже не гот по крови.

– Это верно. Но разве родич Аласейи Агилмунд – не истинный гревтунг?

Одохар надолго задумался.

Травстила смотрел на него, пряча в бороде улыбку. Он знал, какое решение примет рикс. Но рикс не знал, что сказал Травстиле напоследок верховный жрец гревтунгов Овида. А сказал Овида так: «Связав Аласейю клятвой верности Одохару, мы поймали его удачу в сети. Одохар – наш, и все, что его, – наше. Но может статься, что удача Аласейи слишком велика для гревтунгов. Может статься, что она – как слишком крупный зверь. Из тех, что рвет ловчие сети. Посему, если увидишь, что удача Аласейи *слишком* велика, сделай так, чтобы часть ее ушла вовне. Пусть удача Аласейи не разметает наш народ, а проложит ему путь. К новым землям. В Ойум⁶».

Глава пятнадцатая, в которой небесного героя Аласейю освобождают от вассальной присяги, провозглашают вождем... и тут же берут этот титул под сомнение

Церемония проходила со всей возможной торжественностью. Выстроилось все сводное войско: готы, герулы, гепиды. Присутствовали также местные – хозяева территории – бораны. Осеннее крымское солнышко грело макушки и наверхия шлемов. Плескала по камешкам речка. Это здесь она называлась речкой, в других, более богатых пресной водой краях ее называли бы ручьем. Ниже, за виноградниками, за ухоженными садами, лежало Черное море, понт Евксинский. Синяя гладь пестрела рыбацкими суденышками. Рыба была одним из главных компонентов здешней кухни. Ею же и завтракали сегодня, поджарив на углях костра, разведенного посреди поляны. Сейчас, разумеется, все «кухонные» принадлежности убрали, а костер разожгли вновь, для предстоящего дела.

Коршунов отвлекся, и Травстила, как «представитель богов», курировавший процесс «возвращения клятвы», негромко кашлянул.

Одохар, донельзя торжественный, покрытый золотом с ног до головы, выбросил вперед руку.

Коршунов, тоже в полном облачении, увешанный побрякушками из драгметаллов, с неизменным хронометром на груди, вынул, как было договорено, меч и, рукоятью вперед, подал его риксу.

Тот воздел клинок над головой, демонстрируя всем присутствующим.

– Сей меч мне более не принадлежит! – провозгласил он и вручил клинок Травстиле.

Кузнец принял оружие, погрузил на миг в пламя, затем протер тряпицей и поднял над головой.

⁶ Ойум – мифологическая земля обетованная для готов.

– Вотан и Доннар видят! – прогремел он так, что спугнул ворон, обосновавшихся поблизости. Пернатые падальщики были неизменными спутниками войска, посему их полагали посланцами и соглядатаями местных кровожадных богов. Коршунов, впрочем, был уверен, что причина более тривиальная. Гастрономическая.

Коршунов оглядел собравшихся.

Вот стоят гепиды во главе с Красным. Не много, сотни три. Но на их поддержку можно рассчитывать железно. Справа от гепидов – сборная солянка. Небольшие отряды, примкнувшие в основном войску. Эти держатся Одохара, поскольку – готы. Не с герулами же им корешиться. Герулы – под Комозиком. Хотя, как теперь знал Коршунов, не все герулы любят своего военного вождя. Терпят. Как сам Комозик терпит присутствие в войске Коршунова. Не любит, но молчит. Разбираться с Алексеем после истории с сарматами рикс герулов не стал. Не рискнул? Или отложил до более удачного момента?

Еще – бораны. Эти – точно на стороне Коршунова. Может, и впрямь любят Алексея местные боги. Очень уж кстати приходится превращение его в «автономного» вожака.

Карканье и хлопанье крыльев народом было воспринято однозначно – как свидетельство божественного присутствия и одобрения.

– Боги услышали! – проревел Травстила.

И вернул меч Коршунову.

– Верно ли служил тебе Аласейя – небесный герой? – громогласно осведомился Травстила. – Добром ли ты отпускаешь его или по обиде?

– Верно служил мне Аласейя! – отозвался Одохар не менее зычно. – Добром отпускаю его!

– Какой же дар получит от тебя тот, кто служил тебе? – поинтересовался Травстила. – Дар прощания или дар дружбы?

Коршунов насторожился. Об этой части церемонии его никто не предупреждал.

– Дар дружбы! – провозгласил Одохар. – Подобающий воину!

– Что это за дар? – спросил Травстила. – Злато, серебро, оружие, коня, женщину?

Одохар покачал головой:

– Ведомо мне, что довольно у Аласейи злата и серебра. И оружие у него есть, а что же до коней, так кони его – лучше моих. Все у него есть, что подобает вождю. Кроме верной дружины. Поэтому дарю я ему не оружие и не злато, дарю я ему то, что дороже злата: лучшего своего дружинника отдаю я ему, Агилмунда, сына Фретины!

«Ну ни хрена ж себе!» – только и мог подумать Алексей.

Да уж, воистину царский подарок. Покруче сарматских коней. Надо, кстати, одного Одохара подарить. Тем более намекнул рикс на это довольно прозрачно.

Однако ж это было еще не все.

– Скажи мне, Агилмунд, сын Фретины, согласен ли ты отдать свой меч родичу своему Аласейе?

– Согласен! – рявкнул Агилмунд.

«Вот паршивец! – подумал Коршунов. – Знал ведь! Заранее знал. И ни словом...»

– Тогда встань под руку Аласейи – Небесного Героя! – приказал Одохар.

Агилмунд кивнул и неторопливо (гот есть гот) двинулся вперед... а за ним – весь его десяток, во главе с Ахвизрой. Действительно щедро! Отдать своих отборных воинов... правда, у Одохара оставалось еще несколько сотен таких же, отборных...

Гревтунги окружили Коршунова. Ахвизра, вставший слева, фамильярно хлопнул Алексея по спине. Впрочем, никто, кроме своих, этого не увидел. Рослые готы совершенно заслонили своего нового вождя от прочего войска.

Коршунов шагнул вперед. Он хотел видеть, что происходит вокруг. Да и ответное слово сказать требуется.

– Благодарю тебя за щедрый дар, рикс гревтунгов! Славно было служить под твоей рукой! Славно будет идти *вместе* с тобой по дороге доблести! Уверен, что ждет нас, всех нас, храбрых воинов, собравшихся здесь, великая слава и великая добыча...

– Не всех!

Это сказал рикс Комозик.

– Не всех, Аласейя! – Рикс герулов неторопливо двинулся через поляну, к центру ее, где стояли Травстила, Одохар и Коршунов с дружинниками. – Дорога к славе одна, тут ты прав. Но мне с тобой тесно на этой дороге, Аласейя. Пришло время тебе с нее убраться!

Войско зароптало. Слова вождя герулов многим не понравились. В первую очередь – Одохару.

– Стой, Комозик! – Рикс гревтунгов встал на дороге рикса герулов. – Аласейя – наша удача! Ты не бросишь ему вызов!

– Почему? – ощерился герул. – Он больше не твой дружинник! Ты сам объявил его вождем! Что это за вождь, который прячется за чужой спиной? Говоришь, он удачлив? Думаю, настало время узнать, чья удача больше: моя или его! Уйди с дороги, Одохар! Если ты веришь в его удачу, тебе не о чем беспокоиться!

Чуть помедлив, Одохар шагнул в сторону. Комозик прав, решил он. Если удача Аласейи так велика, как всем им кажется, ничего с ним не случится.

Вероятно, так же рассудили и остальные, потому что больше никто не счел нужным вступить за Коршунова. Даже Красный.

Все они верили в удачу Алексея. Он сам тоже верил. Но не настолько, чтобы выйти один на один против боевой машины, которую представлял из себя рикс герулов. От Скулди Коршунов знал, что среди герулов нет никого, кто рискнул бы выйти против Комозика. Нашелся один в прошлом году... и отправился в лучший мир. Но и отступать нельзя. Все тут же сочтут его трусом. И конец Коршуновской харизме. И вообще всему его престижу.

Все эти мысли стремительно пронесли в сознании Коршунова, пока Комозик неторопливо преодолевал разделявшее их расстояние.

Преодолеел. Остановился напротив, глядя сверху вниз, надменно, чтобы не сказать пренебрежительно. Глядел и молчал... ну да, он свое сказал. Теперь ответное слово предоставляется приговоренному.

Коршунов откашлялся.

– Хочешь биться со мной, рикс герулов? – спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Не биться, – с холодной усмешкой уточнил Комозик. – Убить.

– Это уж как боги решат, – сказал Коршунов. – Я тебя понял. Биться будем завтра. Если не передумаешь. Когда и где – я тебе тоже скажу завтра, когда взойдет солнце. У меня сегодня хороший день. Не хочу сделать его печальным.

– Пусть так, – кивнул Комозик. – Повеселись до утра. А печалиться тебе не придется. Потому что ты умрешь.

– Да нет, герул, я *буду* печалиться! – с нажимом произнес Коршунов. – Но не очень сильно. Конечно, в нашем славном походе *нам* будет не хватать такого воина, как ты. Но мы справимся!

И улыбнулся прямо в ощерившуюся вызеленную физиономию герула.

Глава шестнадцатая

День и ночь перед поединком

– Море... – Анастасия зачерпнула ладонью воду. – Холодное море...

– Разве? – удивился Коршунов.

Он-то полагал, что вода довольно теплая. Градусов девятнадцать. Бархатный сезон...

– Там, где я выросла, море намного теплее. – Анастасия попробовала воду на вкус. – И солонее. Но это – настоящее море. Настоящая морская вода. Не та, что в Меотийском болоте. «Меотийским болотом» она называла Азовское море.

– Смотри, рыбаки возвращаются!

К удаленной бухте направлялось несколько парусных суденышек. За каждым, шлейфом, тянулись крикливые чайки.

– Пойду-ка я выкупаюсь, – сказал Коршунов. – Ты – со мной?

– Нет. – Анастасия зябко подернула плечами, закуталась в шерстяной плащ.

Коршунов снял перевязь с мечом, расстегнул пояс...

– Если будут обижать – кричи, – пошутил он.

– Кто меня обидит? – совершенно серьезно ответила Анастасия. – Я – твоя женщина. Все об этом знают.

Коршунов прыгнул с камня, на котором они сидели. Вода оказалась даже теплее, чем он ожидал. Особенно у поверхности. Коршунов выплыл из-под тени скалистого мыса. Подсвеченное закатом море было очень спокойно. И очень красиво. Кричали чайки. Из соседней бухты доносились голоса. Там располагался лагерь сводного войска. Его войска. Если, конечно, завтра Коршунова не прикончит герульский рикс. Надо, чтобы не прикончил...

Коршунов оглянулся. Рядом с Настей уже кто-то сидел. Ну вот! На десять минут одну оставить нельзя!

Алексей развернулся и поплыл к берегу. Его снова коснулась тень скалы. Задрав голову, Коршунов посмотрел вверх. Метров семь-восемь. Понырять бы. Правда, у самого берега – камни, но чуть подальше – отличное глубокое место. Нырять Алексей любил и умел. Но неохота было лезть на гору. Интересно, кто это там, с Настей?

«Соседом» Анастасии оказался Тарвар. Старший сын Крикши. Коренастый парень на вид лет восемнадцати-девятнадцати, но на самом деле наверняка младше. Здесь выросли быстрее, чем там, где родился Коршунов. Сидел на корточках, болтал по-гречески с женщиной Коршунова. Когда Алексей вскарабкался на камень, оба из вежливости перешли на боранский. То есть Тарвар говорил по-борански, а Анастасия – на русском, которому успела выучиться у Коршунова. Способности к языкам у нее были потрясающие.

– Батя мой к вашим старшим ходил, – сообщил Тарвар. – Сказал им, что корабли даст только тебе. И больше никому. Если герульский рикс тебя убьет, то и все ваше войско пусть убирается восвояси. Комозик сказал: батя ему не указ. И останется он тут сколько захочет. Но его никто не поддержал. Батя мой сказал: посмотрим. И ушел. Если тебя убьют, Аласея, нехорошо получится. Батя за слово отвечает, а с герулами нам ссориться нельзя. Через них у нас торговля с Севером идет.

«Надо же, какой рассудительный парнишка», – подумал Коршунов, растираясь краем плаща и натягивая рубаху.

– Посмотрим, – произнес он. – Меня многие хотели убить, но до сих пор ни у кого не вышло! – Он подмигнул Анастасии. – Так отцу и передай.

Сначала у шатра Коршунова, который теперь числился как бы вождем, было совсем мало народу. Куда меньше, чем обычно. Они с Настей да Книва. Новоявленные дружинники Алексея где-то ошивались. Даже Сигисбарн увистал куда-то. Коршунов подозревал: нашел средний сын Фретилы себе подружку из местных. Так что ужинали втроем.

Зато после ужина Коршунова вызвал на разговор Скулди. Сообщил, что честно пытался отговорить своего рикса от поединка. Не смог. Комозик упрям. Прямо как гот. Так что придется Коршунову туго. Но он, Скулди, сразу его предупреждает: никаких колдовских штучек. Комозик сказал: с воином я буду сражаться как с воином, а со злым колдуном не сражаются.

Его убивают. В общем, если Коршунов применит какое-нибудь свое колдовство, все герулы на него набросятся. И много крови прольется, потому что, ясное дело, остальные тоже в стороне не останутся. И гревтунги, и гепиды.

– Дурак твой Комозик! – в сердцах бросил Коршунов. Он-то надеялся, что в случае чего просто пристрелит герульского вожака.

– Не говори дурно о моем риксе! – набычился Скулди.

Коршунов хотел вспылить, но подумал: если завтра все сложится для него удачно, то он, Алексей, станет вождем для Скулди. И тогда, надо полагать, уже о нем нельзя будет говорить дурно.

– Ладно, – сказал он. – Колдовства не будет. Спасибо, что предупредил.

Когда Коршунов вернулся, костер у его шатра горел втрое ярче и людей около него было намного больше: весь условный «десяток» Агилмунда вместе с командиром. Обсуждали, разумеется, будущий поединок. Склонялись к мысли, что рассчитывать Коршунов может только на свою непомерную удачу. Потому что справиться с Комозиком под силу разве что Красному. Но Красному выступать за Коршунова было бы неправильно. Он все-таки не гот, а гепид. С другой стороны, Коршунов вправе выставить вместо себя бойца из своей дружины. Того же Агилмунда. Скорее всего, Комозик Агилмунда убьет, и тогда против него можно будет выставить еще одного бойца... а когда Комозик проведет десяток поединков, то утомится и у кого-нибудь появится шанс с ним справиться. Только не у Аласейи, разумеется. Лучше всего Агилмунда приберечь, а первым против Комозика Ахвизру выставить. Ахвизра – верткий. Комозик здорово попотеет, пока его убьет...

Коршунов минут пятнадцать слушал это обсуждение «коллективного жертвоприношения», потом взбеленился и заявил: всё! Хватит! Никто за него сражаться не будет! Да, рубится он так себе. Но, как верно замечено, у него, Аласейи, есть еще и удача. А кроме удачи – голова на плечах. И он собирается использовать эту голову, чтобы победить. Всем понятно? Тогда разговор окончен.

После такого выступления тема была закрыта. Более того, дружина Коршунова уверилась, что у вождя есть некий план. Так что все будет в порядке.

К сожалению, никакого плана у Коршунова не было. Так, кое-какие идеи...

Анастасия рядом с ним зашевелилась. Маленькая ступня коснулась колена Коршунова... Легкий, бесшумный прыжок с ложа – звук поглотила медвежья шкура на полу.

– Пей... – Чаша с вином, отличным Красным крымским вином, к сожалению, по-гречески разбавленным, коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем он сам.

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионкой. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувства, была оружием более страшным, чем копье в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой Римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Хотя совсем недавно эта «стрела» чиркнула пару строк, которые сделали больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к припухшим губам женщины. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видал* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что

в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять ее... но он не умрет, нет. Он не должен умереть. Он должен что-то придумать...

Настя уже заснула, а Коршунов все лежал, глядя в темноту, размышляя. Нет, он не должен сражаться с Комозиком по его правилам. Есть множество навыков, полезных в бою, кроме владения мечом. Навыков, в которых Коршунов намного более умел, чем его противник. Поединок – это то же соревнование. А что же это за соревнование, когда против гроссмейстера выступает любитель. Нет, может и любитель против гроссмейстера. Только не в шахматы. Как там пел Высоцкий? «Мы сыграли с Талем десять партий. В преферанс, в очко и на бильярде...» Правда, публика, которая ждет шахматного турнира, может не согласиться на партию в преферанс. Значит, надо, чтобы согласилась. Значит, надо создать такую ситуацию, когда сам факт соперничества станет выше формы. Создать ситуацию *вызова* для Комозика. Предложить ему соревноваться по правилам Коршунова, да так, чтобы войско не сочло, что Аласейя трусил. И так, чтобы отнюдь не глупый, хотя и упрямый Комозик не сообразил раньше времени, что игра идет уже не по его правилам... Думай, голова, думай! Неужели он, Алексей Коршунов, ученый-физик, кандидат наук, не сумеет перемудрить какого-то варвара?

Глава семнадцатая

Поединок

– Ты все еще хочешь меня убить? – спросил Коршунов.
– Хочу, – честно ответил герульский рикс. – И убью.
– Угу. – Коршунов усмехнулся. – Ты меня напугал. Я уже убегаю.
– Беги! – ухмыльнулся Комозик. – Но не думай, что сможешь от меня убежать! Я поймаю тебя и разрублю на куски, как свинью!

– Ты?! Поймаешь меня?! – Коршунов расхохотался. – Ты стар и неуклюж, Комозик! Ты тиви свою не догонишь, если ей надоест с тобой возиться!

Это было оскорбление. Готы и герулы, хоть и научились пахать землю, по сути своей оставались охотниками. Лесными охотниками, для которых умение быстро передвигаться на собственных ногах (при необходимости – скрытно), умение преследовать зверя (или врага), догнать его, *загнать*, ценилось почти так же высоко, как умение убивать. Так что Коршунов знал, что делает. Теперь знал. Он все-таки придумал свою игру. И намеревался навязать ее Комозику. Сегодня утром Алексей встал за час до рассвета, провел рекогносцировку и просчитал все этапы. Если он сделает все, как надо, герульский рикс сыграет не по своим, а по его правилам. А уж там... как получится.

– Ты можешь убить только того, – продолжал Алексей насмешливо, – кто сам подойдет к тебе и подставит шею. Ты никогда не сможешь настичь и убить настоящего воина. Даже если он будет безоружен!

– Болтай что хочешь! – прорычал герул. – Тебя никто не слышит! И заката тебе не увидеть!

– Мечтай, Комозик! – воскликнул Алексей. – Мальцам и старикам одно утешение – мечтать! Мечтай! Но лучше оглянись! Все слышат меня! Все! – Коршунов махнул рукой, словно напоминая риксу герулов о теснящихся вокруг воинах. – И все слышат, когда я говорю: «Никогда тебе, Комозик, не догнать меня и не убить, если я сам не подойду к тебе и не подставлю шею! Не догнать и не убить, даже если у меня не будет оружия!»

– Ты лжешь! – взревел Комозик. – И все слышат твою ложь!

– Я лгу? – Коршунов расхохотался. – Ты слишком стар и неуклюж, Комозик, чтобы достать меня! Ха! – Он быстро расстегнул перевязь с мечом и бросил Агилмунду.

Шагнул вперед, показал открытые ладони. – Вот я! И оружия у меня нет! (Нож на поясе, ясное дело, – не в счет.) Мне не нужен меч, чтобы биться с тобой, Комозик! Убить тебя, старого и неуклюжего, – какая в этом слава? А ты, хоть с мечом, хоть без меча, – ничего мне не сделаешь. Ну вот я! – Коршунов вызывающе ухмыльнулся. – Попробуй взять меня, герульский рикс!

Стройный, невысокий, без доспехов, в легкой одежде, он казался совсем малышом рядом со здоровенным, облаченным в доспехи герулом. Жертва, а не противник.

– Я тебя убью! – прорычал Комозик.

– Ха! Ты до меня даже не дотронешься! Ты...

Комозик атаковал молча. Стремительно. Меч вылетел из ножен и обрушился на Коршунова с такой быстротой, что даже воздух взвизгнул. Алексей отпрыгнул в сторону, едва не задев Агилмунда (тот успел посторониться), уклонился от следующего удара, подпрыгнул, пропуская клинок под собой...

Толпа раздалась в стороны, освобождая место противникам. Никто не хотел случайно угодить под меч рикса герулов.

Впрочем, случайных движений у Комозика не было. Он орудовал клинком быстро и экономно. Алексей успевал уклониться, но отнюдь не играючи. Не будь его враг отягчен доспехами, Коршунову пришлось бы по-настоящему туго. Герул был старше его минимум лет на десять и килограммов на тридцать тяжелее. Но двигался бы Комозик ничуть не медленнее Алексея, не будь на нем тяжелых доспехов, в то время как на Коршунове – ничего, кроме тонкой ткани.

После нескольких минут атак, прыжков и уходов, топанья, шуршания и вздымания пыли до герула наконец дошло, что Коршунова ему не достать. И именно из-за доспехов. Тогда он аккуратно воткнул меч в землю, снял шлем и взялся за завязки панциря.

У Коршунова было искушение: прыгнуть и попытаться перехватить воткнутый в землю меч, но он прикинул расстояние, оценил противника (Комозик явно был наготове) и решил этого не делать.

– Вспотел? – сочувственно произнес Алексей. – Или блохи донимают? Ладно, раздевайся, я подожду!

И демонстративно скрестил руки на груди.

Герул не ответил – восстанавливал дыхание. Впрочем, запыхался он значительно меньше, чем надеялся Коршунов. Да, загонять такую машину, способную биться несколько часов подряд, практически невозможно. А вот раздражить и заодно приобрести симпатии окружающих (Алексей понимал: по местным понятиям уклоняться от схватки – позорно, а он, как ни крути, именно уклонялся) – совсем неплохо.

– Как-то ты скучно меня убиваешь, Комозик, – насмешливо произнес Алексей. – Топчешься всё на одном месте. Скучно! Давай, что ли, поразомнемся, места вроде хватает... – Он демонстративно повернулся к противнику спиной, одновременно опытным взглядом скалолаза изучая склон. Изрезанный трещинами мягкий камень не представлял особой сложности для подъема. – Пожалуй, – по-прежнему не глядя на Комозика, продолжал он, – я бы поднялся повыше. А то мы здесь здорово напылили...

И в этот момент герул, избавившийся наконец от доспехов, схватил меч и бросился на него.

Он был дьявольски проворен, этот рикс. Но все-таки Коршунов успел раньше: подпрыгнул, зацепился и проворно, как ящерица, полез наверх. Для скалолаза его уровня эта стенка была – как лестница.

– Хорошо лезет, – сказал Крикша своему старшему сыну Тарвару, которого намеревался отправить в поход с Аласейей. – Лучше тебя.

– Я бы не стал лазать, – возразил Тарвар. – Я бы дрался.

- И этот герул прикончил бы тебя. Он рубится намного лучше тебя.
- Зато лазает намного хуже, – парировал Тарвар.

Комозик как раз закончил ругаться, сунул меч в ножны и полез наверх. Вероятно, его обманула легкость, с которой взбирался Коршунов. Рикс герулов физически был намного сильнее Алексея. Но и весил побольше, а навыками скалолазания обладал самыми минимальными. Разумнее ему было бы не лезть по скале «напрямик», а воспользоваться обходной тропинкой, но Комозик не привык отступать. Тем более – на глазах у собственных воинов. Так что он упорно карабкался по скале, но в отличие от опытного скалолаза Коршунова не на «ногах», а почти исключительно «руками». Правда, руки у Комозика были могучие, а пальцы – железные.

Оказавшись наверху, Коршунов поприветствовал оставшихся внизу взмахом руки, затем подобрал булыжник килограмма в три весом, уселся на край обрыва и стал ждать, перекидывая камешек с ладони на ладонь. Честно говоря, он не рассчитывал, что Комозик полезет за ним. Алексей думал, что рикс воспользуется тропой. Может, не рисковать – прикончить его прямо сейчас?

Комозик преодолел примерно две трети «маршрута», оказался на более или менее приличной «полке» и смог наконец разглядеть, чем занимается его соперник. Увиденное не привело герула в восторг.

Для Комозика исход поединка был заранее предрешен. Он был уверен, что Аласейя не в состоянии ему противостоять. Рикс знал, что стоит им скрестить клинки, и он сможет прикончить пришельца с неба в считанные мгновения. Но Комозик не собирался торопиться. Он намеревался поиграть с наглецом, пустить ему кровь, увидеть, как от осознания неминуемой смерти расширятся глаза Аласейи. И как они вылезут из орбит, когда клинок рикса герулов медленно погрузится в живот нахального чужака.

Уверенность в своем абсолютном превосходстве вкупе с жадой мести ослепили Комозика, и он не учел и преимуществ, какие дает выигрыш в высоте. Особенно когда у того, кто снизу, заняты руки и нет никакой возможности увернуться. Оценив положение, рикс герулов даже подумал: а не слезть ли обратно? Но когда поглядел вниз, то понял, что угодил в ловушку. Известная проблема всех неопытных «ползунов»: забраться-то легко, а вот спуститься...

В общем, рикс герулов решил: умирать – так с музыкой. И полез дальше. Собравшиеся внизу подбадривали его насмешливыми возгласами. Все, кроме герулов. Соплеменники Комозика хранили молчание. Не очень-то приятно смотреть, как твой вождь беспомощно движется навстречу смерти.

– Эх, – вздохнул Кумунд, глядя на маленькую фигурку Коршунова, играющую совсем крохотным камнем. – И не дострелить до него...

– Ну почему же? – усмехнулся Скулди. – Дострелить можно. Из Аласейевского самострела.

Кумунд посмотрел на друга, понял, что тот шутит, – и удивился. Как можно шутить, когда твой рикс – в опасности.

– Аласейя не бросит камень, – сказал Скулди. – Я его знаю.

– Но ведь Комозик тогда его убьет! – возразил Кумунд. – Я бы бросил камень! Я бы бросал камни, пока не сшиб бы его со скалы! Это честно! Аласейя совсем плохо сражается, а наш рикс сражается очень хорошо! Они оба это знают! Не надо было Комозику лезть на гору!

– Ты бы бросил, а Аласейя не бросит! Ставлю золотую ромлянскую монету, что не бросит! Принимаешь?

Кумунд мотнул головой. Он привык доверять словам друга. Если Скулди сказал – так и будет.

Когда до края обрыва Комозику осталось метра два, он запрокинул голову и хрипло выкрикнул:

– Бросай, чего ты ждешь!

Коршунов помотал головой, отложил камень и поднялся. За его спиной была еще одна стенка, слева и справа – довольно широкая тропа. Слева тропа уходила наверх, справа – спускалась вниз, к бухте: сначала – по берегу речушки, потом – вдоль осыпи, вниз. Воспользуйся Комозик этой тропой – добрался бы сюда в три раза быстрее, чем напрямик.

Коршунов подождал, пока пальцы герула не ухватились за камень, на котором только что сидел он сам, поглядел сверху на побагровевшую физиономию соперника... и ничего не сказал. Комозик замер. Он здорово устал. И понимал, что Аласейя сейчас может запросто отправить его вниз. Одно движение ноги – просто смахнуть цепляющиеся пальцы. И никто даже не узнает, что Комозик упал *не сам*. И все там, внизу, сочтут его падение еще одним проявлением *удачи* Аласейи. Комозик даже приготовился (безнадежная попытка) ухватить ногу Аласейи, когда тот ударит...

Но Аласейя не ударил. Вместо этого он повернулся к Комозику спиной и спокойно двинулся вниз по тропе.

Последним рывком рикс герулов перебросил тело на тропу. Лежа, он с ненавистью смотрел на неторопливо удалявшегося противника. Но преследовать его сейчас не мог. Надо было перевести дух после подъема. И, может быть, немного привести этот «дух» в порядок, ведь совсем недавно Комозик уже полагал себя почти мертвым.

Снизу лежащего рикса не было видно, зато все видели спускающегося Коршунова. И строили предположения. Сходились на том, что Аласейя там, наверху, все-таки убил герульского вождя. Высказывались предположения по поводу того, как это было сделано. Кое-кто из герулов уже собрался подняться наверх, за телом, когда Комозик встал.

Встал, вытянул из ножен меч и рысцой пустился вниз по тропе. За Коршуновым.

Алексей оглянулся. Герул был метрах в шестидесяти. Коршунов видел его сосредоточенное лицо. В намерениях Комозика можно было не сомневаться. Несмотря на то что Алексей пощадил его там, на скале, рикс намерен довести начатое до конца. То ли воспринял снисходительность Коршунова как слабость, то ли еще больше возненавидел противника за эту самую снисходительность.

Коршунов дал герулу возможность приблизиться – и побежал. Легко и непринужденно, словно на прогулочной пробежке. Герул тоже побежал. Да так проворно, что расстояние между ними стремительно сократилось.

Алексей, услышав за собой приближающийся топот и сопение, оглянулся и прибавил.

Герул тоже прибавил.

Алексей припустил в полную силу... черт! Проклятый герул не отставал! Он действительно умел бегать! К Коршунову вернулось чувство, испытанное там, внизу, когда он уклонился от герульского клинка. Жизнь снова висела на волоске. Любая ошибка становилась смертельной... теперь Алексей рвал изо всех сил, но Комозик не уступал ему в скорости!

Они промчались по тропе до того места, где она, упираясь в нагромождение камней, делала поворот вниз.

Коршунов с ходу прыгнул на ближайший валун, затем – на следующий. Он не сомневался, что Комозик последует за ним. И не ошибся. Герул последовал. И даже прыгал довольно ловко. И едва не достал Алексея на «выходе» из завала, в длинном рискованном прыжке махнув с угловатого валуна на наклонную гладкую поверхность скалы. К счастью, рикс малость не дотянул, сорвался и грохнулся в щель, приложившись так основательно, что даже не сумел сдержать крик. И все-таки через пару секунд он уже выкарабкался на скалу, даже меч не потерял. Выкарабкался и увидел, как Коршунов с разбега, оттолкнувшись от края скалы, ласточкой прыгнул в море.

– Я тоже так могу, – заметил сын Крикши, глядя, как Аласейя перевернулся в воздухе, благополучно миновал камни, торчавшие из воды у берега, четко, почти без брызг, вошел в воду и почти сразу вынырнул на поверхность.

Его противник помедлил не более нескольких мгновений – прихрамывая, устремился следом – и тоже прыгнул. Но куда менее грациозно. Летел, словно мешок, вдобавок запрокинулся на спину и рухнул в воду впритирку к обросшему космами водорослей камню, взметнув при этом тучу брызг. И уже не всплыл.

– Убился, – без малейшего огорчения резюмировал Тарвар.

– Так я и думал, – сказал крикша. – Куда этому герулу до *нашего* Аласейи.

Коршунов видел, как рухнул Комозик. Он не сумел разглядеть, задел ли герул о камень. Но даже если и не задел, мало ему не показалось. Плюхнуться спиной о воду с высоты порядка семи метров – это сурово.

Вообще-то Алексей на такое не рассчитывал. Он предполагал, что здесь, в воде, они продолжат свой поединок. Уже на равных, даже с некоторым преимуществом для отлично плававшего Коршунова.

Да, мало Комозику не показалось. В насквозь просвечиваемой солнцем воде было видно всё: зеленые бока камней, рыбешки, белый пяточок ровного дна. И быстро опускающееся на это дно темное тело. Упрямый герул, оглушенный, наверняка полуживой, все равно не выпустил из рук меч и теперь несколько килограммов железа утянули его на дно.

Ну да, утоп, зато с оружием в руке. Настоящая смерть воина.

«Дурак, – подумал Коршунов. – Но я – еще больший дурак!» – сделал три быстрых глубоких вдоха – и нырнул.

До дна было не очень далеко – метров шесть. Герул живописно разлегся на нем, разметав руки. Похоже, отрубился. Глаза закрыты. Морда по-прежнему зеленая. Крепкая краска, однако. Картинка для голливуда: воин морского царя на отдыхе. Меч он так и не выпустил.

«С этой железякой его точно не поднять», – подумал Коршунов. И попытался разжать пальцы. Хрена лысого! Проклятый герул даже в бессознательном состоянии расставаться с оружием не хотел. Коршунову потребовалось с полминуты, чтобы выкрутить меч из цепкого хвата. Заныло в груди, застучало в висках: запас кислорода был на исходе. Не выпуская меча, чтоб не всплыть раньше времени, Коршунов ухватил Комозика за патлы... и тут герулу приспичило очнуться. Вернее всего, приспичило ему, когда у него отобрали меч. Очнулся, открыл глаза, увидел над собой ненавистного соперника, оскалился... и вдохнул. До сего момента, похоже, он и не дышал вовсе, так что ощущение он получил убойное. Глаза вождя герулов выпучились, борода встала дыбом... но загребушие руки дело знали. Одна вцепилась в бок Коршунова, другая потянулась к его лицу...

Не долго думая Алексей треснул Комозика в лоб рукоятью меча. Оно конечно, в воде удар не тот, но – хватило. Герул мигом обмяк, Коршунов сильно оттолкнулся ногами от дна, устремляясь в светлой пленке над головой... стремительного всплытия не получилось. Упорный герул не хотел его отпускать. У него, похоже, был рефлекс. Как у бульдога. Если уж схватит – умрет, а не отпустит.

Коршунов выгребся наверх, жадно вдохнул – кайф!

Комозик висел у него на поясе, вялый, как дохлая рыба. Здоровенный, но совсем не обременительный. И опять та же дилемма: расцепить его пальцы и отправить на дно – никто не узнает, что именно Коршунов прикончил рикса герулов. Все видели прыжок. Все видели, что прыжок вышел неудачный...

«Хрен с тобой, – подумал Алексей. – Я тебя выташу и попробую реанимировать. А там уж точно: как твоя личная удача положит!»

И, приподнявшись над водой, призывно замахал рукой. Давайте сюда быстрее, мать вашу!..

– Зовет! – сказал Тарвар. – Я сплываю, батя?

– Давай, – согласился Крикша.

Рыбачьей лодке понадобилось меньше минуты, чтобы одолеть полсотни метров.

– Бери его! – скомандовал Коршунов, подталкивая снизу грузное тело. – Да поживее!

– Чего поживее, ему теперь спешить некуда... – прокряхтел Тарвар, втягивая Комозика в лодку через просевшую корму.

– Живее, я сказал! – Коршунов забрался внутрь, мокрый и решительный. – К берегу! Он еще не умер!

– Как же не умер! – возразил парень. – Не дышит же!

Веслами, впрочем, он при этом работал довольно энергично.

– Задышит! – с яростью пообещал Коршунов. – Он у меня задышит!

– Ты бог, что ли? – удивился боран.

У берега лодку встречала целая толпа.

– Ну-ка взяли его, аккуратно! – скомандовал Алексей. – Аккуратно, я сказал! Вынесли и положили! Мордой вниз!

Поднатужившись, он взгромоздил тяжеленного герула животом на колено. Из рта рикса хлынула вода.

Сколько прошло времени с тех пор, как Комозик хлебнул воды? Три минуты? Пять?

Коршунов спихнул герула с колена, перевернул навзничь.

– Скулди!

– Я тут!

Ну конечно, он тут, в первых рядах толпы, плотно обступившей Алексея и его «пациента».

– А ну отошли все на пять шагов! – рявкнул Коршунов. – Скулди, делаешь так: вдохнул... выдохнул! – Он наклонился к бородатой пасти Комозика и с силой втолкнул в нее воздух. В груди у герула забулькало.

– Делаешь по моей команде... раз, два, три... – Он резко нажимал на выпуклую грудь Комозика. – Четыре! Выдох! И еще раз! Начали!

Чем хороши местные парни: в критических ситуациях никогда не задают дурацких вопросов. Просто делают, что сказано, оставляя вопросы на потом.

– Раз, два, три... четыре! – И Скулди выдохнул в своего вождя во всю мощь развитой грудной клетки.

К сожалению, и у самого вождя грудная клетка была – будь здоров.

Один цикл, второй, третий, четвертый... никакого эффекта. Не с Коршуновским весом продавливать такого качка. Все равно что пивной бочонок давить...

– Кумунд! – рявкнул Коршунов, углядев в толпе знакомую зеленокрашенную физиономию. – А ну иди сюда! Клади сюда руки! И нажимай вот так: раз, два... сильнее, мать твою так (последнее – по-русски, разумеется)! Из всех сил! Или твой рикс помрет! Раз, два... Скулди, отойди! Я сам!

На десятом цикле в могучей груди Комозика забулькало громче. Грудь его дернулась не в такт толчкам, расширилась, разинутый рот с сипением втянул воздух, глаза открылись... и увидели над собой все того же ненавистного Аласею.

Коршунов успел отодвинуться.

– Придержи его, Кумунд! Ему сейчас вредно двигаться!

Здоровяк герул беспрекословно выполнил команду и придавил к земле своего собственного рикса. Еще бы ему не послушаться! Только что у него на глазах небесный герой перетащил этого самого рикса из мира мертвых обратно в мир живых.

– Ф-у-ух! – вздохнул Алексей. – Тяжеленький сегодня день получился. Скулди, забирай его. – Он кивнул на снова обмякшего Комозика. – Думаю, теперь он не помрет. Блин! На бок его переверните! Быстрей!

Победоносного рикса начало рвать. Было бы обидно, если бы после стольких усилий по его оживлению Комозик захлебнулся собственной блевотиной.

– Разденьте его, оботрите досуха и заверните во что-нибудь теплое. Крикша! У тебя вроде бы лекарь есть толковый?

– Есть, – подтвердил боран. – Очень толковый. Боспорец. Из Феодосии.

– Пришли. Пусть осмолит рикса Комозика. С меня довольно!

И растолкав, нет, не растолкав – раздвинув (его почтительно пропустили) толпу, Аласейя – Небесный Герой, чье абсолютное лидерство больше никем не оспаривалось, удалился в свой шатер. Отдыхать. И думать, как быть дальше с мятежным герульским риксом.

Чует сердце: такие, как Комозик, пока живы – не успокоятся. Эх, зря Коршунов его не утопил!

Но удача по-прежнему улыбалась Алексею Коршунову. Греческий медик, осмолев герульского вожда, нашел его состояние удовлетворительным. Если не считать закрытого перелома ноги. Когда он ухитрился сломать ногу? Наверное, наверху, когда сорвался с камня. Крут, однако! Пробежать со сломанной ногой метров пятнадцать, да еще в воду прыгнуть!

Лекарь соединил кости и наложил шину, но ясно было, что для боевых действий Комозик временно не пригоден. Посему на закрытом герульском совещании было решено погрузить рикса на корабль и отправить домой с подобающим эскортом. Командование герульской частью войска Комозик поручил Скулди: вариант, полностью устраивавший всех, включая Коршунова.

На следующий день Комозик пригласил Коршунова в гости.

– Понимаю, почему ты меня пощадил, – сказал он. – С такой удачей можно быть милосердным.

– Я не знал, что у тебя сломана нога, – ответил Коршунов. – И убивать тебя не хотел. Такой воин, как ты, очень пригодился бы в нашем походе.

– Ты лжешь. – Комозик усмехнулся. – Ты пощадил меня не поэтому. Но я не стану с тобой спорить. С такой удачей, как у тебя, можно лгать. Любая ложь окажется правдой. Но когда ты вернешься, я проверю твою удачу еще разок. Раз уж ты мне предоставил такую возможность.

– Договорились, – ответил Коршунов.

Да, этот мужик умеет проигрывать.

«Пожалуй, он мне может начать нравиться, – подумал Алексей. – Но рядом с собой я все-таки предпочитаю видеть не его, а Скулди».

Глава восемнадцатая, в которой Алексей Коршунов разобрался с местной географией

Наконец-то Коршунов определился со своим местонахождением. Их лагерь базировался где-то в районе Севастополя, сравнительно недалеко от города Херсонеса, развалины коего Коршунов посещал в двадцатом веке и даже привез оттуда на память обломок какого-то древнего кирпича. Здесь Херсонес еще не превратился в развалины, назывался Херсоном и являлся довольно крупным городом с каменной крепостью, каменными домами и большим портом.

Шумный южный город, смешение народов, традиций и религий. Языческие храмы соседствовали с синагогой и с христианской молельней. В общем, это уже было не варварство, а *культура*. Цивилизация. Правда, Коршуновская Настя сморщила носик, когда Алексей назвал Херсон цивилизованным городом. С ее точки зрения, этот город был просто захолустьем. Тем не менее, на здешних улочках она чувствовала себя как рыба в воде. Впрочем, Агилмунд с Ахвизрой (и разумеется – с Книвой, как же без него), вызвавшиеся сопровождать Коршунова, тоже чувствовали себя в этом разноязыком городке вполне свободно. Агилмунд уже бывал здесь, а Ахвизра с Книвой уверенно чувствовали себя везде. Как и большинство их соплеменников, они полагали, что только готы – настоящие люди. Всех прочих следует рассматривать с точки зрения полезности для готского народа. То есть нельзя ли у местных жителей позаимствовать что-нибудь, пригодное в хозяйстве. И лучше, конечно, отнять, а не купить. К некоторому огорчению готов, грабить на здешних улицах не рекомендовалось. В городе наличествовала стража, которой ничего не стоило призвать к порядку нескольких гревтунгов, даже таких доблестных, как Ахвизра. Гуляли они совместно, впрочем, недолго. Опытный Агилмунд выяснил, где обитают доступные женщины, и трое гревтунгов отправились туда. Встретиться договорились в доме Крикши. Боранский вождь, как всякий уважаемый причерноморский лидер, имел в Херсоне недвижимость.

Алексей с Настей прошвырнулись по здешним лавочкам, накупили всякой женской лабуды. Коршунов не сэкономил на своих женщинах. Тем более что Настя безусловно заслуживала подарков. Правда, ее предложение посетить здешнюю христианскую общину Алексей не поддержал. Оказалось, что Херсонес-Херсон имел весьма активные контакты с Римской империей, и сравнительно недавно здесь даже стоял римский гарнизон, над главной крепостной башней сияли на солнце римские «орлы». Контакты с проримской публикой были нежелательны. Настя, хоть и профессиональная «шпионка», все-таки женщина. Вдруг проболтается, что поблизости расположилась целая армия варваров, намеревающихся пощипать римского «орла». Тем более Алексей, в силу крайне слабого знания греческого языка, не сможет даже проконтролировать разговор.

Вообще же новая информация о здешнем геополитическом раскладе привела Коршунова в изрядное замешательство. Он-то полагал, что есть Рим (где-то там), и есть варвары, типа готов-герулов. Всех, кого он встречал доньше: боранов, аланов, сарматов, – Алексей относил ко второй категории и рассматривал исключительно как возможных союзников. Оказалось же, что все обстоит с точностью до наоборот. Все сколько-нибудь значимые народы-племена на побережье Черного моря были как раз союзниками Рима, получали от империи подачки, торговали с ней, ездили в империю повышать свой «культурно-экономический» уровень... более того, тут, на черноморском побережье, располагалось сильное и самостоятельное государство со своим флотом и армией. Боспорское царство. И цари его хоть и были вроде как местными, но крепко дружили с Римом и вполне могли вмешаться в планы Коршунова. Боспорский флот хоть и серьезно уступал римскому, но довольно успешно гонял пиратов от своих берегов. В том числе и пиратов боранского происхождения.

Однако когда речь зашла о том, как заблокировать этот неучтенный фактор, Крикша сделал удивленное лицо. Он был уверен, что вождь Аласейя – в курсе ситуации и уже договорился с царем. У нынешнего боспорского царя Рескупорида IV сейчас проблемы. У него появился конкурент, некто Фарсанз. Крикша не знал подробностей, поскольку уже больше года не был ни в пантикапее, ни в Танаиде, но зато он знал, что подобные трудности всегда вызывают нужду в финансах. Чтобы боспор не полез в драку, надо всего лишь объяснить царю, что союзники собираются грабить не боспорское царство, а римскую провинцию Понт. И сделать царю небольшой подарок.

– Хм... – с сомнением произнес Коршунов, выслушав предложение законтактировать его с боспорским двором. – Допустим, я соглашусь.

Он сделал знак – и жена Крикши наполнила его стакан. Самый настоящий стакан из самого настоящего, правда немного зеленоватого, стекла. И наливала она из натурального стеклянного графинчика, с ручками в виде лошадиных голов.

Спиральный золотой браслет со змеиными головками скользнул по кисти женщины, звякнул о стекло.

– Допустим, – повторил Коршунов. – Сколько это займет времени и каковы должны быть размеры взятки... тьфу!.. Подарка?

Услышав ответ, едва не уронил стакан с вином:

– Сколько-сколько?!

– Думаю, таланта три, – спокойно повторил Крикша. – Золотом, конечно, не серебром.

Три таланта – это здоровенная куча золота.

– ...Если поторговаться, то можно скинуть до двух, – продолжал между тем Крикша. – Но тогда время уйдет, а времени у нас, как ты знаешь, самое большее – дней двадцать.

– И где же я, по-твоему, возьму такую прорву золота? – поинтересовался Коршунов.

– Займешь, – последовал ответ. – Под мое поручительство. Возьмешь сейчас три, после похода отдашь пять.

– А если я не вернусь?

– Вернешься. Ты, Аласейя, удачлив, это все знают.

Сидящие за столом подтвердили это мнение кивками и восклицаниями. Здесь, за столом, были только свои. Сам Крикша с двумя сыновьями и женой, Скуба, Коршунов с Анастасией, Агилмунд (Ахвизра в бордельном квартале застрял основательно) и, разумеется, Книва.

– Пять за три – это слишком много, – рассудительно произнес Коршуновский шурин. – И не надо нам три таланта. Два, думаю, мы сами соберем. А за один отдадим полтора, когда вернемся. Верно я говорю, Аласейя?

– Не знаю... – Коршунов запрокинул голову, поглядел на зеленую гору, где по дороге – полоске, выстриженной в кудрявой зелени, – спускалась цепочка осликов, навьюченных непомерно огромными корзинами.

– Не знаю... как ты говоришь, кличут того парнишку, из-за которого у парфянского царя сложности?

Крикша сморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл сказанного Коршуновым:

– Твоя речь, Аласейя, непонятна мне. О чем ты говоришь?

– Как зовут человека, который покушается на власть парфянского царя?

– Его зовут Фарсанз. Он – племянник царя. Его отец – из сарматских вождей, чьи земли – к востоку от Данубия. У царя Рескупорида он командует конницей... командовал...

– А теперь?

– А теперь он сидит в Трапезунте⁷ и ждет, когда царь покинет Пантикапеи, где у него много сторонников, чтобы проникнуть в город. Рескупорид знает об этом и из города не уходит. Но флот его – в проливе. И может нам помешать, если мы не откупимся. Кстати, Аласейя, если царю посулить еще и часть добычи, он может и корабли нам продать... на время.

– Обойдемся. Нам хватит и твоих кораблей. Скажи мне, Крикша, кто из них сильнее: Рескупорид или этот, претендент?

– Конечно, Рескупорид! – последовал ответ.

– Настя, – Коршунов повернулся к своей тиви, – скажи мне как римлянка: если империи угрожают два варварских племени, кому Рим заплатит: тому, кто сильнее, или более слабому?

⁷ Читателю, знакомому с историей и географией: это другой Трапезунт, не малоазийский (римская провинция Понт), а тот, о котором упоминает Иордан, – то есть располагавшийся в районе горы Чатыр-Даг, неподалеку от нынешней Алушты.

– Слабому, – не колеблясь, ответила Анастасия.

Крикша поморщился: кто спрашивает женщину о мужских делах! Агилмунд тоже буркнул недовольно:

– Зачем платить слабому, что он может?

– Вот! – поднял палец Коршунов. – В этом все и дело. Слабый может немного, но, если ему заплатить, он сможет сделать сильного слабее. А если ты платишь сильному, то он слопают слабого и примется за тебя.

– Боспорский царь? – хмыкнул Агилмунд. – Какое ему дело до нас, гревтунгов?

– Ему – никакого. А вот нам до него дело будет! Боспор – северные ворота этого моря. Будь Боспор нашим, мы бы смогли многое.

– Боспорский царь слишком силен... – пробормотал Агилмунд.

– Вот и я о том же! Сделаем его слабее – и придет время, когда если не мы с тобой, то вот он, – Коршунов кивнул на жадно слушавшего Книву, – отнимет у него ключи от евксинского Понта! Крикша, ты можешь связать меня с Фарсанзом?

– Если ты хочешь дать ему денег – пустое. Боспорский флот ему не подчинится.

– Посмотрим, – усмехнулся Коршунов. – А денег, кстати, я ему давать не собираюсь. Гроша ломаного не стоит войско, которое *откупается* от врагов. Не мы от них – они от нас должны откупаться! – Коршунов покосился на Книву.

Пацан с открытым ртом внимал каждому его слову. Если бы остальные слушали его с таким же почтением... Ладно, плевать на почтение. Главное, чтобы делали то, что он скажет...

Глава девятнадцатая, в которой Алексей Коршунов проявил способности к дипломатии

Смутно знакомые очертания крымских берегов. Гора Ай-Петри, скала «Парус», но без беседки «Ласточкина Гнезда»... кудрявые склоны, в каждой бухточке – селение, в каждой бухте покрупнее – порт. И городок. И башенки крепости. Крепостей оказалось на удивление много. Оно и понятно: богатое место – Крым. Привлекательное. Одна из крепостей, в районе мыса, опознанного Коршуновым как мыс Ай-Тодор, ему особенно не понравилась. Название у крепости было Харакс, что в переводе с греческого означало «военный лагерь, окруженный валом». Вала, впрочем, не наблюдалось – наличествовали добротные каменные стены. Но проблема была не в этом, а в том, что данная крепость была римской «военной базой». За ее стенами располагался личный состав каких-то там по номеру когорт италийского легиона. И можно не сомневаться: если мимо этой «базы» в один прекрасный день проследует сотня кораблей, под завязку наполненных вооруженными парнями, римляне обратят на это внимание. Следовательно... следовательно, идея, которую собирался реализовать Коршунов, становилась еще более интересной.

В Трапезунд они отправились на трех кораблях. Для солидности. Корабли были боранские, основа экипажей – кормчий и его помощник – тоже боранская. Прочая «команда» – готы и герулы. В общей сложности человек сто. Для солидности и охраны. В само посольство вошли: Коршунов, Скулди, Травстила и Агилмунд. От боранов представляли Скуба и Тарвар. Еще Алексей захватил с собой Настю – после клятвенного заверения Крикши, что никакой опасности их миссия не сулит. Анастасия же хоть и женщина, а настоящая римлянка – и в качестве спутницы Коршунова существенно повышает статус последнего и подчеркивает «миролюбие» посольства.

Золота с собой не взяли. Только то, что на себе. В качестве подарков Коршунов решил использовать оружие. С намеком.

В двадцать первом веке добраться морем от Севастополя до Алушты можно было за несколько часов.

Сейчас, даже при попутном ветре, потребовалось почти два дня.

Трапезунд боспорский ничего особенного из себя не представлял. По крымским понятиям. Поселок, крепость, небольшой порт. Резиденция мятежного племянника была немногим больше дома Крикши в Херсонесе. Но охранялась по полной программе. Да и сам Трапезунд находился на военном положении. Причалившие боранские корабли встретила настоящая армия. Сотен пять, не меньше. Причем довольно прилично экипированных. Однако, узнав, что приплывшие – не десант боспорского царя, а посольство «варваров», высадку разрешили. Но наверх, в крепость, пустили только само посольство: шестерых плюс Книву, который нес сундучок с подарками. Коршунов ехал на сарматском жеребце, одном из двух оставшихся. Третьего он подарил Одохару.

Мятежый племянник боспорского царя принял послов немедленно. Правда, проявил разумную осторожность: в зале присутствовали человек десять вооруженных до зубов приближенных Фарсанза и дюжины две стражников в полном боевом. Племянник царя был не так уж молод: лет тридцати. Хотя точный возраст его Коршунов не взялся бы определить: сарматская кровь в Фарсанзе явно преобладала – натуральный азиат.

Разговор шел на греческом. Вернее, на том диалекте эллинской речи, коим пользовались в здешних местах. Коршунову слова Фарсанза переводила Анастасия, сам же он изъяснялся на языке готов. А на каком еще языке должен говорить вождь гревтунгов?

Привезенные посольством подарки особого восторга у Фарсанза не вызвали. Этого и не планировалось. Дары подбирал Травстила по четкому указанию Коршунова: оружие должно быть качественным, но без украшений и изысков. Смысл подарков таков:

«Простые добротные орудия убийства – вот что мы ценим!» Впрочем, золота на послых тоже хватало.

Понял ли Фарсанз намек – неизвестно. Получив подарки, с поистине царской прямоотой поинтересовался: конь, на котором прибыл предводитель посольства, – тоже подарок?

Коршунов его огорчил: подарок, но не Фарсанзу, а ему, риксу Аласею. От его друга, сарматского рикса Ачкама, с которым они вместе кушали *кью-ут* в меотийских степях.

Имя Ачкама Фарсанзу было явно знакомо. Если до сего момента мятежный племянник глядел поверх голов и слова цедил с изрядной надменностью, то теперь тон его резко переменился. Фарсанз осведомился, как себя чувствует *его родич*, благородный Ачкама, здоровы ли его сыновья?

Коршунов вежливо ответил, что месяц назад здоровье Ачкама и его родных было в порядке. Затем бросил многозначительный взгляд на внимающих каждому слову приближенных Фарсанза и предложил тому переговорить наедине.

Тот согласился.

Они договорились. Еще бы им не договориться, если это было единственным выходом для них обоих: мятежного племянника, переоценившего свои силы, и новоиспеченного вождя варваров, неделю назад узнавшего о существовании сильнеешего государства северного причерноморья.

Глава двадцатая. В путь!

Наполненная углями жаровня отбрасывала красные отблески на белые стены комнаты.

Несмотря на жаровню, в комнате было прохладно. Но им не было холодно. Наоборот, их переплетенные тела были скользкими от пота. Даже роскошные волосы Анастасии повлажнели. Это была их ночь. Их последняя ночь, потому что завтра они должны были расстаться.

Завтра войско союзников покинет лагерь и отправится с Коршуновым во главе за добычей и славой. А его тиви Анастасия останется здесь, в херсонском доме вождя Крикши. Это решено. Решено единолично Коршуновым, вопреки рекомендациям друзей и родичей, считавших, что римлянка может оказаться полезной, и вопреки желанию самой Анастасии, чьим единственным желанием было – всюду и всегда следовать за возлюбленным.

– Я не смогу жить без тебя, – сказала она Алексею. – Ты уйдешь – и моя жизнь потеряет смысл. А если ты не вернешься, я умру. Возьми меня с собой, Алеша!

– Нет, – ответил Коршунов друзьям и родичам. – Я никогда не поведу свою женщину туда, где ее могут убить.

– Нет, – сказал он своей Насте, – я не возьму тебя. Ты останешься здесь. Моему сердцу будет больно оттого, что тебя нет рядом. Но ему будет стократ больнее, если с тобой что-нибудь случится. Ты ведь знаешь, моя девочка, что такое война. Мы оба знаем: может так случиться, что я не смогу тебя защитить. Как я буду командовать войском, если все мои мысли будут о твоей безопасности? Нет, свет моей души, ты останешься здесь, в безопасности – и это самое большее, что ты можешь сделать для нашей победы. Не проси меня больше. Не говори об этом. В эту ночь между нами не должно быть ничего, даже будущей разлуки.

...Теплое прикосновение губ к обнаженной коже, ослепительное скольжение по кончикам нервов, дразнящее дыхание-шепот в ухо, в самую сердцевину: «Говори что-нибудь, любимый... говори... твой голос...»

Последняя ночь... Она сделала их бесплотными, сотканными из воздуха, темноты и жажды.

И все-таки утром, покачиваясь на спине своего готского мерина (сарматских красавцев он решил оставить в Херсоне), Коршунов не чувствовал себя измотанным. Наоборот, он ощущал себя всесильным и непобедимым. Да разве он и не был таким?

Алексей оглянулся. Его (*его!*) войско растянулось почти на полкилометра. Над превосходной (две повозки разъедутся без труда) дорогой висела густая пыль – задних не разглядеть. Зато открывался отличный вид на море и расположившийся на мысе город Херсон, развалинам которого суждено дотянуть до двадцать первого века. Но сейчас этому городу до развалин было еще далеко. Независимый город Херсон был жив и мог постоять за себя. Коршунов попытался разглядеть крышу дома Крикши, но не смог.

– Скучаешь по своей тиви, Аласея? – насмешливо спросил Одохар.

Он ехал рядом с Коршуновым и взирал на него сверху вниз, потому что не стал менять сарматского жеребца на «отечественный транспорт».

– Не скучай! В Боспоре много красивых женщин. А в Риме еще больше. Когда мы захватим римский город, ты сможешь перепробовать многих. Самых лучших!

– Лучше ее – нет, – серьезно произнес Коршунов. – И я благодарен тебе, Одохар, ведь это ты подарил мне ее!

Рикс усмехнулся.

– По мне, так ты отдался вчетверо. – Он потрепал по шее своего «сармата». – Ценность женщины – в сыновьях, которых она тебе родит и которые пойдут за тобой в битву. Постельные утехи – это сладкая патока. Война – вот настоящая пища мужчины! О воинах поют песни, о воинах и риксах – не о любовниках!

Коршунов не стал спорить. Он родился во времена, когда большинство песен было как раз о «любовниках». Впрочем, одно другому не мешает. Хотя для Коршунова, пожалуй, любовь – на первом месте, а битвы и власть – на втором. Вот для Генки Черепанова – наоборот...

И будь сейчас здесь Генка, тогда не Коршунов, а он ехал бы во главе войска. И Коршунов бы охотно принял такой вариант. Потому что битвы и власть были для него даже не на втором,

а на третьем месте. Потому что кроме любимой у него был *друг* ... нет, не был – есть! Таких, как подполковник Черепанов, не так просто завалить!

И все-таки чертовски приятно было бы встретиться с Генкой именно так: во главе войска. И еще неизвестно, кто из них круче: летчик Черепанов, потерявшийся в квеманских лесах, или физик Коршунов, вышедший в вожди трехтысячного войска.

Впрочем, сейчас за Коршуновым следовало лишь две трети его воинства. Остальные (бораны и гепиды) двинутся к цели морем. Но дней через шесть-семь, если все пойдет, как задумано, обе части соединятся и «сухопутная» армия тоже погрузится на корабли. Если все пройдет, как задумано...

Глава двадцать первая Боспор киммерийский

Все прошло, как задумано. Ровно через шесть дней (в Крыму оказались на удивление качественные дороги) у ворот большого и красивого города, контролировавшего выход из пролива, называемого Боспором киммерийским, неожиданно появилось полуторатысячное войско мятежного Фарсанза.

Ворота, естественно, к этому времени уже были закрыты, поскольку появление Фарсанза было неожиданным, но не внезапным. Скрытно подобраться к крепости могла бы, скажем, дюжина пластунов, но не целое войско. Не та местность. В принципе, полторы тысячи мятежников – не такая уж большая угроза для укрепленного города с гарнизоном в тысячу копий, не считая воинских команд той части флота, которая стояла в порту. Тем более наместник города, верный слуга законного царя Рескупорида Четвертого, уже отправил гонцов к своему господину в Пантикапеи. Возможно, наместник даже рискнул бы выйти за стены и дать бой мятежнику, но проблема была в том, что вместе с Фарсанзом к воротам крепости пришли варвары. Две тысячи готов и герулов самого зверского вида.

Так что наместник выйти из города не рискнул. Таким образом, находившиеся вне крепости порт и припортовые постройки оказались в руках противника. Вместе с той частью кораблей, которые не успели удрать.

Наместник, человек, как сказано выше, преданный своему царю (не удивительно для такой ключевой позиции), был готов защищать город. Но Фарсанз тоже был не чужой. Сторонников у него в городе было предостаточно. Особенно – среди военной аристократии. Поэтому наместника «уговорили» буквально в тот же день. Посредством кинжала, воткнутого в живот. Убийце удалось удрать, потому что охрана наместника ловила его весьма пассивно. Затем городским лидерам было предложено открыть ворота *царю* Фарсанзу. В этом случае последний обещал, что союзные ему *варвары* не войдут в город, а сядут на корабли и уберутся восвояси. В противном случае Фарсанз начинает осаду со всеми вытекающими. Конечно, боспорская крепость – серьезное укрепление. Так просто ее не возьмешь. Да и помощь со стороны из Пантикапей – не замедлит. Но пусть боспорцы не очень надеются на эту помощь, поскольку две тысячи варваров, пришедшие с ним, – лишь небольшая часть его новых *друзей*. А вообще-то их – несметные полчища.

В крепости размышляли сутки, потом на горизонте появились боранские корабли. Не бог весть что с военной точки зрения, четверти боспорского флота хватило бы, чтоб перетопить их все. Только где он, флот? Десятка два кораблей, «приписанных» к местному порту, в настоящее время либо отбыли на другой берег пролива, либо стояли в корабельных сараях. Так что бораны беспрепятственно вошли в гавань и высадили изрядное количество «морской пехоты». Это и решило дело. Крепость сдалась *царю* Фарсанзу. То был острый момент и для Фарсанза, и для варваров. Силы боспорцев (войско Фарсанза плюс гарнизон) и силы его союзников были примерно равны. А богатый город – совсем рядом. И плыть никому не надо...

Авторитета Аласеи едва-едва хватило, чтобы обуздать свое «демократическое» войско. Но – хватило. И вечером того же дня варвары погрузились на корабли и двинулись на юг. Очень вовремя, потому что утром в боспорский пролив вошли корабли разъяренного царя Рескупорида, и город был вновь осажден. На этот раз своим законным правителем.

Но это уже были не проблемы Аласеи, а проблемы Фарсанза. Мятежник, впрочем, знал, на что шел, и был готов к такому обороту событий.

– Красивая крепость! – с кормы боранского корабля Коршунов смотрел, как уменьшается, удаляясь, киммерийская твердыня.

– И богатая, – добавил Книва. – Эх!..

– Не горюй, – успокоил его Коршунов. – Если здешние правители и впредь будут разбираться между собой, лет через двадцать ты придешь сюда с хорошим войском – и они сами откроют тебе ворота. И тогда постарайся не забыть о том, что главные богатства не здесь, в Меотиде, а там, – он махнул рукой, – в Риме.

– Я приду, – очень серьезно пообещал Книва. – И слова твои, Аласея, тоже не забуду.

Глава двадцать вторая, в которой Алексей Коршунов узнает, почему бораны так боялись римского флота

Ровный западный ветер пузырем вздувал красно-белый парус. Цвета снега и крови. Волнения не было, и узкий боранский кораблик лишь мягко переваливался с борта на борт.

Алексей Коршунов, он же – вождь Аласея – небесный герой, стоял у носовой фигуры и смотрел на знакомый берег.

Да, этот берег он видел не раз и отлично помнил. Только теперь он был «диким»: ни благоустроенных пляжей, ни белых корпусов пансионатов и санаториев. Первозданная зелень и первозданное же нагромождение камней под береговым клифом. Впрочем, Коршунов видел и такие места. И именно такие места предпочитал, когда, еще в институтские годы, вместе с друзьями-скалолазами, выходил к морю – отдохнуть и погреться недельку после маршрута. Ему здорово повезло: он застал самый последний кусочек «единой и неделимой», когда по набережным черноморского побережья Кавказа прогуливались не боевики, а отдыхающие.

А теперь он сам ведет несколько тысяч боевиков к понтийскому городу Питиунду, будущей Пицунде.

Впрочем, «ведет» – понятие условное. Сейчас его корабль, можно сказать, в арьергарде флотилии. Нагружен под завязку: вся дружина Коршунова, пятьдесят шесть человек, на борту. Нет, не дружина. Скорее, личная охрана. Кораблик боранский, хоть и получше готских, все-таки не океанский лайнер, так, баркас-переросток с двумя носами, шагов тридцать в длину. Но ход – уверенный.

Мористее, метрах в пятидесяти, так же уверенно пенило зеленоватую воду похожее на водный вариант Тяни-Толкая судно Одохара.

Могло бы и обогнать, но, видно, дал Одохар соответствующее указание кормчему: вперед Аласеи не лезть. Остальные четырнадцать кораблей, на которых плыли гревтунги, держались позади. Зато прочие участники похода: бораны, герулы и гепиды – пиетету не соблюдали и самым наглым образом обогнали главного вождя.

Перед гревтунгами, растянувшись широко и беспечно, шли герулы. Над самой высокой мачтой трепыхался личный «вымпел» Комозика: полотнище с красной волчьей мордой. Самого Комозика, разумеется, на корабле не было. Знамя поднял Скулди: в знак того, что он – не рикс, а лишь заместитель. Скромняга, блин. Герулов обогнали гепиды. На пяти кораблях. И трех бы хватило: гепидов осталось чуть больше сотни – наиболее преданных своему риксу

Красному. Остальные ушли. Да их и было немного: после того, как по ним проехала сарматская конница.

Бораны, разумеется, шли в авангарде. И оторвались настолько, что сейчас Алексей видел лишь последние корабли их группы.

«Это они зря», – подумал Коршунов.

Будь у него возможность их притормозить, непременно притормозил бы. Возможно, Тарвар даже послушался бы прямого приказа. Но как это осуществить? Ни радио, ни даже флажковой сигнализации еще не придумали. Нет, зря Крикша поставил своего сына старшим. Лучше бы Скубу назначил. Тарвар – пацан молодой, безбашенный, вечно рвется вперед. А то, что будущие «братья-славяне» были лучшими мореходами, еще не делало их воинами лучшими, чем герулы и готы. Черт! С них станется начать высадку, не дождавшись остальных. И получить по чавке, если на берегу окажется достаточно сильный гарнизон. В любом случае, их преждевременное появление предупредит противника. Ну что за люди! Если бы они полностью приняли план Коршунова, то вся флотилия пала бы на ничего не ожидающих «понтийцев» как гром с ясного неба. А так вот плыть вдоль берегов – весьма опрометчиво. Теперь небось уже скачут, опережая союзный флот, вестники с предупреждением: «Скифы идут!»

И хорошо еще, если римляне увели от здешних берегов *весь* свой флот. Что, если они все-таки оставили пару кораблей, на всякий случай?

Узнать это наверняка невозможно. Даже у римлян стратегическая разведка поставлена так себе. А у прочих ее и вовсе... впрочем, ладно. С парой-тройкой римских кораблей их почти стопарусный флот как-нибудь управится.

Коршунов вздохнул, присел на бухту каната, поглядел на ту часть судна, которая сейчас была кормой. У рулевого весла стоял Книва. Парень на удивление быстро освоил методику управления, и боранский кормчий мирно дремал, прислонившись спиной к борту. Впрочем, никаких особых хитростей сейчас и не требовалось. При спокойном море да попутном ветре. Дремал не только боранский кормчий. Вся Коршуновская боевая команда бездельничала. Даже неугомонный Ахвизра дрых, устроившись в тени паруса. Коршунов тоже ощутил сонливость. Сейчас, по его прикидкам, конец октября. На черноморском побережье Кавказа – самое сладкое время. Алексей мельком глянул вперед...

И всю его сонливость как ветром сдуло.

Последние боранские кораблики, уже скрывающиеся за скалистым мысом, *разворачивались*! Причем два из них, уронив паруса, выгребали к берегу, прямо на камни, а третий, тоже встопорщившийся веслами, наоборот, направлялся в открытое море.

Что за черт?

В следующую минуту все стало ясно. Когда из-за мыса возник еще один корабль, намного крупнее боранских суденышек, и уверенно устремился к тому из «боранцев», который уходил в море.

Коршунов поспешно вытащил самострел с прилаженным монокуляром. Ах ты, мать твою...

Слаженно работая десятками весел, словно огромная многоножка, римский корабль (а это несомненно был римский корабль, даже боспорские были существенно меньше) настиг боранское судно. Удар... длинные весла заработали в обратном направлении – и «римлянин» устремился на новую жертву. На этот раз – с герульской командой.

В перекрестье монокуляра Алексей отчетливо видел два громадных «глаза», намалеванных на бортах «римлянина» по обе стороны от форштевня.

– Подъем! – заорал Коршунов. – Подъем! Ромляне!

А римский корабль тем временем успел протаранить еще одно судно. Алексей видел, как суетятся на его палубе воины в блестящих шлемах. Звонкий удар – словно лопнула огромная струна – от борта «римлянина» потянулась дымная трасса.

Коршунов быстро перевел монокуляр и увидел, как вспыхнул парус одного из «герулов».

Но это был еще не полный список сюрпризов. Когда очередной жертве удалось ускользнуть от тарана, над бортом римского корабля нависла гигантская «виселица» и – хряп! – уронила вниз заостренное грузило размером с лошадиную голову.

Алексей увидел, как несколько моряков поспешно накручивают ворот, вновь поднимая груз, а пораженный им кораблик быстро погружается в море.

– Трирема! – выдохнул Ахвизра, вставший рядом с Коршуновым. – Доннар! Ты был прав, Аласейя! Они ушли не все!

Сзади громко ругался по-борански кормчий. Требовал, чтобы все садились на весла. Мол, надо выгребать к берегу, иначе – пропали.

Кормчего никто не понимал, кроме Алексея. Да его никто и не слушал. Вся команда их корабля сгрудилась на носу, с каким-то жадным интересом наблюдая, как «римлянин» расправляется с беспомощными боранскими суденышками.

Флотилия рассыпалась в разные стороны. Большинство чесануло к берегу, хотя там не было ничего хорошего, кроме торчащих из воды камней.

Кажется, именно этого и добивался «римлянин» – чтобы враг выбросился на берег.

Ну уж нет!

Коршунов оттолкнул оказавшегося на пути воина и бросился к кормчему.

– А ну держи прямо, старый дурак! – заорал он по-русски.

Боран уставился на него, но на автомате продолжал выворачивать руль, и нос корабля уже смотрел на береговые скалы.

Алексей, не вступая в дискуссию, треснул борана по морде так, что того швырнуло на палубу.

– Книва! – заорал он. – К рулю! Живо на прежний курс! – И, сложив руки рупором: – Одохар! Только не к берегу!

Рикс услышал, энергично кивнул. Тоже не дурак. Понимает: если враг чего-то хочет, делай наоборот.

А большая часть готских кораблей уже забирала влево, к скалам.

– Держать прежний курс! – надрываясь, закричал Коршунов.

И тут же над морем прокатился куда более мощный рев Одохара:

– Гревтунги!!! Делай как я!!!

Готские суденышки продолжали двигаться навстречу триреме. А трирема, с не меньшей скоростью, приближалась к ним. При этом еще успевая очень ловко маневрировать и топить подворачивавшихся под удар «герулов». Маневрировала она с идеальной четкостью. Коршунов видел римского моряка у правого борта, державшего румпель. Тот тоже, конечно, даром времени не терял, но главной составляющей успешных маневров была четкая работа гребцов.

Не все герулы повели себя, как овцы, завидевшие волка. С некоторых начали стрелять по «римлянину». Один кораблик даже отважно попытался подойти борт к борту. Но сверху упало «грузило» – и на этом попытка взять трирему на abordаж закончилась.

Все это время Коршунов не отводил монокуляра от римской палубы. Гребцов он не видел – их скрывали борта. Зато тех, кто суетился на палубе, он видел отлично. Да, это были воины. Причем неплохо вооруженные.

Снова лопнула басовая струна, и дымящийся снаряд сорвался с палубы триремы. На этот раз – мимо. Огненная стрела с шипением ушла под воду. Весла по правому борту триремы дружно задрались вверх. В считанные секунды корабль развернулся на девяносто градусов – и

протаранил еще одного «герула». Алексей обратил внимание на то, что сначала раздался треск, а уж потом торчащий над водой таран – бронзовая голова барана – вырезался в борт жертвы.

«Ага, – сообразил Коршунов. – Главный штырь – ниже ватерлинии. Ну естественно!»

Трирема «стряхнула» останки протараненного судна, сделала новый поворот – прямо по головам оказавшихся в воде герулов. Алексей увидел, как воин в сверкающих доспехах с красным гребнем на шлеме хлопнул по плечу того, кто держал румпель, махнул рукой – и трирема взяла новый курс – четко на корабль Коршунова. Ошибиться было невозможно. Даже без помощи монокуляра.

Алексей оторвал глаз от монокуляра. Ну точно! Они вырвались вперед. Естественно. Ведь на других кораблях флотилии спустили паруса, а их полотнище «цвета снега и крови» по-прежнему вздувалось пузырем – Коршунов *забыл* дать команду.

А вот боран, которому Алексей дал по морде, наверняка бы не забыл.

«Цыц! – скомандовал Коршунов совести. – Не до тебя!»

Что же делать, черт возьми?

Страшная трирема увеличивалась прямо на глазах. Вся Коршуновская команда сгрудилась на носу – кто с копьем, кто с луком. Отважные парни. Книва старательно правил. Боран сидел на палубе и пялился на приближавшегося «римлянина». Он лучше всех представлял, что будет.

Алексей подскочил к нему, ухватил за куртку и рывком поставил на ноги. Тяжеленный, блин!

– Мы идем – лоб в лоб! – произнес он как можно четче. И показал – кулак к кулаку. – Но в последний момент отворачиваем! Вот так!

Боран замотал головой:

– Не успеем! Не уйдем!

– Уйдем! – рывкнул Коршунов. – Ты сделаешь, понял?! Книва, отдай ему руль! (Парень яростно мотнул головой.) Живо! Я приказываю! Это его корабль! Агилмунд!!! Вы все! Живо на весла! Вперед!!!

Сам он бросился на нос, изготовил свой самострел.

А трирема была уже совсем близко. Алексей мог даже различить круглые отметины там, где скреплялись доски обшивки. И очень хорошо он видел римского кормчего, пожилого кражистого мужика с обнаженными руками, без шлема, но в бронзовой «жилетке». Рядом с ним стоял классический легионер со здоровенным прямоугольным щитом – прикрывал.

«Нет, дружище, от меня ты его не укроешь», – подумал Алексей, ловя в перекрестье переносицу кормчего.

Какая удача, что волнения почти нет!

Одним глазом Коршунов глядел в монокуляр, другим – контролировал расстояние. Он видел, как разом взмывают и опускаются десятки весел. Совсем не так, как на прогулочной лодке. Они вращались, словно лопасти гигантских колес. Очень быстро, гребков по сорок в минуту.

...Мускулы кормчего напряглись. Он изо всех сил толкал румпель, выправляя ход корабля. Нацеливая его точно на несчастное суденышко Коршунова. Пора!

Алексей задержал дыхание и плавно надавил на спуск. Нет, не зря он столько тренировался! Прикрывающий легионер даже не успел среагировать – короткий арбалетный болт угодил кормчему точно в лоб!

Нос триремы рыскнул влево...

– Давай, дед! – яростно по-русски заорал Коршунов. И тут по-готски: – Левый борт! Суши весла!

Боран не оплошал. И гревтунги – тоже.

Разминулись.

На палубе «римлянина» заорали. Страшная штукавина с грузилом мотнулась над бортом – бульк! Мимо!

Свистнуло копье – и воткнулось в живот неосторожного легионера! За спиной Коршунова жизнерадостно захохотал Ахвизра. Судно запрыгало на волнах, поднятых большим кораблем.

Тем временем кораблик Одохара, воспользовавшись суматохой и тем, что внимание римлян отвлечено, попробовал подобраться к нему с другого борта.

Не вышло. Алексей слышал оглушительный треск, а потом яростные вопли: по-готски и по-латыни.

Чуть позже он увидел удаляющуюся корму триремы – и корабль Одохара с надломленной, наклонившейся мачтой. Все суденышко опасно наклонилось. Одохар и один из дружинников рубили в два топора, спеша избавиться от опасного перекося.

Чуть подальше в воде плавали обломки нескольких весел. Трирема тоже пострадала. Незначительно, но на какое-то время ее маневренность снизилась, и остальные готские суда успели убраться с ее курса. Да и с разворотом она на этот раз промедлила. Немного... но достаточно, чтобы в голову Коршунову пришла новая мысль.

На судне Одохара как раз дорубили мачту и собрались спихнуть обломок, когда Коршунов закричал:

– Одохар! Мачту не бросай!

Рикс вскинул голову, поглядел на него.

– Рогатина! – заорал Алексей. – Вспомни, как кабана берут! Понял?

Уж в чем, в чем, а в тугодумии рикса гревтунгов упрекнуть было нельзя. Сообразил мигом, засмеялся, скомандовал своим.

Обломок мачты тотчас развернули вдоль корпуса. Одохар в два взмаха топора очистил ее от остатков рангоута, прорубил паз, вогнал в него обух боевой секиры и ловко закрепил ремнем. Грубовато получилось, зато быстро. А это было важно, потому что трирема уже возвращалась.

Коршунов припал к монокуляру, и два намалеванных глаза мрачно уставились на него. А пониже глаз – баранья голова с «расчесанной» надвое бородищей пены. Трирема разогнала узлов до десяти, не меньше.

Коршунов покосился на Одохаров кораблик. Снесет как пить дать. Даже не заметит. А-а-а!.. Два раза не умирать!

Он снова припал к монокуляру, вдавил в плечо удобный приклад. В чем удобство корабля, у которого два «носа»? Разворачиваться не надо. Только гребцам на скамьях. Ну и парус спустить, конечно. Коршуновские молодцы уже гнали вперед. Не очень усердствуя.

Алексей приноровился к слабой качке, поискал монокуляром римского кормчего. Нашел. Теперь это был здоровенный мужик в пластинчатом доспехе и в бронзовом шлеме. И прикрывали его уже двое. Но щель все равно оставалась: кормчему надо видеть, что происходит впереди.

Паутинка прицела метнулась в сторону.

– Ровнее грести! – крикнул Алексей.

«В голову не попасть», – подумал он. Ладно, попробуем по корпусу. Не пробьет – все равно мало не покажется.

Покосился в сторону Одохарова кораблика. Там уже изготовились. Человек десять крепко держали «рогатину» под острым углом, вдоль линии киля, уперши ее «пятку» в скос второго «носа», а «рабочий конец» купая в соленой воде.

Кое-кто снял доспехи, предчувствуя, что после столкновения боранский кораблик перевернется, а то и вовсе рассыплется на части.

На триреме не заметили их приготовлений. Или сосредоточили все внимание на Коршуновском судне.

Точно. Басовый звон – и здоровенная стрела метнулась к ним. Но боранский кормчий – молодец! – успел загоя переложить руль, и стрела с шипением воткнулась в воду метра на два правее.

Тут Коршунов сообразил, что на этот раз они будут огибать «римлянина» с другого борта и корпус триремы заслонит от него кормчего.

– Налево! – закричал он. – Дед, бери левее! На веслах – налегай!

Судно рванулось вперед, обогнало корабль Одохара – и еле-еле сумело проскочить между ним и надвигающейся триремой. Чуть ли не в самый последний момент. И (нет худа без добра) успело на несколько последних и самых важных секунд заслонить «охотника» от римлян. Это не было задумано, но получилось просто превосходно. Алексей выстрелил – и попал. И тут же корабль Одохара выскочил из-за судна Коршунова, и бивень самопального тарана глухо ударил в гладкий корпус триремы чуть ниже ватерлинии. Кораблик Одохара отшвырнуло в сторону – так кабан-секач сносит зазевавшегося охотника. Обломок мачты вырвало из рук готов. Кто-то с воплем взлетел в воздух и шлепнулся в воду – к счастью, в стороне от триремы.

Римский корабль прошел в каких-то двух-трех метрах от судна Коршунова. Над головами мелькнули задранные весла. Волной кораблик Алексея подбросило вверх. Если бы сейчас римляне вознамерились уронить на них свое «грузило» – тут бы кораблю с парусом «цвета снега и крови» и абзац пришел.

Но имперцы замешкались.

«Не получилось!» – подумал Коршунов, глядя на удаляющуюся корму триремы.

– Ну ты молодец! – заорал Ахвизра, хлопнув Коршунова по спине с такой силой, что у того даже дыхание перехватило.

– Давай-давай-давай! – на одной ноте яростно орал Агилмунд. Боран-кормчий уже бежал ко второму «носу», а подручный Книва тащил здоровенное рулевое весло.

Трирема между тем снова разворачивалась и... Алексей заорал от восторга не хуже Ахвизры. Нос триремы заметно осел. От «бараньей головы» на поверхности остались одни рога.

Трирема остановилась, не закончив разворота. Двое римлян прыгнули в воду с куском рогожи. Хотели, видно, прикрыть дырку снаружи. Кто-то из Коршуновских стрельнул по ним из лука.

– Нет! – заорал Алексей. – *Этих* не бить! Только тех, что на палубе!

Черт! Если удастся захватить трирему!..

К подраненному «римлянину» уже спешили маленькие кораблики гревтунгов. Но зверь еще был способен кусаться. Сверху полетели стрелы. Из обычных луков. И – посланные боевыми машинами. Справа от судна Одохара, взметнув белый фонтан, плюхнулся снаряд. Кораблик, первым ударившийся о борт триремы, тут же пробило «грузило». А вдоль бортов, щит к щиту, уже строились легионеры.

Суденышко Коршунова подошло к триреме с кормы. Ахвизра с рычанием метнул топор. За топором змеей устремился привязанный к топорищу канат. Ахвизра промчался прямо по борту судна, оттолкнулся изо всех сил, ударился ногами о корпус триремы, завис на долю секунды, еще раз толкнулся, перемахнул через фальшборт и исчез из виду.

Но все-таки первым был не он. Первым был Одохар. У Алексея челюсть отвисла, когда он увидел, как двое готов вцепились в римское весло, а потом этот немолодой уже мужчина как по ровной дороге *пробежал* по этому самому веслу до самого клюза, высоко подпрыгнул, ухватился *одной рукой* – во второй был меч – за ограждение, перебросил свое массивное тело на ту сторону и тут же врубился прямо в римский строй.

Гребцы проворно убрали весла. Судно Коршунова с противным скрежетом проехалось по обшивке триремы, и несколько его парней во главе с Агилмундом полезли наверх. Остальные дружно метнули копья. Но римляне наверху были начеку – и «залп» не принес особых результатов.

Алексей вскинул перезаряженный арбалет. Банг! – и в плотной стене щитов образовалась брешь. Рычаг на себя, болт – в канавку – банг! Римлянин с красивым красным гребнем (наверняка офицер) все-таки успел подставить под удар выпуклый красный щит. Только это не помогло. Арбалетный болт прошел насквозь и продырявил ему плечо. Убил римлянина другой. Здоровенный гот из тех, что примкнули к Одораху по дороге, возник за спиной «красногребневого» и одним махом снес тому голову. Стало ясно, что битва выиграна.

То есть римляне еще отбивались. Еще держали строй и даже попытались контратаковать. Но на палубе триремы уже было полно нападающих. Раза в три больше, чем защитников. Добьют. Коршунова сейчас больше беспокоило другое: брешь, пробитая импровизированным тараном. И то, что нос триремы все больше погружался в воду.

– Храни! – Он сунул арбалет Книве, а сам быстро скинул с себя все и нырнул в море.

Вода была теплая. Это хорошо. А еще лучше то, что римские «водолазы» успели-таки прикрыть борт рогожей. Давлением воды «пластырь» прижало к корпусу, и течь существенно уменьшилась.

Алексей вынырнул, глотнул воздуха, перевалился через борт.

Когда он взобрался на палубу триремы, там уже дорезали последних легионеров. Вопросы плавучести никто не озаботился.

Алексей быстро огляделся – с верхней палубы триремы обзор был существенно лучше, чем с борта боранского корабля. Так, вроде все путем. Союзный флот, хоть и изрядно поредевший, снова собирался вместе. Но если сейчас из-за мыса выйдет еще одна трирема...

Нет, вряд ли. Было бы их больше, атаковали бы все сразу. Да уж, теперь понятно, почему бораны наотрез отказывались идти против римского флота.

– Агилмунд! – Коршунов ухватил за руку сына Фретилы.

Тот глянул дико, замахнулся... но удержал руку, узнав в голом мокром человеке родича.

– Возьми пару человек – и за мной! – крикнул Коршунов. – Не хочу, чтобы эта штука затонула, понял?

Глава двадцать третья

Трофей

Они справились. Наложили заплату. Вычерпали воду. Вытряхнули из доспехов и побросали в море останки убитых римлян. Почти как мусор. Скуба пробормотал некую религиозную формулу, мол, дарит тела врагов морским богам – и все.

Коршунов был недоволен. Не то чтобы в нем гуманизм проснулся, вовсе нет. Он помнил, как римляне топили боранские корабли. И как трирема шла прямо по головам уцелевших, он тоже не забыл. Но эта резня – полный идиотизм. Он-то рассчитывал порасспросить пленных, взять пару уроков судовождения. Но не успел. Пока он разобрался с дыркой, всех уже прикончили. Коршунову даже в голову не могло прийти, что эти бородатые отморозки перебьют *всех*.

Конечно, Алексей высказал все, что думал по этому поводу. Лично Одохару. Но тот лишь пожал плечами.

Да, лучше было бы оставить несколько «языков», но такой уж мы, гревтунги, народ. Если рассердимся, то не успокоимся, пока всех не перемочим. Привыкай, Аласейя.

«Хрен вам! – подумал Коршунов. – Я вас от этой дурной повадки: резать всех, кто под руку подвернется, – отучу!»

Но это – дело будущего. А сейчас все они могли праздновать победу. И гордо задирают подбородки. Ведь это не герулы, не бораны, кичащиеся тем, что они – мореходы, захватили римский корабль. Это сделали они, гревтунги! И исключительно потому, что он, Леха Коршунов, в нужный момент подключил мозги и сообразил, как прикончить вепря. Пусть главную работу проделал Одохар, но главная заслуга – его!

И это, черт возьми, тоже было очень приятно! Положительно, фортуна ему симпатизирует.

Когда Коршунов агитировал боранов не тащиться вдоль берегов, а выйти в открытое море, он, конечно, понимал, что это – риск. Несмотря на компас, умение определять скорость с помощью брошенной за борт веревки с поплавками и знание математики. И он был зол, когда бораны категорически отказались терять берег из виду. Мол, если шторм – так они и укрыться не успеют.

Определенный резон в этом был. Плавать по морю на этих беспалубных судах могли только исключительно храбрые люди. Простая байдарка, затянутая рогожкой, и то была надежнее. По прикидкам Коршунова, для таких вот лоханок волнение в каких-нибудь пять баллов – уже смертельный риск. А то и – «вечная память».

«Вечной памяти» не хотелось. Хотелось жить и радоваться. Любить Настю, пить молодое вино, строить наполеоновские планы... и претворять их в жизнь. Что для покойника крайне затруднительно. Еще хотелось, навоевавшись, вернуться «домой», взять пару сотен дружинников и прошерстить дикие квеманские леса. На предмет отыскания командира. Чужало сердце: жив курилка! Вытащить Генку из квеманской глуши, посадить рядом: пусть порадует, глядячи, как поднялся его пилот-исследователь.

Очень лестно было Алексею показать старшему другу, какой он, Коршунов, молодец.

Так что не было Алексею никакого резона тонуть, и жестко настаивать на своем Коршунов не стал. И вот как удачно получилось. Такой роскошный трофей. Правда, и заплатили за него недешево. Почти четверть флота отправилась на дно. И несколько сотен бойцов. В основном – бораны и герулы, которые шли впереди. У боранских корабликов не было ни средств защиты от триремы, ни возможности уйти. Только броситься врассыпную или навалиться всем скопом. Хитрый ход Коршунова на время лишил трирему хода и позволил взять на абордаж. Но и бой на палубе обошелся его соратникам достаточно дорого. Экипаж триремы – почти три сотни человек, включая и гребцов, разумеется. Никаких прикованных к веслам рабов, о которых так любят писать в исторических книгах, на римском корабле не было. На гребных скамьях сидели те же легионеры, которые во время абордажа вылезли наверх и вступили в бой. Другое дело, что удержать борта корабля им все равно не удалось, а когда на палубу со всех сторон хлынули готы, никаких шансов у римлян не осталось. И надо же было этим мясникам перебить всю римскую команду!

Коршунов собрал на триреме самых сообразительных боранов; прибавил к ним тех, кто, подобно Скулди, успел повоевать в римских наемных войсках; сам излазал корабль от трюма до «вороньего гнезда» на верхушке мачты...

Короче, времени было – в обрез, и со снастями они так толком и не разобрались. Кое-как разобрались с дыркой в носовой части. Наложили заплату. Правда, из-под заплаты все равно текло, но в трюме обнаружилось что-то вроде небольшой ручной помпы, и трое выделенных Коршуновым бойцов вполне успевали отправлять воду обратно за борт. С помощью Одохара и Скулди Коршунов отобрал самых здоровенных и усадил их на скамьи гребцов (три яруса, трижды по двадцать семь весел – с каждого борта, по гребцу – на весло), благо опыт совместной гребли был у всех, поставил у руля двух кормчих-боранов и велел трогаться. Новый план его был прост: прикинуться своими, войти на триреме в питиундский порт, «десантироваться», силами нового экипажа триремы закрепиться на берегу и ждать подхода основных сил. Основным же силам на боранских кораблях, выслав разведчиков, следовало держаться на удалении,

вне пределов видимости, и появиться только тогда, когда авангард закончит высадку. Такой вот сюрприз.

Но если кто-то на берегу видел, как захватили римский корабль, и этот «кто-то» успеет предупредить жителей и гарнизон, никакого сюрприза не получится. Так что следовало поторопиться.

Собрав на палубе «младших командиров», Коршунов строго-настрого предупредил: резней не увлекаться. Ему нужны живые источники информации, а не безголосые покойники. Вот были бы у него сейчас под рукой человек десять римлян, разбирающихся в морском деле, насколько проще было бы управиться с триремой...

«Младшие командиры», все сплошь участники штурма и, следовательно, участники превращения «источников информации» в безголосых покойников, сокрушенно молчали. Даже рикс Одохар – и тот помалкивал.

Тем временем гребцы наконец разобрались с веслами, и трирема сначала потихоньку, а потом все быстрее и быстрее заскользила по воде. Через полчаса весь прочий флот остался далеко за кормой.

Палубу привели в порядок. Часть готов, помельче, натянули на себя римские доспехи. Коршунову торжественно поднесли начальнический шлем, чуток помятый – похоже, наступил кто-то, – зато с позолотой, чеканкой и красивым красным гребнем.

Глава двадцать четвертая

Высадка

Через четыре часа они вышли к Питиунду-Пицунде. Издали городок не впечатлял. Херсон-Херсонес раз в десять больше. Зато порт был хорош. Очищенный от камней берег ограждали две сходящиеся стены, «украшенные» башенками, казавшимися издали игрушечными. Однако внутри этих башенок могли оказаться совсем даже не игрушечные орудия. Конечно, местные орудия – не скорострельные пушки. Но и трирема (не говоря уже о боранских судах) – не ракетный крейсер. Каменное ядро весом в полцентнера вполне могло отправить ее на дно. Подобные ядра, сложенные аккуратной кучкой у рамы здорового камнемета, Коршунов видел в херсонесской крепости, и они его впечатлили.

Одна надежда: римляне еще не знают, что их трирема захвачена.

На совете вождей присутствовали Одохар, Агилмунд, Скулди и, естественно, сам Коршунов.

Следовало разработать план атаки. Вернее, это Алексей полагал, что надо разработать план. Все остальные придерживались другого мнения.

– Все будет хорошо, Аласейя, не беспокойся! – покровительственно пробасил Одохар. – Мы их побьем.

– Ты уверен? Мы даже не знаем, сколько там воинов.

– Сколько бы ни было, – усмехнулся рикс. – Ты еще не видел гревтунгов в *настоящем* бою.

– Ну почему же! – возразил Коршунов. – А с сарматами?

– Так то сарматы, а то ромляне! – с оттенком пренебрежения произнес Одохар.

Коршунов покосился на Скулди. Герул считался экспертом по римлянам.

– Не беспокойся, Аласейя, мы их побили на море, побьем и на суше.

– «Мы их побили!» – фыркнул Агилмунд. – *Мы* их побили! А вы удирали, как зайцы!

– Ха! – зарычал Скулди, моментально наливаясь гневом. – Это вы удирали бы, кабы Аласейя не придумал – с мачтой! Мы, герулы, никогда...

– Скулди! Агилмунд! – рявкнул Коршунов прежде, чем перебранка набрала силу. – Ну-ка остыньте! Не одни!

Он был прав. Находившиеся на палубе воины и гребцы «верхнего яруса» с большим интересом прислушивались к «беседе». Впрочем, такие зычные голоса, как у Скулди с Агилмундом, было слышно и под палубой.

– У вас скоро будет возможность посоревноваться в доблести, – сказал Коршунов. – Но я хочу, чтобы вы поняли: наша задача – не определить, кто из вас храбрее, а захватить порт и дожидаться подхода основных сил. И в первую очередь после высадки разобраться с башнями в гавани...

– Почему после высадки? – удивился Скулди. – У нас на палубе две катапульты. И полно зажигательных снарядов. Мы ударим по этим башням, а потом, прямо с палубы, на ходу, атакуем. Главное, быстро развернуться, чтобы не дать им подготовиться и поднять цепи.

– Какие цепи? – удивился Коршунов.

– Обычные цепи, которыми вход в гавань перекрывают.

Удивленный, что вождь Аласея может не знать таких элементарных вещей, Скулди растолковал. Каждая приличная гавань, хоть питиундская, хоть херсонская, имеет на вооружении цепи, которые в обычное время лежат на дне морском, а при необходимости натягиваются специальными машинами, поднимаются на поверхность и перегораживают вход в гавань. Очень просто и эффективно. И главная военная задача тех, кто защищает башни, – не «артиллерийский» обстрел, а как раз поднять эти самые цепи и пресечь проникновение противника в гавань. Но чтобы поднять цепи, требуется определенное время, поэтому очень удачно, что трирему беспрепятственно пропускают внутрь. И вот тогда...

Коршунов кивнул. Очевидно, что Скулди лучше него разбирался в местной штурмовой тактике. Была в этой системе «на авось» какая-то неправильность. Но сама система, очевидно, срабатывала. Иначе его собеседников давно прикончили бы. В этом мире вторая попытка давалась крайне редко. Как сказал кто-то из древних (а может, не таких уж и древних по местным меркам): «Горе побежденным!»

– Может, имеет смысл собрать наших воинов? – предложил Алексей. – Поговорить с ними?

– Зачем? – в один голос спросили Агилмунд и Скулди.

– Ну... объяснить задачу... воодушевить...

Агилмунд и Скулди глянули на Коршунова, как на слабоумного, переглянулись...

– Не нужно никому ничего объяснять, – очень спокойно произнес Одохар. – И воодушевлять наших воинов не нужно. Ты увидишь. Не беспокойся, Аласея. Все будет хорошо.

«Хрен с вами, – подумал Коршунов. – Делайте что хотите».

Ему ли учить этих мужиков, прошедших через десятки схваток, как нужно воевать. Наверняка они лучше его знают, на что способны.

Трирема, подгоняемая слаженными ударами весел, бойко продвигалась вперед. Ее новые гребцы вполне освоились и ничуть не уступали старой команде. Синхронной гребле они были обучены, здоровья у каждого – немерено. И рулевые, бораны, тоже более или менее освоились. Еще в пути поотрабатывали маневры. Если на подходе к порту трирема вместо четких поворотов начнет неуклюже мотаться из стороны в сторону, римляне могут насторожиться.

Коршунов стоял у загнутого кверху носа, опершись на фальшборт, и смотрел на приближающийся город.

За его спиной слаженно ухали гребцы, поскрипывало дерево, негромко ругался Скулди, наставляя своих, как надо обращаться со «скорпионами» – стационарными машинами, старшими братьями Коршуновского самострела, способными метать зажигательные стрелы вну-

шительных размеров. Вообще на триреме оказалось довольно много «горючки» – зажигательной смеси, явно на нефтяной основе.

Вдалеке, отстав намного больше, чем планировал Коршунов, тянулись боранские корабли.

Имело смысл придержать гребцов, но Коршунов не стал этого делать. Не стоит сбивать парней с ритма. Тем более им еще драться...

В гавань они вошли четко. Настоящие римляне не сделали бы этого лучше. Никто ничего не заподозрил. Цепи, о которых поведал Коршунову Скулди, так и остались лежать на дне. У пирсов стояли какие-то суда. Не военные. На берегу тоже не было солдат. И когда трирема рискнула в сторону ближайшей башни, не слишком высокой – метра на четыре выше борта триремы, – там тоже не предприняли ничего. Коршунов успел разглядеть молодое лицо римского солдата – между зубцами наверху, и тут откуда-то вынырнули парни Скулди с дымящимся «ведерком» на длинном шесте.

Опаньки!

Содержимое «ведерка» ухнуло в «окошко» башни, полыхнуло... и изумленное лицо римлянина исчезло за клубами дыма.

Скулди заорал, трирема круто развернулась, в несколько могучих сложенных «гребков» пересекла гавань, снова развернулась... Во второй башне тоже ничего не успели предпринять. Заряд «горючки» канул в ее недрах; еще одно «ведерко» по немыслимой дуге, едва не задев снасти, взмыло вверх и плюхнулось на верхнюю площадку. Раздались дикие вопли, но трирема уже двигалась к берегу, к самому широкому пирсу, по обе стороны которого стояли пришвартованные суда, не оставляя и нескольких метров свободного места. Тут и обычной лодке негде пристроиться, не то что триреме. Но боранский кормчий направлял трирему прямо к занятому пирсу, весла ритмично пенили воду...

И трирема подошла к причалу, ничуть не убавив скорость...

«Сейчас разобьемся!» – подумал Коршунов.

Ничуть не бывало. Все было продумано. Длинные весла по левому (со стороны пирса) борту триремы взмыли вверх, а таран триремы с хрустом врезался в крайнее из пришвартованных у пирса судов.

В боевых условиях (Коршунов это видел собственными глазами) трирема слегка сдавала назад, протараненный противник «соскакивал» с тарана и благополучно шел на дно. Но сейчас трирема продолжала двигаться вперед. Более того, весла правого борта еще разок вспенили воду, «выправляя» нос триремы строго в сторону берега. И она продолжала двигаться, сминая стоящие у пирса суда, причем первое, «нанизанное» на таран, выполняло при этом роль амортизатора.

Это был красивый маневр. Их корабль двигался вдоль пирса под звон лопающихся швартовых, под хруст и треск ломающихся снастей и корпусов, мощно и неотвратимо, «очищая» правую сторону пирса и обращая мощь собственного разгона в обломки чужих кораблей. И остановилась лишь метрах в тридцати от каменного «обрамления» берега, уткнувшись носом к кучу хлама, образовавшуюся из доброго десятка вполне качественных корабликов.

Каменный шар врезался в край пирса, раскололся. Один из осколков гулко ударил в борт триремы.

– Одохар, башня! – заорал Коршунов.

В левой башне ухитрились сбить пламя и решили дать бой.

Но Алексей тут же понял: башня уже не имеет значения. Его воинство начало высадку. Оружие, бешеные, бесстрашные, они прыгали на пирс прямо с борта триремы, бежали к берегу, рубя всех, кто попадался на пути, – не воинов, обычных людей, замешкавшихся, ошеломленных внезапным превращением римской триремы в корабль, полный свирепых варваров.

На башне, видимо, сообразили, что обстрел триремы не имеет смысла. Следующий снаряд ударил в центр пирса, превратив в лепешку одного из герулов и покалечив еще двоих. Но это никого не остановило. Нападавшие рубили и кололи беспомощных людей, не различая мужчин и женщин, пробивая себе путь к берегу. Питиундцы разбежались в ужасе, прыгали в мутную воду, вопили, падали, умирали...

Коршунову это избиение казалось отвратительным. И бессмысленным, потому что обезумевшие от ужаса люди только мешали высадке.

Одно приятно: собственная небольшая дружина Коршунова осталась на палубе, рядом с ним.

Еще один снаряд прогудел в воздухе, ударился о камень облицовки, подскочил и врезался в толпу, уложив сразу нескольких человек: одного гревтунга и троих питиундцев.

С башней надо что-то делать.

– Ахвизра, сумеешь сделать так, чтобы они заткнулись? – спросил Коршунов.

Гревтунг кивнул и, прихватив с собой еще троих, спрыгнул на пирс. Через полминуты небольшая лодка отчалила от противоположной стороны пирса и направилась к внешней стене гавани. Неглупо. Со стены в башню забраться намного проще, чем с воды.

Резня на берегу практически закончилась. И наступательный порыв варваров тоже угас. Они словно забыли о том, что захват города не только не закончен: практически еще не начат. Доблестные воины, герулы и готы, дружно предались грабежу. Благо в порту всегда есть чем поживиться.

Нет, ну как воевать с такими уродами!

Отчасти Коршунов был не прав. Конечно, большинство его воинов жило настоящим моментом. Отсутствие врага и присутствие большого количества бесхозного имущества вызывали у них однозначную реакцию. Не у всех. Скулди и Одохар, например, отлично понимали ситуацию. И весьма активно пытались снова обратить толпу грабителей в подобие войска. Отчасти им это удалось. Но не настолько, чтобы продолжить атаку. И все же Алексей зря переживал. Его первоначальная задача была решена. Плацдарм захвачен. А планы Одохара и Скулди по захвату Питиунда силами одного авангарда не реализовались.

В общем, все шло неплохо, и можно было спокойно ждать подхода основных сил... Однако противник ждать не стал и сам нанес удар.

Глава двадцать пятая

Легионеры

Римляне появились примерно через полчаса после того, как захваченная трирема вошла в гавань. Слаженный топот сотен ног, блеск солнца на выпуклых шлемах.

Их было не так много: в первой шеренге человек тридцать. Они двигались по хорошей, вымощенной камнем дороге, пологим изгибом спускающейся к гавани. Слева и справа дорогу ограничивали склоны, местами тоже облицованные камнем, – город поднимался от моря вверх аккуратными террасами. Белые и желтые домики тонули в садах. Взгляд Коршунова остановился на девочке лет десяти, взобравшейся на крышу одного из домов и с интересом наблюдавшей за тем, что происходит внизу.

А внизу готско-герульское воинство тоже заметило врага. Надо отдать им должное: грабежи немедленно прекратились, и «десантники» очень быстро собрались вместе.

Римляне же не торопились: двигались неспешно, слаженно, щит к щиту, ровной стеной. Не сплошной: с тремя узкими промежутками, в которые можно было видеть, что за первой шеренгой – еще несколько. Они были почти кинематографически красивы: одинаковые четырехугольные выпуклые щиты, одинаковые сверкающие шлемы с красными щетками гребней, золоченые значки на шестах...

Коршунов сравнил их с разномастным варварским воинством, с толпой бородатых дикарей... и забеспокоился. Нет, вид у его воинства был куда более грозным, но... но они казались толпой панков и металлистов, на которых спустили батальон ОМОНа.

А римский отряд между тем ускорил движение. Перешел с шага на неторопливую рысцу.

Гр-рум, гр-рум... – мерно, в ногу, бухали по мостовой сотни подкованных сандалий. Солнце сверкало на ритмично поднимающихся и опускающихся наколенниках фланговых солдат...

Нет, это не выглядело страшным, но Коршунов очень хорошо представил, как эти аккуратные шеренги врезаются в бесформенную толпу, накатываются, давят, оставляя за собой окровавленные тела, оттесняют ее к морю, к причалам, к кораблям, в воду – и прибой становится бурым от крови...

А его готы стояли той же бесформенной толпой, словно римляне не убивать их собирались, а устраивали для них театральное представление.

Коршунов не выдержал.

– Построиться, построиться! – закричал он. – Одохар! Скулди! Проклятие! Стройте людей, мать вашу... – Он даже не заметил, как перешел на русский язык. Дьявол! Он так и знал! «Все будет хорошо, Аласей! Все будет хорошо!...»

Он бросился было к борту триремы, намереваясь спрыгнуть на пирс, но Агилмунд ухватил его за плечо.

– Нет, Аласей! – рявкнул он. – Хочешь драться – бери свой самострел!

И Коршунов последовал его совету. Все равно его никто бы не послушал. Войско, вернее сказать, толпа варваров пришла в возбуждение. Они орали и потрясали копьями. Они подпрыгивали и гремели оружием... но оставались на месте. Словно их что-то сдерживало. Не что-то – кто-то. Коршунов отчетливо видел вороненый шлем Одохара – впереди войска. И желтый, похожий на римский, шлем Скулди – на другом фланге.

Римляне приближались: аккуратные прямоугольники тяжелой пехоты, между ними – такие же прямоугольники, но поуже – пехоты легкой... две сотни шагов, полторы...

Коршунов глянул на хронометр. По его прикидкам, до подхода основных сил оставалось минут сорок...

И тут варвары тоже тронулись с места, устремившись навстречу противнику. Но римляне двигались ровно и с одинаковой скоростью... как асфальтовый каток.

А варвары... они побежали вверх по склону, так же как стояли – толпой. Каждый – сам по себе. Более проворные вырывались вперед... аккуратные ряды римлян, на бегу, разошлись в стороны, пропуская вперед легкую пехоту, пращников. И тотчас, разом, словно залп, в воздух взвились десятки, нет, сотни каменных шариков. Взвились и обрушились сверху на наступающих... звонкие и глухие удары, вопли... то там, то здесь бегущие спотыкались об упавшие тела... спотыкались, падали... но остальные не останавливались, а только ускоряли бег...

За спиной Коршунова оглушительно лязгнуло. Сработал «скорпион». Агилмунд с товарищами, не в ущерб главной задаче – охране живого талисмана Аласеи, – тоже решили принять участие в битве. Промазали метров на пятьдесят. Зато Коршунов вспомнил, что и он – боевая единица.

Он поднял арбалет, тщательно прицелился – сверху это было очень удобно – в здоровенного парня, который держал значок с золотой птицей. И парень, и «птица» сквозь космическую оптику смотрелись замечательно грозно...

Б-бам! – приклад резко толкнул в плечо, парня со значком отшвырнуло назад. Он больше не встал, но значок подхватил кто-то другой...

И тут Коршунов воочию увидел, что такое – атака варваров. И понял, почему Одохар с Комозиком только усмехались, когда он говорил о необходимости «воодушевить» воинов.

Этих воинов воодушевлять было ни к чему. Страшной силы рев взлетел над ущельем. Варвары мчались вверх по склону огромными прыжками, раза в три быстрее спускающихся римлян, накатываясь на аккуратные шеренги темной бурлящей волной.

Коршунов натянул арбалет и пустил еще одну стрелу – в римлянина, отличавшегося особенно высоким гребнем. Попал.

Между противниками осталось шагов тридцать, не больше. По строю римлян прокатилось слитное движение – и десятки дротиков полетели в набегающую толпу... толпа поглотила их, как раньше поглотила камни пращников. Кое-кто упал, кое-кто отбросил щит, в который воткнулся дротик... но движение не замедлилось – ускорилось и... р-раз – десятки копий, дротиков, топоров посыпались на выпуклые римские щиты, вышибая из рядов аккуратные фигурки. Бреши тут же затягивались. Но не все. Некоторые – не успели. Кипящий буйный варварский вал наконец достиг цели и захлестнул плотину. Никто из нападавших не думал о собственной безопасности. Они с яростным ревом обрушивались на противников, разваливая щиты и головы, взбегая по падающим телам, перекувыркиваясь, *перепрыгивая* через щитоносцев... передовую шеренгу римлян захлестнуло в первую же секунду. Вторую разметало с такой же быстротой. Готы проникли в щели между отрядами, и щели эти тут же расширились, словно трещины в плотине – под натиском водной стихии..

Сквозь прицел-монокуляр Коршунов очень хорошо видел, как бьются воины-варвары. Он не узнавал лиц: все лица стали одинаковыми. Свирыми масками с распяленными дырами ртов. Кровь хлестала на руки, на доспехи, превращала бороды и волосы в алые сосульки. Это была безумная рубка, в которой выживал сильнейший, и сильнейшими, безусловно, были те, кто приплыл вместе с Коршуновым.

Но так было не везде.

Второй эшелон римского отряда устоял и даже ухитрился сохранить некое подобие порядка. На него тоже давили, но напор первоначального разбега угас, так что тонкая цепочка римлян сумела сохранить строй и сейчас медленно пятилась – вверх по ущелью, туда, где дорога становилась уже... Коршунов наконец нашел того, кто командовал отступающими. Это оказалось не так уж сложно, поскольку этот воин держался рядом с единственным уцелевшим значком, доспехи на нем были получше прочих, и, главное, он – *командовал*. Коршунов поймал в паутинку монокуляра украшенную чеканкой кирасу, сделал поправку на расстояние и плавно нажал на спуск.

Арбалет толкнуло вверх, поэтому Коршунов не увидел, как стрела попала в цель. Но она попала, поскольку римский офицер исчез и больше в поле зрения не появлялся.

Коршунов быстро перезарядил оружие и послал стрелу в того, кто держал значок. И снова попал, причем так удачно, что значок упал вперед, на голову какого-то римлянина, а тот, кто его держал, рухнул под ноги товарищей. И в одном-единственном месте строй смешался... и лопнул. В образовавшуюся брешь тут же прорвался добрый десяток варваров.

Очень вовремя. Метров двадцать – и римляне смогли бы сдвоить ряды... и продержаться еще немного. И убить еще с полсотни врагов, прежде чем ярость варваров размажет их по камням мостовой.

И тут, в момент, когда Коршунов был уже практически уверен в победе, ситуация изменилась. К римлянам подошло подкрепление. Коршунов увидел их раньше, чем сражавшиеся. Увидел блестящие шлемы на изгибе дороги. Много шлемов. По меньшей мере раза в два больше, чем в первом отряде, том, который смяли и сейчас добивали его варвары, растянувшиеся, разрозненные...

– Агилмунд!

Родич оторвался от увлекательного накручивания ворота «скорпиона».

– Глянь туда!

На очередном повороте – солнечный блеск бронзовых шлемов...

Агилмунд глянул мельком, кивнул и тут же перевел взгляд выше. Лицо его стало весьма озабоченным.

Коршунов проследил, куда смотрит старший сын Фретилы, и понял, что тот счел более важным, чем приближение римского отряда, численно превосходящего «десантников».

Ага, ну конечно!

Из города вверх, по дорожкам и тропам, крохотные, как муравьи, уходили люди. И уносили *добычу*.

Агилмунд быстро глянул в сторону моря: не появились ли наконец боранские корабли? («Черт! – подумал Алексей. – Как скверно, что нет нормальных средств связи. Надо этот вопрос решать!») – и снова уставился на поле боя. Помрачнел. Ну да, нет никакой возможности снять часть сил и бросить их на перехват уносимого имущества...

– Ромляне! – гаркнул Коршунов. – Ромляне на подходе! Наших надо собрать вместе, понял? Иначе из них сделают фарш!

Дошло, блин! Агилмунд подумал немного, посопел, потом сложил ладони рупором:

– Одохар!

Хрен там! Доблестный рикс (Коршунов отлично его видел) с несколькими «сопровождающими» добивал группку прижавшихся к склону римлян.

– Одохар-р!!!

Куда там!

Зато слышал Травстила.

Жрец-кузнец держался неподалеку от рикса, но уже не дрался, наблюдал. И теперь оглянулся...

– Травстиле кричи! – скорректировал родича Коршунов.

– Угу. Травстила! Ромляне! Близо! Много!!! – надрывая глотку, заревел Агилмунд.

Кузнец кивнул и *степенно* (мать его так!) направился к Одохару, который как раз разобрался с той кучкой римлян и озирался, высматривая, кого бы еще порешить.

Травстила похлопал рикса по плечу, показал на Агилмунда, сказал что-то...

Коршунов прильнул к монокуляру. Бородатое, заляпанное кровью (наверняка чужой) лицо рикса гревтунгов утратило азартное выражение. Он закричал, созывая своих... поздно!

Римляне уже выкатились из-за поворота... и покатались дальше, гоня перед собой разрозненные кучки готов, подминая тех, кто сопротивлялся...

Надо отдать должное Одохару: он не полез нахрапом на превосходящие численно и организационно силы противника. А может, сработал пример Скулди: опытный герул, едва увидев наступающих римлян, моментально скомандовал отход...

Разумеется, отойти успели не все. Да не все и *захотели* отойти. Иные отморозки в одиночку бросались на строй легионеров... и отправлялись напрямик в Валхаллу. К Доннару и вотану. И лишь немногим удавалось прихватить с собой врага: римляне работали весьма профессионально. Коршунов не мог не восхититься, глядя, как их отряд спускается к пристани, словно некое многорукое-многоногое чудовище, слаженно, несуетливо и деловито уничтожая всех, кто оказывается у него на дороге.

Но и готы с герулами тоже даром времени не теряли. В считанные минуты раздербанили топорами ближайшие сараи, покидали обломки кучей и, укрывшись за импровизированной и довольно чахлой баррикадой (за спиной – невысокий парапет, полукругом выдающийся в сторону моря), встретили наступающего противника градом копий, дротиков и всего, что попало под руку.

Коршунов ожидал, что римляне ответят тем же или попытаются взять баррикаду штурмом, поневоле разбив строй и рискуя увязнуть или поломать ноги в деревянных обломках... ничего подобного. Легионеры даже не остановились. Просто второй ряд вскинул вверх щиты,

прикрывая строй сверху, а первые дружно уперлись щитами в баррикаду... и куча хлама сдвинулась с места.

Укрывшиеся за ней заорали еще громче. Многие тоже уперлись щитами, пытаясь остановить движение, но хотя каждый гот или герул в отдельности был наверняка здоровее отдельно взятого латинянина, противостоять напору легионеров они не смогли. Как не могли из-за собственной баррикады даже дотянуться копьями до римской шеренги. А баррикада все ползла и ползла, прижимая варваров к парапету, лишая маневра. Сверху Коршунов видел изготовившихся пращников и дротикометателей. Они не торопились. Выжидали, пока их враги собьются в плотную массу. Тогда ни один снаряд не пропадет даром...

Но римляне тоже недооценили противника. Алексей увидел, как Скулди спрыгнул на щит, который держали трое герулов... хоп! И Скулди уже в воздухе! Перелетел через баррикаду и приземлился прямо на щиты, которыми римляне прикрывали головы, сшиб посланный в него одинокий дротик и соскочил прямо в гущу врагов. А мгновением позже еще один герул совершил красивый полет. Этот не сумел удержать равновесия, опрокинулся назад, скатился под ноги первой римской шеренги и умер, проколотый сразу тремя мечами. Однако других «прыгунов» его смерть не остановила. И очень скоро в «тылу» римского строя рубилось уже не меньше полусотни варваров. И хотя в задних шеренгах легионеров было втрое больше бойцов, в условиях хаотичной рубки варвары их все равно превосходили.

А еще через пару минут все опять изменилось. Римляне отступили от баррикады, как-то очень ловко перестроились – и храбрецы-варвары снова оказались «снаружи», перед стеной щитов. Тут римский отряд снова перестроился, образовав что-то типа каре. В готов и герулов полетели дротики. Те поначалу ловко ловили их щитами, но когда в твоём щите засели две-три такие штуковины, им особо не помашешь... так что четвертый дротик втыкался уже в ногу или еще во что-нибудь уязвимое...

Коршунов больше не стрелял. Болты кончились. Смотрел в монокуляр и огорчался. За спиной его азартно сопели дружинники. Им очень хотелось в драку. Но установка, полученная Агилмундом от Одохара, была совершенно четкой: Аласейю в сечу не пускать! И быть при нем неотлучно.

Невозможность принять участие в драке особенно остро переживал Книва. Вдобавок еще и обиженный тем, что Ахвизра не взял его «брат» башню.

Но Агилмунд умоляющие взгляды младшего брата игнорировал. Он уже видел, что битва проиграна. Несмотря на то, что гревтунги и герулы все еще вертелись перед строем римлян, пытаясь атаковать... значит, надо думать, куда увести Аласейю. Ясно, что триремe в дюжину весел не сдвинуть. Надо искать корабль поменьше... Отплыть, заодно подхватив отряд Ахвизры: с башней они, скорее всего, уже покончили... об Одохаре заботиться не надо. Одохар – не Аласейя. Он выберется... корабль поменьше... Агилмунд оглянулся... и испустил радостный вопль.

В гавань входили боранские корабли!

Глава двадцать шестая, в которой Коршунов демонстрирует, как можно добыть золото исключительно с помощью мозгов

В общем, сам город они взяли. Римская тактика не смогла противостоять пятикратному численному превосходству. Крепости в городе не было. Уцелевшие легионеры и не успевшие уйти в горы питиундцы укрылись в очень красивом храме то ли Марса, то ли Юпитера – кого-то грозного и бородатого, судя по статуе, поставленной у подножия ведущей к храму лестницы. Статую не тронули. Гревтунги и герулы – не вандалы какие-нибудь. К чужим богам относились с уважением. Скалились только, что у ихних, варварских богов мужские достоинства суще-

ственно больше. Хуже было другое: храм был расположен очень удачно: на возвышенности с ограниченным подходом – только с «парадной» стороны. Вдобавок подниматься к храму пришлось бы по довольно крутой лестнице... со всеми вытекающими, вернее, под всеми вылетающими сверху «последствиями».

То есть подходы к противнику были таковы, что даже у вожака гепидов Красного мысль о штурме не вызвала энтузиазма. И боевые машины применить было сложно. Например, баллисту из портовой башни, солидную, вполне подходящего калибра, некуда было установить. А от палубных «скорпионов» триремы толку было немного. Дротиками, даже очень большими, стену не прошибешь.

Но захватить храм очень хотелось. Добычу в городе взяли не слишком большую. Все ценное-легкое жители успели уволочь в горы. То есть добра осталось навалом, но все – крупногабаритное. А везти – далеко...

Короче говоря, ко второму дню настроение победителей несколько упало. По этому поводу у них возникали разные неправильные (с точки зрения Коршунова) мысли. Перерезать пленных (коих по прямому распоряжению Коршунова оставили в живых), поджечь город или еще какое безобразие учинить...

Надо было что-то придумывать. Тем более что сидеть в Питиунде долго – нельзя. И погода может испортиться, и серьезный римский отряд может подойти своим на выручку – у римлян со связью дело обстояло лучше, чем у варваров.

Коршунов собрал большой совет (около полусотни «лучших людей» своего войска) в местном маленьком театре. Заслушал мнения. Мнения большинства сходились. Господа варвары, как и положено варварам, мыслили деструктивно. Дорезать, поджечь – и сваливать. Храм все равно не взять. Ловить по горам местных жителей... пробовали. Булдыган с горки оказалось поймать намного легче.

Некоторые высказывали недовольство руководством: мол, народу полегло много, а золота где? Надо, впрочем, отдать должное: упреки шли не в адрес Алексея. Все понимали: без него, без захваченной триремы, все было бы намного хуже. Однако ж обидно уходить со столь скромной добычей. Где это видано: ходили грабить римлян, а золота привезли – шиш! Но более бывалые, из тех, что уже *ходили* на римлян, помалкивали. Знали, что из римских походов можно не только золота, но и ног не унести. А ведь этот поход еще не закончился. Не стоит судьбу дразнить.

Пошумели, покричали, слегка успокоились – и вдруг все дружно обратились к Коршунову. Аласейя-то молчит. Может, он, Аласейя, уже что-то придумал? Ну же, Аласейя! Ты же – наш верховный вождь. Собрал нас тут, понимаешь... и молчишь. Может, у тебя мысли какие-нибудь есть? Как храм захватить, к примеру. В храме небось золотишка навалом!

– Значит, мало вам добычи, – усмехнулся Коршунов.

– Мало! Мало! – отреагировало собрание. – Золота бы еще!

– А разве золота бывает много? – осведомился Коршунов.

Тут мнения разделились. Алексей дал им возможность пошуметь, потом, когда собрание поуспокоилось, сказал:

– Попробую добыть немного золота... – Он поднял руку, смирив поднявшийся шум. – И воевать за него не придется, если все будет сделано, как я скажу.

Народ внимал. Можно сказать, не дыша.

– Для начала, – сказал Коршунов. – Мы отпустим всех пленных. Вернее, передадим их тем, кто засел в храме...

– За какой выкуп? – выкрикнул кто-то.

– Без выкупа! Пусть забирают, мы добрые.

Собрание снова зашумело. Коршунов утихомиривать не стал. Без лидера, правильного или стихийного, ни одна толпа к единому мнению не придет. Пусть выкричатся.

– Хочешь им лишних ртов подкинуть? – предположил сидевший справа от Коршунова Одохар. – Стоит ли? У них там наверняка припасов полно. Осень же. А мы уйдем скоро...

– Нет, – покачал головой Коршунов. – Плевать мне на их припасы. У меня другая идея. Я хочу завоевать их доверие.

– Что ты задумал? – спросил рикс гревтунгов.

– Сейчас расскажу... когда эти, – кивок на собрание, – угомонятся.

По лестнице он поднимался один. С оливковой ветвью в руке, как и предупреждал. Ярко светило солнце. Так ярко, что отполированный белый мрамор казался прозрачным. За его спиной синело море, над ним вставали кавказские горы. *В свое время* он успел вдосталь полазать по этим горам... горы не изменились. Наверное, и холм этот тоже не изменился. Только вместо этого храма на нем какой-нибудь санаторий. Или зенитная установка.

Алексей поднимался по удобным каменным ступеням. Справа и слева от него, пониже, на соседних склонах, зрел виноград. И погода была хорошая... И храм наверху – очень красивый... Но все равно Коршунову было неприятно. В любой момент оттуда, сверху, из храма, могла прилететь стрела и оборвать столь дорогую для Алексея жизнь. Его собственную.

Возможно, с точки зрения стрелка, это было бы справедливо. Ведь Коршунов – глава варваров, ворвавшихся в мирный городок, перебивших кучу народу, разграбивших жилища...

Алексей видел воинов в проемах над портиком. И он видел луки у них в руках. Но он рассчитывал на благоразумие тех, кто укрылся в храме. Отчасти. А отчасти – на их любопытство. Отпустив пленных, он велел передать только одно: вождь скифов Аласейя желает поговорить с хозяевами Питиунда о том, как сохранить их город...

В него не выстрелили.

Алексей в гордом одиночестве отсчитал ногами двести шестьдесят семь ступенек и остановился. Главные двери храма, тяжелые, окованные потемневшей медью, были заперты. Но маленькая дверь сбоку – отворена. И рядом с ней стоял человек в красивой кирасе с чеканкой. В боку кирасы была дырка, в которую можно было просунуть мизинец. Коршунов узнал кирасу и ее носителя. Этого человека он видел в монокуляр самострела. Только сейчас на войне не было блестящего шлема с красным гребнем, и солнечные лучи свободно гуляли по загорелой лысине римлянина. Что ж, значит, и арбалетный болт не всегда бьет насмерть.

– Ты – вождь варваров? – спросил воин по-латыни.

Коршунов понял.

– Да, – подтвердил он по-готски. – Это я.

– Входи! – сказал римлянин и посторонился.

Храм внутри выглядел еще более внушительно, чем снаружи. Коршунов и раньше замечал эту особенность культовых сооружений. С улицы – вроде бы небольшая церковка, а внутри...

Однако внушительность интерьера здорово портили беженцы, расположившиеся на полу, в нишах, везде. Их было много, поэтому и в храме было довольно шумно. Сильный запах курений соперничал с другими, более неприятными запахами. Ну да, конечно, здесь же еще и госпиталь...

Коршунову не дали полюбоваться языческим капищем. Его тут же взяли в кольцо легионеры и отвели в какую-то боковую каморку.

В каморке сидел еще один римский командир, а с ним – штатский мужик в белой одежде с красной полоской.

Военный жестом выпроводил легионеров. Не испугался, значит, дикого варвара. Правда, Коршунов был без оружия, а римлянин – при мече и в доспехах.

– Ты – вождь варваров? – спросил военный по-готски.

Акцент у него был незнакомый, похожий на гепидский, но понять можно.

– Да. А кто ты?

– Зачем тебе это знать? – сердито бросил военный.

Штатский зашевелился, проговорил что-то по-своему. Военный ответил. Некоторое время они пререкались, забыв о Коршунове. Наконец тому надоело их слушать.

– Я вождь готов, герулов и боранов Аласейя! – гаркнул он. – Если вы желаете поболтать, болтайте, когда я уйду. А сейчас я намерен объявить то, что обещал. Что нужно, чтобы сохранить ваш паршивый городишко. Мне плевать, как вас зовут. Но я хочу знать: вы – те, кто принимает решение, или над вами есть старший? Если так, то я буду говорить с ним, а не с вами!

Воин перевел сказанное штатскому, потом нехотя изрек:

– Мы – те, кто принимает решение!

– Хорошо, – с важностью кивнул Коршунов-Аласейя. – В таком случае – слушайте. У вас есть день, чтобы собрать двенадцать талантов золотом и передать мне. Тогда я окажу вам милость и не стану предавать огню ваш жалкий городишко. Вы меня поняли?

– Ты – наглец, скиф! – процедил военный. – Что мне мешает зарезать тебя, как свинью, и бросить твою голову вниз, твоим грязным соплеменникам?

– Что он сказал? – нервничая, по-латыни осведомился штатский.

– Попробуй меня убить, – усмехнулся Коршунов (хотя на самом деле ему было совсем не весело – он верил в серьезность слов этого римлянина). – Попробуй – и ты увидишь, что будет.

– Что он сказал? – выкрикнул второй.

Военный перевел.

– У нас нет таких денег! – моментально отреагировал штатский.

Военный брезгливо скривился. Но перевел. И от себя добавил:

– Не слишком ли много – двенадцать талантов – за *жалкий городишко*?

– Я не торгуюсь, – высокомерно ответил Коршунов.

Военный хмыкнул. Похоже, ответ Алексея ему понравился.

– Но я могу снизить к вашей бедности: приму часть серебром, утварью или драгоценными камнями. По расценкам Пантикапеи.

Честно говоря, он не знал, какие расценки в Пантикапее. Просто хотел протянуть ниточку между собой и боспором.

– Думайте, – сказал он. – До завтрашнего рассвета. А завтра или я увижу золото, или ваш город увидит пламя.

– Все-таки что мне мешает просто прирезать тебя, варвар? – оскалился римлянин.

– Попробуй, – сказал Коршунов. – И тогда сгорит не только твой город. Мои воины уничтожат здесь все: виноградники, рощи, ваш порт и все суда в нем. Они сожгут все, а землю посыплют солью – ее у вас много, – как твои предки, римлянин, когда-то поступили с Карфагеном (надо же, как вовремя вспомнилось прочитанная когда-то книжка!), а тебе останется только этот храм, в который никто не придет, потому что и твоего города больше не будет. А сейчас переведи все это своему приятелю, потому что, сдастся мне, из вас двоих он – главный!

– Переведу, не беспокойся, – проворчал римлянин. – Сдастся мне, ты не так уж прост, варвар, если слыхал о том, как мы поступаем со своими врагами.

И он перевел. Потом римляне еще несколько минут препирались между собой, наконец штатский изволил поинтересоваться:

– А кто нам гарантирует, что вы, получив деньги, все равно не сожжете город? Нам нужны заложники...

– Хрен тебе, а не заложники! – отрезал Коршунов. Его не поняли, и он пояснил: – Никаких заложников! Гарантия – мое слово! А слово мое – твердо, и я хочу, чтобы об этом знали все, потому что не последний раз я прихожу к вам за добычей и хочу, чтобы вы, римляне, знали: я всегда делаю, что обещаю.

Глава двадцать седьмая, небольшая и интимная

– Они заплатили, – сказал Коршунов Анастасии. – А куда им деться? Двенадцать талантов – огромная сумма, но не дороже целого города.

– Тем более что бо льшую часть они получают назад из казны наместника провинции, – заметила его подруга. – Там есть фонд для подобных расходов.

– Вот как! – удивился Алексей. – я не знал. Надо было потребовать больше. Впрочем, без разницы. Важен сам факт получения золота. Мной.

– Ты важничаешь! – засмеялась женщина.

– Я заслужил! – гордо заявил Коршунов.

– Ну конечно! Твои воины только об этом и говорят! – Анастасия улыбалась. – Мол, боги так тебя любят, что золото само падает к твоим ногам. Даром.

– Ничего себе – даром! – Алексей немного обиделся. – Интеллект, значит, уже не в счет! А то, что я лично рисковал своей шкурой, когда встречался с питиундскими олигархами? Меня вполне могли просто прикончить! Скажешь тоже – даром! Само!

– Не сердись, милый! – мягко проговорила Анастасия. – Это не я говорю, а твои люди. И хорошо, что они так говорят. Я три года живу среди них и, не обижайся, знаю их лучше тебя. Они – варвары и потому ценят то, что дается даром, больше того, что добывается трудом и усилиями. И мешки с золотом, которые появились на ступенях питиундского храма после того, как ты там побывал, – это их самое сильное впечатление за все время вашего похода.

– Не думаю, – проворчал Коршунов. – А захват триремы? Вот это – действительно!..

– Вовсе нет, – терпеливо проговорила женщина. – Захват триремы они *видели*. Они сами в нем участвовали. Для них это всего лишь очередная победа. И лишь немногие, такие как Одохар, могут оценить ее настоящую цену. Для остальных это всего лишь эпизод. Хотя сама трирема, стоящая в херсонском порту, – отменный символ твоего успеха. Всякий может видеть ее, и, думаю, будущей весной у тебя не будет недостатка в воинах. Правда, у этого аурея⁸ есть и оборотная сторона: в Риме тоже узнают о твоей победе.

– Я думал об этом, – признал Коршунов. – Скажи, какова вероятность того, что Рим пришлет сюда войска?

– Войска – вряд ли. Наш юный император не любит воевать. Вернее, этого не любит его мать, а Александр Север – послушный сын. Ты ограбил Питиунд.

Питиунд – это понт. Но слово Туллия Менофила, наместника Нижней Мезии, весит больше, чем слово наместника понтийской провинции. А Туллию не нужны осложнения с Херсоном. Ему нужен Херсон – вольный город, важнейший торговый центр в этих местах. Это удобно всем: и Риму, и Боспору, и варварам. Самое большее, на что согласится Туллий, – чтобы флот Рима появился у здешних берегов. В этом случае ты потеряешь свою трирему. Но если проявишь себя хорошим дипломатом, то, возможно, получишь от Рима выкуп. В обмен на обещание не посягать на земли Рима. Это обычная практика. Всем известно, что, получив золото, варвары на некоторое время успокаиваются.

– Я не успокоюсь, – возразил Коршунов. – Ты знаешь, чего я хочу.

– Знаю, – вздохнула Анастасия. – Ты хочешь невозможного.

– Да! – заявил Алексей. – Я хочу невозможного! – Его охватило восхитительное чувство абсолютной уверенности в своих силах и своей правоте. – Хочу – и получаю!

⁸ Аурей – золотая римская монета.

«Как он красив! – подумала Анастасия. – И как самоуверен! Как все мужчины. Они жаждут величия... Но величие достается немногим, смерть или безвестность – куда более частый удел... Как же мне уберечь тебя, мой Алексей? И тебя, и родину мою... Как мне уберечь от тебя?»

Глава двадцать восьмая, заключительная

Ноябрь в Херсоне – прохладное время. Свинцовые мутные волны, поблекшая листва, в домах побогаче по ночам в спальне – непременно жаровня с углями или нагретые камни, которые рабы хозяина раскаляют снаружи, а потом растаскивают по комнатам. Еще – кувшины молодого неразбавленного вина на каждой трапезе.

Во вторую неделю ноября Агилмунд, Ахвизра и еще три десятка гревтунгов, тех, что не отбыли десять дней назад вместе с Одохаром, отправлялись в дорогу. Домой. Алексей – оставался. Перспектива зимовать в готском бурге его не радовала. Тем более там была его законная малолетняя жена Рагнасвинта, сестра Агилмунда, Сигисбарна и Книвы, очень важная нить, связывающая его родственными узами со славными гревтунгами... но Коршунов представлял, как будет жить одновременно и с ней, и с Настей. Что делать, не мусульманское у него воспитание. Даже не языческое. Да и что таить: после Анастасии белобрысая свинка-Рагнасвинта – все равно что гамбургер под кока-колу после настоящих домашних сибирских – под водочку. Ну не катит!

Впрочем, подарки, которые он заслал меркантильной женушке, должны скрасить ей отсутствие мужа. Это даже Агилмунд подтвердил. Мол, никаких проблем с родней быть не должно. Главное: добро добытое домой отправлено. А то, что большой вождь Аласейя остается в Херсоне готовить новый большой поход, это нормально. И Книва с ним остается, то есть не одинок Аласейя, есть рядом родич, если что.

– Ты, главное, меча не забывай, – в который раз напомнил Коршунову его лучший дружинник. – Красный тебя поучит. Да и молодой – тоже хорош.

«Молодой» – сын Крикши Тарвар. Парень ненамного младше Красного, но для Агилмунда – «молодой». Что, впрочем, скорее титул, чем уничижительное определение. Типа – наследник.

Прощались они у ворот Коршуновской усадьбы, приобретенной Алексеем на часть питиундской добычи. Личная доля Коршунова в этой недвижимости составляла примерно десятую часть, остальное покрыто за счет «общака» гревтунгов. Посему приобретение и по совести, и по готским законам было «общественным». Но это Коршунов убедил Одохара в необходимости вложения. Надо же иметь гревтунгам «базу» в Тавриде. Чтобы на *своей* земле и лагерем стать, чтобы хозяйство свое было, склады-амбары... убедил. Гревтунги – люди обстоятельные и хозяйственные. Даже к войнам относятся – как к посевной. И что такое правильное вложение денег, понимают. Лучше, конечно, силой взять... но и тут Коршунов сумел убедить: херсонесцев полезнее иметь в союзниках. А богатства в империи добывать. Там их больше.

Короче, оставался Коршунов в Крыму не гостем, а землевладельцем. Латифундистом с садами и виноградниками, с двумя десятками рабов, домом на полсотни комнат, скотным двором, конюшней и тому подобным. Естественно, ведь земля здесь продавалась со всем, что на ней. Причем по законам херсонесским не сообщество гревтунгов, а именно Коршунов числился владельцем всего этого великолепия, поскольку это он подписывал бумаги и оформлял сделку. В общем, стал Алексей Коршунов хозяином, а вот гостем его стал вождь гепидов Красный. Потому что пока молодой рикс в походах ярость тешил да славу добывал, на родине у него переворотец произошел, и возвращаться туда Красному стало нежелательно. Прирезали бы его, несмотря на личную храбрость и ловкость в обращении с оружием. Так что после совеща-

ния, в котором помимо Красного и Алексея участвовали Скулди, Агилмунд, Одохар и Травстила, было решено: Красному лично в родные пампасы не ехать, а заслать туда преданных Красному гепидов, коих для открытых воинских действий осталось маловато, а вот для диверсионно-пропагандистской работы – в самый раз. С помощью умного Коршунова и опытного Скулди Красный проинструктировал своих соратников, что говорить и как. Чтобы не трусостью выглядело невозвращение Красного, а, наоборот, доблестью и удачливостью. Впрочем, лучшим агитатором, как всегда, оставалось золото.

Коршунову же гепидский «политический кризис» был на руку, поскольку собирался он этой зимой не отсиживаться на своей вилле, попивая винцо и закусывая устрицами, которых в здешнем Понте Евксинском было множество,⁹ а собирался он активно собирать информацию и вести политические игры. А учитывая специфику здешней политики, совсем не лишне иметь под рукой высокопрофессионального фехтовальщика с наклонностями вутьи-отморозка. Особенно если сам оружием владеешь весьма посредственно.

Была у Коршунова даже совсем дикая идея: съездить инкогнито в Рим и лично провести рекогносцировку будущего похода.

К сожалению, по причинам объективным и личного характера этой зимой Коршунову так и не удалось побывать в Риме. А если бы удалось, возможно, и будущего похода не было бы...

Или не стало бы самого Коршунова.

В отличие от своего возлюбленного гражданина Рима, уроженка Антиохии Анастасия Фока знала, как трудно в Римской империи сохранить инкогнито такому, как Коршунов. И как поступят власти, если в их руках окажется скифский вождь, ограбивший Питиунд.

И как эти же власти поступят с ней, Анастасией, едва она пересечет границу империи, она тоже знала. Поэтому сделала все, чтобы авантюристические идеи ее возлюбленного побывать по ту сторону Данубия – не реализовались. И они не реализовались, потому что велика власть любимой и любящей женщины над мужчиной. Намного больше, чем он сам полагает. Впрочем, его власть над такой женщиной – еще больше. И власть эта весьма дорога для них обоих. Иной раз дороже, чем цена империи.

⁹ Отсутствие устриц в нынешнем Черном море связано с тем, что проникший туда не без помощи человека хищный моллюск рапан слопал деликатесную «родственницу». Одни мидии остались.

Часть вторая Великий поход

*Vae victis*¹⁰

«Гражданские войны между претендентами на престол осложнялись растущим сепаратизмом провинций и все усиливавшимся натиском на империю сложившихся к тому времени племенных союзов германцев – аламанов, лангобардов, франков, саксов, готов – и задунайских племен, опустошавших провинции и даже север Италии, так что к середине III в. империя пришла в состояние полной разрухи. Земли пустыли, правительство, нуждаясь в деньгах, прибегало к порче монеты, что вызвало колоссальную инфляцию и повышение цен – по сравнению со II в. на 800 % – и вело к натурализации хозяйства. В середине III в. жалование императорским наместникам и чиновникам стали наряду с деньгами выдавать натурой, даже штат слуг-рабов, включая 1–2 рабынь-наложниц, предоставлялся им из казны. Сокращалась торговля. Суда стали значительно более мелкими, плавание – каботажным, что вело к упадку ряда гаваней и обеднению обслуживавшего их персонала. Множество мелких и средних вилл во всех западных провинциях было разрушено, пострадал и ряд городов, оставшиеся стали окружать себя стенами, обычно охватывавшими не весь город, а только его центральные районы, тогда как за их пределами оставались бедные, населенные ремесленниками кварталы...»¹¹

Глава первая Римский наместник Туллий Менофил

*Весна девятьсот восемьдесят седьмого года
от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия*

«Моему господину Марку Аврелию, легату в Мезии, – Анастасия Фока.

Попущением Божиим и покровительством гения-хранителя Рима мне удалось войти в доверие к главнейшему из скифских вождей, тому, что прошлым летом водил варварское войско к берегам понтийской провинции. Сообщаю тебе, господин мой, что сей вождь, именуемый сородичами Большая Вода, необычайно хитроумен, велеречив и не обделен внешней красотой, что позволяет ему склонять к повиновению других скифов. Но варвар всегда остается варваром, и сей вождь – не исключение, ибо по-варварски простодушен и сластолюбив. Я живу в его доме, принимаю его любовь и пользуюсь у него полным доверием, посему мне ведомы все его тайные планы и помыслы. И я рада этому, мой господин, потому что намерения скифов сулят угрозу спокойствию Империи. Прошлогодня удача сего вождя привлекла к нему несметное множество скифов: гревтунгов, гепидов, боранов и иных.

¹⁰ *Vae victis* – горе побежденному (лат. пословица).

¹¹ Штаерман Е. М. Упадок Римской империи.

Вступил он также в контакт с боспорцами, теми, что поддерживают сейчас Фарсанза, того, кто восстал против Рескупорида, законного царя Боспора и друга Рима. И обещали мятежники дать ему корабли – за пятую часть будущей добычи...»

– Ты уверен, что это – верные сведения? – наместник Нижней Мезии Туллий Менофил оторвался от чтения и посмотрел на своего собеседника.

– У нас нет достаточных оснований для того, чтобы сомневаться, – заметил легат Марк Аврелий, коему было адресовано письмо. – В течение трех лет от нее приходили исключительно достоверные сведения. События же прошлой осени также косвенно подтверждают сказанное. Учитывая же время варварского набега, я взял бы на себя смелость утверждать, что он есть следствие изменения планов варваров-скифов, вызванных передислокацией нашего флота.

– Что ж... – наместник кивнул и вернулся к свитку.

Дочитав последнюю фразу: «...Пост скрипtum. Я взяла на себя смелость обещать Проклу Евмаху, купцу их Херсона, доставившему сие письмо, от твоего имени пятьдесят динариев. Преданная августам, Риму и тебе, Анастасия Фока...» – наместник уронил пергамент на дорожку, инкрустированный слоновой костью и яшмой стол. Пергамент тут же свернулся трубочкой.

«Тысяч сто сестерциев, не меньше», – подумал о столе Марк Аврелий, подобрал свиток и спрятал. Для архива.

– Смею также заметить, – произнес он, – что убытки, понесенные понтийской провинцией прошлой осенью, можно считать незначительными в сравнении с теми, какие могла бы понести наша провинция, если бы скифы осуществили свое прежнее намерение и вторглись на ее территорию.

– Резонно, – согласился наместник.

Его лицо было смуглым. Сирийской крови в жилах Менофила было больше, чем латинской. Но в нынешнее время, время «азиатских» императоров, это скорее достоинство, чем недостаток.

– Нельзя равнять Мезию и Понт! – с важностью заявил Менофил. – Именно это я и сказал августам, когда в январе был в Риме.

– И что же?

– У меня сильная поддержка в сенате, – самодовольно произнес наместник Нижней Мезии. – Тем более Мамея полагает, что политика подкупа варваров – наиболее перспективная.

– Ты в это веришь? – удивился легат.

– Разумеется. Разве августы могут ошибаться? Тем более что сейчас наша главная проблема – не варвары, а усиление авторитета Максимиана в наших провинциях. Любая победа армии – и его победа. А у фракийца, как ты знаешь, есть омерзительная привычка побеждать! – Наместник Нижней Мезии рассмеялся. – Так что наша задача – не допустить военных действий ни в нашей провинции, ни в остальных приданубийских провинциях. Так что, если бы твой агент донес, что скифы намерены этим летом напасть на наши западные провинции, я дал бы им золото, которое они так жаждут. И пусть тогда они дерутся за это золото между собой. Помнишь, что я ответил карпам, когда те потребовали от меня мзды большей, чем мы выплатили гетам?

– Ты ответил: докажите, что вы сильнее, – и получите! – Марк Аврелий рассмеялся.

– Вот именно! И глупые варвары тут же передрались между собой. А сейчас у меня есть разрешение сената и августов выделить часть налоговых средств на «подарки» варварам. Кстати, твой человек сообщает, что в боспорском царстве попахивает гражданской войной?

– Да, это так. Другие источники также это подтверждают. Я думаю, царю Рескупориду нужна финансовая поддержка.

– Он ее получит. Но не раньше, чем этот, как его, претендент...

– Фарсанз, – подсказал легат.

– Фарсанз наберет соответствующую силу. Он ведь наполовину сармат?

– Да. Но земли его рода далеко от Меотиды. Они куда ближе к нам – по ту сторону Данубия.

– Вот и хорошо. Пусть родичи этого Фарсанза повоюют по ту сторону Понта. Вот тогда мы и дадим денег Рескупориду. И он наймет других скифов, чтобы те бились за него. Пусть варвары уничтожают варваров. А мы им заплатим. И это обойдется нам дешевле, чем война собственными силами...

– Особенно если воевать будет этот слоноподобный фракиец! – подобострастно подхватил Марк Аврелий. – Но что будем делать с тем скифским вождем, который ограбил Питиунд? Ему тоже дадим денег?

– Зачем? – Наместник искривил толстые губы, что, вероятно, обозначало улыбку. – Он отхватил слишком большой куш прошлой осенью. И мы знаем о его намерениях. Когда они придут – их встретит наш флот. И это будет уже моя заслуга, потому что понтийским флотом команду я, а не Максимин фракиец.

– А если они пойдут сушей? Если у них не выйдет с боспорянами или они ввяжутся в драку в Боспоре? Боспорское царство ведь тоже лакомый кусок...

– То, что происходит по ту сторону Понта, меня не слишком волнует, Марк, – сказал наместник. – Сейчас такие времена, что сначала заботятся о себе. Моя задача – сохранить милость августов. Мезия – отличная провинция, ты не находишь?

– Да, мой господин, – согласился легат. – Ты, как всегда, прав.

Глава вторая

Крымский помещик Алексей Коршунов

*Февраль девятьсот восемьдесят седьмого
года от основания Рима. Причерноморье*

– К тебе гости, господин. – Слуга мялся у дверей кабинета, не решаясь войти внутрь. С его войлочного, пропитанного жиром плаща капало: снаружи – дождь.

– Кто? – Коршунов неохотно отложил стило.

– Четверо, верховые, вооруженные. Не назвались.

– Где они, во дворе?

– У ворот.

Коршунов поднялся, подошел к окну. Да, четверо всадников. Ничего толком не разглядеть. Он взял монокуляр, но из-за пелены мелкого дождя оптика оказалась практически бесполезной.

Четверо воинов... не назвались... хм-м... враги?

– Пошли за Красным, – велел он. – Этихпусти. Я встречу их внизу.

Коршунов с сожалением поглядел на развернутые свитки, оставшиеся на столе. Вечно его отрывают от работы... Больше месяца Алексей посвятил изучению здешних карт. Собственно, эти схемы картами назвать было нельзя. Местные «картографы» не заморачивались ни рельефом, ни масштабом. Обозначения городов, графические соответствия расстояний выдерживались с большими допусками. Но в принципе разобраться было можно. Города обычно обозначались крохотными домиками с двускатной крышей. Примерно такие во времена Коршунова рисовали маленькие дети. Устья рек и сами реки, окрашенные голубовато-зеленым, так же

как и само море, сопровождались пояснительными надписями на латыни или на греческом. Светлыми линиями обозначалось побережье и все специальные пометки на закрашенной красно-коричневым суше. Тем же красно-коричневым делались пометки на море: маршруты, «иллюстрированные» кораблями с развернутыми парусами, гавани, обозначенные такими же кораблями, но уже без парусов. Отсутствие масштаба компенсировали указания расстояний: в римских милях или в греческих стадиях – в зависимости от «автора» карты. Вдобавок к некоторым схемам прилагался подробный «путеводитель», содержащий массу полезной информации – вплоть до сезонных изменений цен на продукты питания и указания конкретных лиц (семей), у которых можно остановиться на ночлег или получить соответствующие услуги. Например, у такого-то кузнеца автор «путеводителя» недорого и качественно подковал лошадь...

Все это, конечно, было замечательно, но недостаточно для того, чтобы распланировать крупный военный поход.

Правда, у Коршунова имелся в рукаве крупный козырь: карты из комплекта посадочного модуля. Алексей старательно скопировал побережье Черного моря на местный пергамент, но это была «болванка», на которую требовалось нанести все местные «достопримечательности». Чтобы решить эту проблему, Коршунов решил привлечь «профессионалов»: лоцманов и кормчих, которым были известны береговые воды по обе стороны Черного моря и традиционные маршруты, по которым ходили местные суда. Лоцманы и кормчие, купцы и пираты, но... но все, кого приводил к Коршунову Крикша, не внушали Алексею доверия. Это были люди, готовые ради наживы рискнуть жизнью, но, если можно, ничем не рискуя продать информацию... эти люди были ничем не обязаны Коршунову. Ничто им не мешало выведать у вождя скифов его планы – и сдать его Риму. И Алексей моментально настораживался, когда приглашенные «консультанты» начинали интересоваться подробностями будущего похода. Коршунов отнекивался, говорил, что не знает, какими силами будет располагать весной; что еще не решил, куда пойдет, но скорее всего целью его будет северо-восточное побережье; что есть вероятность, что это будет не морской поход, а сухопутный; что...

В общем, врал. Коршунов знал, что этой весной в его распоряжении будет армия от пяти до десяти тысяч копий. И цели уже были выбраны. И на этот раз Коршунов не собирался тащиться вдоль побережья, рискуя напороться на римские триремы. Пересечь Черное море напрямик – и внезапно возникнуть прямо у римских берегов. Причем не в привычное для набегов время, а в начале мая, опередив всех прочих хищников. Захватить несколько укрепленных городов, изучить местность, проанализировать перспективы... и уйти с добычей, какую еще никогда не брали ни готы, ни герулы, ни гепиды... тогда на следующий год у него будет настоящий авторитет, а это значит, что под его знамя соберется уже не десять, а сто тысяч воинов. Это значит, что его имя прогремит по всем варварским землям. Гепиды, герулы, карпы, сарматы... и он поднимет все множество алчных и свирепых варваров, обитающих вдоль Дуная. Все они, воодушевленные его успехом, должны разом наброситься на Империю, а когда это произойдет и основные силы Рима будут оттянуты от облюбованных Коршуновым причерноморских провинций – и он ударит сам. Но не для того, чтобы ограбить и уйти. Нет, он будет не грабить, а завоевывать. Пока Рим и прочие варвары будут перемалывать друг друга, он, Коршунов, отхватит у Империи пару богатых провинций... и предложит Риму мир. И даже союз. На тех условиях, что и у боспорского царства. Царь Аласейя... Что ж, звучит совсем неплохо! Рим вынужден будет согласиться! А там, глядишь, при его, Коршунова, поддержке, при его умении видеть геополитическую перспективу и сама Империя может укрепиться. И не падет, как это случилось в *его* истории, когда все эти готы-гунны-вандалы навалились и сожрали великую Римскую империю. Да, он, Алексей Коршунов и его воины станут той свежей кровью, которая вольется в жилы гниющей Империи, и тогда...

Замечтавшись, Алексей забыл о том, что у него гости.

Напомнил ему об этом Красный, бесцеремонно ввалившийся в кабинет.

От гепида пахло хорошо выделанной кожей и отличной кухней. Здоровенный варвар съел больше, чем три виноградаря, но он того стоил. Могучая боевая машина, вдобавок абсолютно преданная Коршунову. По крайней мере Алексей так полагал.

Гепид встряхнул рыжей гривой, разбросав вокруг дождевые капли.

– Спускайся, Аласейя! – потребовал он. – Там внизу – гонцы от Фарсанза. Промокли, как мыши в наводнение. Твой привратник изрядно продержал их снаружи, пытаясь, кто они такие. Будь я на их месте – тебе потребовался бы другой привратник.

«Да, – подумал Коршунов, – нехорошо получилось». Но привратник тоже прав. Две недели назад какие-то разбойники, назвавшись друзьями Крикши, воспользовались беспечностью охраны, проникли на территорию усадьбы и едва не увели сарматских жеребцов Коршунова прямо из конюшни. Хорошо, старший конюх оказался подозрительным... воров как следует отдубасили и препроводили в Херсон – на суд. На своей земле Коршунов был вправе и сам повесить конокрадов, но не стал брать грех на душу. Зато устроил выволочку охране: чтоб запомнили накрепко – чужих на территорию не пускать!

Алексей надел золотую цепь с хронометром, считавшимся его личным амулетом, накинул на плечи вишневого цвета шерстяной плащ: не от холода – для солидности. Неторопливо спустился по спиральной лестнице на первый этаж. Гепид – за ним.

Гости, сбросив мокрые плащи на мраморную скамью, грели руки у жаровни. Все четверо разом повернулись – на звук шагов.

Коршунов мысленно ахнул: одним из четверых был Фарсанз. Алексей узнал его сразу, хотя волосы мятежного боспорца поменяли цвет, из черных став каштановыми, а подбородок украсила такая же каштановая накладная борода.

– Рад приветствовать в своем доме посланцев моего друга! – сказал Коршунов, не желая раскрывать инкогнито гостя. Путешествуя без серьезной охраны, претендент на боспорский престол здорово рисковал. – Книва!

Парень появился тут же, словно ждал за дверью. А может, и впрямь ждал.

– Распорядись, чтобы моим гостям подали сухую одежду, горячее вино и перекусить.

– Да, Аласейя. – Книва тоже узнал Фарсанза, но на его лице не отразилось ничего. Несмотря на юный возраст (ему недавно исполнилось шестнадцать) парень владел собой безукоризненно.

– Кто из вас – уста моего друга? – спросил Коршунов.

– Я. – Борода полностью переменила скуластую физиономию полусармата. Узнать его можно было только по глазам. И по повадкам.

– Прошу наверх. – Коршунов повернулся и двинулся вверх по лестнице. Претендент на боспорский престол последовал за ним, а за боспорцем – Красный.

Гепид Фарсанза не признал и полагал своим долгом на всякий случай подстраховать Алексея.

– Я дам тебе двадцать восемь кораблей, – сказал Фарсанз. – Из них три – боевые.

– Маловато, – поморщился Коршунов.

– Это почти всё, что у меня есть. Большая часть флота повинуетя Рескупориду.

– Ладно, пусть будет двадцать восемь. У меня еще есть боранские. Чего ты хочешь взамен?

– Третий из того, что будет доставлено на моих кораблях.

– Третий – слишком много.

– Я рискую всем, – напомнил Фарсанз. – Без этих кораблей – а ты можешь их потерять, верно? – я все равно что мертв. У меня нет никаких шансов победить Рескупорида.

– Без моей поддержки у тебя тоже нет почти никаких шансов, – заметил Коршунов. – Ты знаешь: я удачлив. Если этот набег будет успешен, на следующий год у меня будет пятидесятитысячная армия. Мне нужны деньги, поэтому пятая часть – это всё, что я могу тебе предложить...

– Ему не понравилось, когда ты сказал о пятидесятитысячной армии, – сказал Красный, когда боспорцы отбыли.

– Еще бы! Он ведь понимает, что с такой армией я могу прихлопнуть разом и его, и Рескупорида.

– Я бы на твоём месте так и сделал. Боспорское царство – жирный кусок! – Глаза гепида алчно блеснули.

– Может быть, я так и сделаю, – кивнул Коршунов. – Но у меня пока нет пятидесяти тысяч. Так что не будем загадывать на два года вперед, ограничимся будущим сезоном.

Глава третья

Алексей Коршунов, адмирал варваров

*Апрель девятьсот восемьдесят седьмого
года от основания Рима. Черное море*

Соединенная эскадра из пяти десятков боранских кораблей, двадцати восьми – боспорских и одного – римской постройки бороздила зеленую воду Черного моря. Все-таки Коршунов уговорил их идти напрямик. Боранских и боспорских моряков он поразил искусно начертанной картой черноморских берегов. Эта карта, вкупе с прежними достижениями Коршунова, настолько подняла авторитет Алексея, что здешние мореманы перевели его из «сухопутных чайников» в «квалифицированные пользователи». И приняли заявление о том, что Аласея Большая Вода способен плыть по морю без помощи береговых ориентиров: сочли, что это умение – из области мистического, а не рационального. А коли так, то и обсуждать нечего. Коршунов не стал их переубеждать, хотя жалел, что некому оценить проделанную им зимой титаническую работу. Ведь он, фактически с нуля, разработал систему навигации, сконструировал секстан¹² и продумал всю необходимую математику. Главное – моряки приняли его предложение, а всем прочим было по барабану, как плыть. Лишь бы быстрее и безопаснее.

В поход вышли, едва только отгремели весенние шторма и море подуспокоилось. Стартовали от устья Днепра-Борисфена. Именно там сконцентрировалось Коршуновское войско: гепиды, герулы, гревтунги и прочие готы. Одохар не приехал. Не потому, что ему было зазорно ходить под командованием своего бывшего дружинника, а потому что гревтунги готовились к очередной экспансии в южном направлении, что, естественно, требовало присутствия военного вождя. Земли, присмотренные Одохаром для этого дела во время прошлого года похода, были отнюдь не свободны. Но хитроумный Одохар использовал сборную армию, которая двигалась к Боспору, для оказания психологического давления на обитателей облюбованной территории. Именно поэтому вышеупомянутая армия шла к устью Борисфена, а не через Меотиду – к Боспору киммерийскому, как предлагал Коршунов, рассчитывая попутно поддержать своего союзника Фарсанза.

¹² Секстан (от лат. sextans – шестой) – в морском деле – астрономический угломерный инструмент. Лимб секстанта составляет 1/6 часть окружности.

Ничего, обратно поплывем прямо к Боспорскому проливу, решил Коршунов, погрузил на корабли свое воинство и припасы – и двинулся к цели.

Флагманский корабль Коршунова – захваченная трирема – под парусом при умеренном ветре давал порядка двух узлов, а если к ветру прибавить усилия верхнего яруса гребцов (гревтунги, меняясь, гребли в три смены), то скорость удваивалась и достигала примерно шести километров в час. Некоторые из боспорских корабликов даже под парусом могли идти быстрее, но скорость каравана, как известно, определяет самый тормозной верблюд. Так что время от времени Коршунову приходилось придерживать свою красавицу, вернее, красавца, потому что Алексей, не мудрствуя лукаво, назвал трирему «Коршуном». В честь себя, любимого. Здесь так было принято: безудержно хвастать и выставлять напоказ собственные подвиги. Веди себя по-иному – не поймут. И заподозрят нехорошее.

Но такому кораблю свое имя дать не стыдно. Безупречная работа от носа до кормы. Тридцать шесть метров настоящего корабельного искусства. Три яруса весел. У каждого гребца – персональная скамья, подушка и набор ремней, позволяющих грести с максимальным удобством. В Херсонесском сухом доке (стоившем недешево) трирему отремонтировали, заново просмолили и покрасили, обновили все, что нужно, выкрасили парус в традиционные Коршуновские цвета – белый и красный, вырезали новую носовую фигуру: взлетающую хищную птицу. Правда, Книва заявил, что это вовсе не коршун, а какой-то там орел, но – без разницы. Все равно внушительно. Экипаж – гребцов и «абордажную команду» – Коршунов набрал из своих готов. Только в палубную команду Коршунов нанял четверых моряков-боспорцев, разбиравшихся в снастях и прочем. И еще двоих – рулевыми. Третьим рулевым стал Книва. У парня неплохо получалось. Вообще Книва чем дальше, тем больше ему нравился. Умный, спокойный, надежный. И уже помыкал старшим братом. Не Агилмундом, естественно, – Сигисбарном. Но и Агилмунд как-то, в доверительной беседе, сообщил, что, по его мнению, пацана ждет большое будущее: быть ему риксом.

Коршунову Агилмунд привез гостинцы от родичей: от папаши Фретила, от тещи, от законной жены. У Фретила дела идут. Обязанности мирного вождя тестюшка отправляет достойно. Народ доволен. И с Одохаром у них – консенсус, поскольку переселенческим планам военного вождя Фретила не препятствует и уходу значительной части мужского населения в славный поход тоже не воспротивился. Даже с учетом того, что отправится войско раньше, чем закончится посевная. Правда, весна в этом году выдалась ранняя. Оценив добытые в прошлом рейде трофеи, тестюшка счел грабеж более рентабельным мероприятием, чем сельское хозяйство. Заслал он, конечно, зятю и свои наставления. Наставления эти Агилмунд Коршунову передавать не стал. Сказал: будет еще дворовой пес волка охоте учить!

Сообщил также, что Рагнасвинта изрядно округлилась. Так что вскорости быть Коршунову папашей будущего воина. Ну ясно же, у такого героя, как Коршунов, дочь в принципе родиться не может! Рагнасвинта ходит невероятно важная, по мужу вроде как особо не скучает, а вот присланному золотишку обрадовалась невероятно. Велела брату заверить супруга, что у нее, Рагнасвинты, все добро впрок пойдет. Когда вернется, Аласея сам увидит, какая она рачительная хозяйка. Так что пусть присылает побольше.

Весть о скором отцовстве Коршунов, к своему собственному удивлению, воспринял совершенно равнодушно. Но договорился с Крикшей, чтобы тот нанял задорого греческого лекаря и организовал его доставку в гревтунгский бург. Готы, конечно, – нация здоровая, но лучше подстраховаться. Уж больно условия там антисанитарные. Позаботился, одним словом. Хотя для Коршунова и Рагнасвинта, и все его готское «семейство» отошли на задний план, в прошлое. А он смотрел в будущее. А в будущем был Рим. Колизей, дворцы, театры... на этом фоне готские избы с куском кожи вместо дверей смотрелись жалко.

Коршунов прошел в носовую часть судна – там пронзительный голос флейты, задававшей ритм гребцам, не так резал уши – и уселся на край палубы (у триремы только на самом носу было некое подобие фальшборта), свесил ноги и долго смотрел на спокойное море, ни о чем не думая.

Спустя некоторое время рядом устроился Агилмунд. Тоже молчал и смотрел. Такие, как он, умеют молчать, если слова не нужны. Коршунов раньше этого не умел. Ему казалось, что общаться – значит что-то делать вместе, разговаривать... не умел, но здесь научился. У готов.

Из молчания родились другие мысли.

Зачем он куда-то плывет? Разве ему плохо было в Херсонесе? В своем поместье, с Настей... Херсонес – это уже не хижины с блохами. Это нормальные каменные дома, стеклянная посуда, гимнастические площадки, бани, культурное общество. Хочешь – с греческим философом пообщайся, хочешь – с иудейским...

Тут Коршунов усмехнулся, потому что виденные им иудейские теологи, на его взгляд, мало отличались от греков. И даже имена носили греческие. Вот христиан в Херсонесе было совсем мало... а надоест умствовать, можно выпить винца с «соплеменными» боранами, на мечях попрактиковаться...

Приличное общество, где тебя уважают, теплое море, превосходное вино (о кухне даже лучше не вспоминать, учитывая, чем он питался последнюю неделю), любимая женщина... А кони! Это ж какой кайф – ехать верхом ранним утром по тропе, оплетающей гору, и увидеть вдруг, над собой, над зеленым склоном, ослепительно белое здание языческого храма.

«А я, дурак, поперся куда-то через море, по своим дилетантским выкладкам, в неизвестность, зато с оравой свирепых варваров – воевать с Римом!» – Коршунов хмыкнул.

Ну разве не глупость? Воевать с римлянами, которых Коршунов видел в бою. Правда, и победил, но ведь исключительно числом, а не умением. Ну ладно, может, и на этот раз обойдется. Но променять нежность Насти, изысканную пищу, чистую постель – на походную баланду, пот, зуд, пыль, нервотрепку (кто знает, что будет завтра) и – хуже того – кровь, вонь, боль... Почему?

На самом деле, Алексей знал – почему. Как там у Бродского, кажется... «А что гнало его в поход, вперед, как лошадь плетть? То, что гнало его в поход, искать огонь и смерть...» Страсть. То, что гнало Коршунова когда-то в горы. Страсть. Ну и еще – чисто мужское: поставил цель – добивайся. Поставил себе цель: урвать кусок Римской империи (плевать, что никогда ее не видел, плевать, что за этот кусок придется беспощадно драться) – добейся ее! Даже если это нерационально и неумно. Не важно. Отступить – значит перестать себя уважать. Взялся за гуж... Коршунов вздохнул.

– Что-то ты печален, Аласейя, – заметил Агилмунд.

Сказал и замолчал. Продолжал смотреть на море.

Но так он это сказал, что печаль Коршунова сразу ушла. Не дело это: адмиралу проявлять слабость при подчиненных. Даже если этот подчиненный – старый, проверенный друг, родич, можно сказать, видевший Коршунова во всех видах и даже вытащивший его, считай, из выгребной ямы.

– Да вот, по женам своим заскучал, – после паузы, неспешно ответил Коршунов.

– Бывает, – тоже после паузы, солидно ответил Агилмунд. – А долго ль нам еще плыть, Аласейя?

– Дней десять.

На всякий случай Алексей прибавил несколько дней. По его прикидкам, они должны были увидеть берег примерно через неделю. Коршунов целил на город Одисс, во времена его рождения называвшийся Варной, город, по утверждениям информаторов, весьма богатый. Вдобавок Одисс был изрядно удален от Данубия, и, следовательно, его обитатели должны быть более беспечны, чем жители придунайских территорий. Кроме того, как ему говорили, пра-

вый берег великой реки, разделявшей Рим и варваров, находился под постоянным контролем пограничных легионов, которые, как ему опять-таки говорили, передвигались с невероятной быстротой. Разумеется, в Одиссе тоже имелся гарнизон и крепость. Но Коршунов рассчитывал проделать с ним тот же финт, что и с Питиундом. Ввести в гавань трирему, высадить десант, ворваться в город и держаться до подхода основных сил. Ну а если за крепостную стену прорваться не удастся – тоже неплохо. Вокруг – богатые земли, виллы, храмы (места языческих богов он, разумеется, не опасался) и прочие «достопримечательности». Быстро пройти по окрестностям, загрузиться на корабли, запастись водой и пищей – и опять уйти в открытое море. И пусть римские боевые корабли, если таковые окажутся поблизости, рыщут вдоль берега, выискивая врага. А даже если они, наплевав на традиции, станут искать их в открытом море – нехай ищут. Не те здесь средства обнаружения, чтобы из этого вышел толк. Короче, уйти в море, а затем так же внезапно появиться у города Месемврии. Затем Халкедон, Гераклея, Синопа и так далее. Пройтись по десятку городов, разворошить муравейник, а затем, набив до отказа трюмы, тоже открытым морем, проскочить к Боспору. Отправить домой гепидов, боранов и прочие «вспомогательные войска», разгрузить свою долю добычи, что можно – превратить в золото, остальное добро отправить частью в Херсон, частью – дальше, по Днепру – родичам, а самим, сушей, пройти по краю Боспорского царства: поддержать партию Фарсанза, а заодно и долю ему отдать. Пусть видит, что Аласейя слово держит. И наказать Фарсанзу: пусть позаботится о кораблях. В следующем году Коршунову понадобится не двадцать восемь кораблей, а вдесятеро больше.

Вот такие наполеоновские планы строил Алексей Викторович Коршунов, сидя на краю палубы римской триремы, глядя на спокойное море.

Но планам этим не суждено было сбыться. Прошло два дня – и Алексей в этом убедился. Хорошо хоть он не стал никого посвящать в свои стратегические проекты. Ой как было бы стыдно!

Глава четвертая, в которой скифская эскадра сталкивается с римлянами, а Алексей Коршунов узнает, что штурман из него никудышный

Утром они увидели берег. Увидели все, а не наблюдатель на верхушке мачты, который, кстати, еще и вскарабкаться наверх не успел. Серая туманная полоска над темной синевой моря. Берег. А между берегом и их флотилией – корабли. Четыре крохотных кораблика, почти неподвижных, потому что утро было совсем безветренное. Ёш твою двадцать!

«Если это боевые корабли, то мы попали!» – подумал Коршунов. Придется драться. И не факт, что его флотилия окажется в выигрыше. Конечно, у него теперь тоже есть трирема, да и три боспорских корабля, таких же узких, боевых, оснащенных таранами, – это тоже сила, хотя в сравнении с триремой они – как собаки рядом с лошадью. Но от остальных судов, даже боспорских, и вовсе проку нет. Так, емкости для перевозки груза. Зато суммарный экипаж у них – пять тысяч клинков. Ладно, где наша не пропадала...

Коршунов поднес к глазу монокуляр. Теперь он мог разглядеть противника поподробнее... но тоже ничего определенного. Ну корабли и корабли. Один поменьше, три – побольше.

– Можно мне? – застенчиво попросил бородатый боспорец-кормчий.

Он робел перед «великим Аласейей» и еще больше – перед волшебным устройством.

– Взгляни, – разрешил Коршунов.

Боспорец взял монокуляр. Смотрел минуты две, потом возвратил прибор Алексею.

– Ну? – требовательно спросил тот.

– Великое чудо! – благоговейно произнес боспорец.

– Сам знаю. О кораблях можешь что-то сказать?

– О кораблях? – Боспорец неохотно вернулся к прозе жизни. – Могу, мой господин. Три «торговца», больших, и один – военный: бирема или трирема, но скорее бирема. Еще я на берег смотрел, но не признал. Я дальше Истрии не ходил.

– Ничего, – сказал Коршунов. – Скоро узнаем, скоро мы все узнаем! – Он хищно улыбнулся. – Агилмунд! Где Агилмунд?

– Я тут, вождь!

– Командуй парням: всем на весла! Но парус не спускать и особо не торопиться. Тем, кто на верхнем ярусе, скажи, чтоб римские шлемы надели для маскировки. И дай знать на боспорские боевые, чтобы шли за нами!

– Добыча? – Глаза гревтунга алчно блеснули.

– Три римских торгаша! Правда, с ними один боевой, но мы с ним справимся, я уверен!

Последнюю фразу он договаривал уже пустому месту. Агилмунд исчез. Зато на корме тут же раздался его зычный бас. А на триреме все пришло в движение. Десяти минут не прошло, как на корме сипло хрюкнула флейта – и все сто шестьдесят два весла разом опустились в воду. И трирема пошла...

Они не торопились. Коршунов предпочитал до времени не показывать себя врагом. Он изрядно погонял свой экипаж в Херсонесе, но все же его ребята недостаточно опытные, чтобы на равных схватиться с настоящими моряками. И вообще он не собирался рисковать ни своими людьми, ни кораблем. С ходу отправить на дно боевой корабль римлян, а уж с «купцами» проблем не будет.

Через некоторое время он уже мог рассмотреть врага поподробнее. Да, точно, один военный, вроде бы поменьше его «коршуна», и три торговых, пузатых, с обвисшими полосатыми парусами.

На римских кораблях их, естественно, тоже заметили. Но ничего не предприняли. Проявили сдержанный интерес. На военном корабле около носовой «фигуры» Коршунов сумел разглядеть человечка в шлеме с алым гребнем. На Алексе красовался такой же. И он тоже, в полном облачении римского офицера, стоял на носу около фигуры якобы коршуна, а по утверждению специалистов – орла. Попробуй заподозрить в нем варвара.

К нему подбежал Книва, тоже в римских доспехах:

– Сразу на таран, Аласейя?

– Нет. Тогда они сообразят неладное. Править как для прохода примерно в пяти корпусах. А когда поравняемся, крутой поворот – и на таран.

Парень умчался передавать приказ. Мерно взвизгивала флейта, скрипели весла, пенилась вода у форштевня...

Да, римский боевой был поменьше триремы. И весел у него было не три, а два ряда. Сейчас эти весла были задраны вверх. Но сам корабль был развернут носом к «коршуну». Впрочем, так даже удобнее – ударить с разворота в борт.

Боспорцы поотстали. Трирема, даже идущая вполсилы, легко обогнала корабли, на каждом из которых всего-то по тридцать весел.

Они поравнялись с тремя вытянувшимися линией «купцами». Их экипажи скопились у бортов, глазели на трирему. Военный корабль держался метрах в ста позади. Офицер на носу что-то крикнул, призывно махнул рукой: мол, давайте к нам.

– Сейчас приплывем! – гаркнул Коршунов по-русски. – Не сомневайся!

Офицер опять что-то закричал. Надо полагать, с русским у него были проблемы...

Трирема вышла на нужный рубеж.

– Давай! – взревел Коршунов по-готски.

Весла правого борта вскинулись вверх, весла левого борта мощно, теперь уже в полную силу вспенили воду, флейта загнусавила чаще, трирема, по короткой дуге, очень красиво развернулась, весла правого борта упали вниз, рванув взбудораженную воду...

На римском корабле сообразили, что происходит что-то не то. Завопили, засуетились... поздно пить боржом, когда почки отвалились!

Все произошло в считанные секунды. Красный борт римского корабля (он оказался намного ниже носа триремы) стремительно надвинулся. Коршунов успел увидеть на «римлянине» стрелка, поднимающего лук, но укрыться не успел. Стрелок, впрочем, тоже не успел – выстрелить. Раздался ужасающий треск, Коршунова швырнуло вперед – но он был готов: крепко вцепился в «ногу» «коршуна». А вот стрелку не повезло. Храбреца швырнуло вперед – за борт. Не его одного. Человек десять римлян, стоявших слишком близко, полетели с палубы вниз... а трирема уже отработывала назад, выдергивая таран из пробитого корпуса, отходя от обреченного корабля, который уже можно было не принимать в расчет, и направляясь к «купцам», которых никто таранить не собирался...

Коршунов бросил взгляд на протараненный корабль. Да, с этим все. Бедолага стремительно погружался. С его бортов сыпались в море люди. Спрыгивали – и сразу плыли прочь, чтобы тонущий корабль не утянул за собой. Пускай плывут, решил Коршунов. Берег далеко, но водичка теплая, хороший пловец доберется.

Только римский офицер по-прежнему стоял на носу своего корабля... «Ну и дурак», – подумал Алексей. Кораблей много, а жизнь – одна. Хотя, может, он плохо плавает...

«Купцов» взяли без проблем. Те, увидев над собой свирепо-веселые бородатые рожи гревтунгов, сразу подняли лапки вверх. И правильно. Резать их не стали. Свою команду, в том числе и любителей пустить кровушку, Коршунов крепко держал в кулаке. А боспорцы успели уже тогда, когда в трюмах всех трех «купцов» шарили готы. Впрочем, свою долю добычи, по общему соглашению, получают и они.

А добыча оказалась изрядная. Вместительные трюмы судов были под завязку набиты барахлом: тканями в тюках, амфорами с благовониями, корзинками с аккуратно упакованными стеклянными изделиями... короче, много всего ценного производилось в Римской империи и вывозилось из нее. Вот только золота было мало, но это не страшно. Суда направлялись в Боспор, следовательно, все товары были подобраны так, чтобы по ту сторону Черного моря на них был спрос.

Коршунов добычей не занимался: поручил это дело родичам. Его больше интересовала информация. И Алексей ее получил. Информацию, из которой явствовало, что все его расчеты гроша ломаного не стоят.

Он промахнулся почти на двести километров.

Глава пятая, в которой Алексей Коршунов занимается стратегией и дипломатией

Купцов Коршунов отпустил. Даже выкупа не взял. Выкупом послужили полученные от них сведения.

Наиболее важное: примерно в ста километрах к западу патрулируют военные корабли. Сколько их и откуда они взялись, купцы не знали. Выходит, фокус с ложным донесением на этот раз не сработал? Утешением служило то, что Алексей не вывел свой флот прямо на вражескую эскадру. Такое вполне могло случиться, учитывая его навигационные способности. Повезло, можно сказать.

А вот соратники Коршунова считали, что иначе и быть не может. Они были уверены, что это удача вождя Аласеи вывела их прямо на добычу. Алексей не сказал им, что намеревался выйти к берегу совсем в другом месте. Хотя мог бы и сказать. Тогда бы ему заявили, что это удача сбила флотилию с намеченного курса. Три корабля, набитых добром, полученных практически на халяву. Ни одной капли крови (своей, разумеется) пролить не пришлось.

Два корабля Коршунов забрал себе. Вернее, объявил законной частью гревтунгов. Кое-кто поартачился, но без особого пыла. В основном потому, что все предвкушали новые, невероятные огромные трофеи, которые добудут у ромлян. Свои суда Алексей, с новыми командами и в сопровождении военного боспорского корабля, отправил в уединенную бухту неподалеку от своего имения. Прямо в Херсонес он их гнать не рискнул – пиратов там не любили, а они, как ни крути, стали именно пиратами. Идти велел обычным маршрутом, представляясь, если что, боспорцами. На месте разгрузиться, часть груза, потребную самим гревтунгам, – отложить, остальное продать на рынках Херсонеса. Коршунов, с помощью одного грамотного боспорца (сам он пока даже греческим владел не очень, не говоря уже о латыни) составил сопроводительную – для Анастасии. Алексей отправил бы все три корабля, но остальное войско потребовало немедленного раздела добычи – на всех. Особенно ярились гепиды. Они пришли с другим риксом, который, в отличие от Красного, вел себя довольно нагло. Красный же даже прикончить наглеца не мог, потому что тот был дядей его матери.

Пришлось устроить раздел, на что, в условиях моря, ушли целые сутки. И теперь пустое купеческое судно болталось на буксире у «коршуна», потому что при слабом ветре безнадежно отставало от флотилии.

Ох уж эти гепиды! Наплачемся мы с ними, пожаловался Алексей Агилмунду.

«А может, бросить их? – предложил тот. – Пусть идут своей дорогой, а мы – своей?»

Нет, послать их подальше – тоже нельзя. Почти пятая часть войска как-никак.

Флотилия шла на юг. В виду берега, но достаточно далеко, чтобы не «бросаться в глаза». Хотя два дня назад несколько боспорских кораблей подошли к берегу в районе какого-то местного селения – пополнили запасы воды и продовольствия. Причем, в целях конспирации, не только никого не стали грабить, а даже честно за все расплатились, более того – дали взятку местному чиновнику, чтоб не болтал. Дескать, идут они в Марциополю и не хотят привлекать внимание конкурентов. Скулди с Агилмундом, правда, считали, что лучшая конспирация – просто вырезать всех свидетелей. Заодно и деньги сэкономить. Но Коршунов был главным и настоял на своем. Скрытность важнее экономии. Даже отпущенным на свободу купцам он ненавязчиво намекнул, что собирается двигаться именно на север. Прорваться с боем или в обход римского флота, к устью Дуная-Данубия. Да, скрытность – это залог его успеха. Ведь была одна очень интересная информация, полученная от ограбленных купцов: скоро по всей Империи начнется большой праздник. Флоралии называется. Алексей был уверен, что праздник в Великой Римской империи – то же самое, что и везде: всеобщая пьянка, безобразие и утрата бдительности. Следовательно, есть шанс взять римлян тепленькими.

Алексей рассчитал все точно. И цель выбрал достойную – город Маркиополю,¹³ один из городов провинции Мезия (так ему сказали), чрезвычайно богатый. Прикинул, что к вечеру второго дня славного праздника римляне (включая гарнизон) дойдут до нужной кондиции и «правильно» прореагируют на появление «коршуна» в гавани.

Вечером, накануне назначенного дня, Коршунов собрал у себя на «коршуне» вождей: Агилмунда, Скулди, Дикинея, младшего брата Комозика и второго по значимости (после Скулди) вождя герулов; Беремода, старшего из вождей разноплеменных готов; Химнериха – лидера гепидов, дядюшку Красного; Тарвара со Скубой – предводителей боранов. Алексей объявил план будущего сражения: завтра пройти оставшиеся до Маркиополя двадцать миль на максимальном удалении от берега. И к вечеру, когда начнет темнеть, трирема Коршунова войдет в порт Маркиополя, боевая команда высадится с минимальным шумом, войдет в город и

¹³ Маркиополю (Марциополю) – город в провинции Нижняя Мёзия (ныне поселок Река Девня, на 30 км к юго-западу от Варны); город действительно крупный – в течение трех лет (366–369), при императоре Валенте М., даже был столицей империи.

постарается захватить и удержать ворота цитадели. К этому времени к берегу, под прикрытием темноты, должны подойти остальные корабли – и доделать остальное. Коршунову этот план казался простым и безукоризненным. Ночь и темнота в данном случае – не помеха. Насколько ему было известно, в Маркионополе имелся маяк, который в хорошую погоду наверняка виден минимум за километр. А когда на берег высадутся парни в римских доспехах (у Коршунова имелось больше ста трофейных комплектов обмундирования противника), их не на клинки примут, а венками забросают. А там уж, пока разберутся, кто есть кто, дело будет сделано.

Таков был план Коршунова, но оказалось, что далеко не всем он по вкусу.

– Складно ты все придумал, Аласейя! – мрачно прогудел диникей, который так зарос бородой, что ни щек, ни скул не видно, даже зеленить практически нечего, разве вот под глазами. – Мы, значит, после подойдем, а вам, гревтунгам, значит, опять вся добыча достанется!

– Зря говоришь! – тут же подал голос Скулди, который, мягко говоря, соплеменника недолюбливал. Терпел только потому, что тот – родич Комозика. – Маркионополь – большой город. С ходу его не возьмешь. А запрутся к крепости, так только и останется, что предместья грабить! Всякому известно: самая добыча – она за стенами!

– А ты молчи, Скулди! – заворчал гепид Химнерих. – Ты за Аласейей – как хвост за собакой. Ты в обиде не останешься, а нам опять, как недавно, крохи делить!

– Ты, химнерих, совсем совести лишился! – возмутился Агилмунд. – Сумки набил, меч не вынул, так мало тебе!

– А я, гревтунг, меч вынуть не боюсь! – гаркнул гепид. У него от раздражения даже мясистый нос покраснел. – Хочешь поглядеть на мой меч?

«Черт! Сейчас ведь подерутся! – подумал Коршунов. – Надо что-то делать!»

Но что? Разводить этих амбалов – не для его комплекции и фехтовального мастерства. А на одном авторитете... на авторитете он мог бы урезонить Агилмунда, Тарвара или Скулди. Остальные, напротив, склонны были постоянно нарываться на скандал. Так у них принято: вождь, поднявшийся на другими вождями, должен постоянно доказывать, что он – круче.

А почтенные вожди расходились все больше и больше. Даже чаек напугали. В ругани не принимали участия только Тарвар, Скуба и Агилмунд, которого Коршунов предусмотрительно поймал за руку раньше, чем родич взялся за меч.

– Вы, готы, всегда наперед других норовите! – ярился химнерих.

– Это вы, гепиды, завсегда в хвосте волочитесь! – вмешался гот Беремод, который не смог не возмутиться, когда речь зашла о готах вообще, а не конкретно о гревтунгах.

– Нынче, Беремод, и тебе в хвосте волочиться, – язвительно напомнил Диникей. – Или забыл?

Верно, забыл беремод. Сразу замолчал.

Зато Диникей продолжал разоряться. И Химнерих ему подпевал.

«Взять, что ли, в десант сотню герулов? – подумал Коршунов. – Дерутся они подходяще...»

Наклонившись к Агилмунду, Коршунов вполголоса поинтересовался:

– У герулов добыча в общий котел идет, как у нас?

– В общий, – подтвердил Агилмунд. – Еще доли вождей и за храбрость, но так – на всех делят.

– Что ты молчишь, Аласейя? Чего ждешь? – потребовал Диникей.

– Жду, пока вы глотки драть перестанете, – сухо произнес Коршунов. – Тогда дальше говорить буду.

– Говори! – буркнул диникей.

– Ну спасибо, что разрешил, – усмехнулся Коршунов. – Потому что говорить буду как раз о вас, герулах. Скулди! Хочу тебе предложить...

– Скулди, опять Скулди... – проворчал Диникей, но Коршунов, не обратив на его реплику внимания, продолжал:

– Хочу, чтобы ты подобрал человек сто – и присоединился к команде «Коршуна».

– Тесновато будет, – заметил Агилмунд.

– Ничего, потеснимся. Согласен, Скулди?

– Согласен! – не раздумывая ответил Скулди.

Диникей задрал бородищу, даже рот открыл, намереваясь возмутиться... открыл и закрыл. Сообразил: в данном варианте шишки достанутся Скулди и его ближним сторонникам, а орешки все равно поровну делить.

Диникей заткнулся (как и предполагал Коршунов), зато заорал Химнерих. Но его никто не поддержал, даже Беремод, который с надеждой уставился на Коршунова: может, и его тоже пригласят?

Зря надеялся. Из тысячи с лишним разноплеменных готов Коршунов, с помощью Агилмунда разумеется, уже отобрал полторы сотни самых толковых в свою личную дружину, остальных же предпочитал держать на отдалении. Так удобнее и спокойнее. Может, самого Беремода он бы и взял в экипаж, но под Беремодом здесь аж три сотни родичей, так что он – тоже вождь. А вождю без дружины, хотя бы и малой, – непочетно.

– Ладно, Химнерих, хватит тебе яриться! – прервал Скулди поток красноречия Гепида. – Ты хоть годами и не молод, да вождь еще неопытный. Не тебе с Аласейей спорить.

– Да я... – начал Химнерих, но тут, в кои веки, и Диникей встал на сторону Скулди.

– Так и есть, – подтвердил он. – И какова твоя удача, нам неизвестно. Ты ведь не в споре воинском, без славы риксом стал, Химнерих, это все знают. Да и у рода вашего удача невелика. Кабы не Аласейя, племянник твой, Красный, так бы и остался в рабстве. Не забыл?

Племянник у Химнериха – как кость в горле. Но есть еще, так сказать, долг рода. Перед Аласейей. Умолк Химнерих.

В общем, разъехались, вернее, расплылись относительно мирно. Одно не понравилось Коршунову: то, что Химнерих и Беремод сели в одну лодку.

«Если эти двое споются – будут проблемы, – подумал он. – Надо бы меры принять...»

Думал-то он правильно. Но с мерами – опоздал.

Глава шестая, в которой все планы Коршунова идут прахом из-за чужой жадности и глупости

*Третье мая девятьсот восемьдесят
седьмого года от основания Рима*

Коршунов спал на палубе, подстелив под себя одеяло. Второе, свернутое, положил под голову. Трирема, поставленная на оба якоря, носовой и кормовой, слегка покачивалась, ночи были исключительно теплые, и никаких комаров, разумеется... в общем, спать было вполне комфортно. Правда, немного мешал богатырский храп: Коршунов не один спал на палубе. Кому захочется спать внизу – в такую погоду! Но к храпу можно привыкнуть. Алексей привык... за пару недель плавания. Особенно если принять на сон грядущий стакан-другой качественного боспорского винца. Что, говорят, и для здоровья полезно. Это Коршунов еще в *той* жизни слышал.

Рядом с Алексеем обычно укладывались родичи: Агилмунд, Книва, Сигисбарн. Для полноты компании не хватало только Ахвизры, но Ахвизра плыл на другом корабле – боспорском

военном. Коршунов назначил его старшим над «боспорской эскадрой». Это ему Агилмунд посоветовал. «Пора, – сказал, – нашему Ахвизре учиться повелевать. А то так и проживет – в старших дружинниках». Ахвизра к власти не рвался и даже попробовал от руководства увильнуть. Но Агилмунд обладал поистине готским упорством и дружба своего дожал. Ворча и не к месту поминая богов, Ахвизра перебрался на боспорский корабль. Там он через пару дней плотно скорешился с Тарваром. Сыну Крикши вообще-то полагалось плыть при своих, но он спихнул все на Скубу, переселился на «боспорца» и, оттеснив приданных кораблю Фарсанзом кормчих, целыми днями «рулил», вперемежку с Ахвизрой, который тоже въехал в преимущества начальственного статуса (грести не надо, твоя пайка – первая, доля добычи – двойная) и уже на Агилмунда с Аласейей не бухтел. Печалился только, что подраться с римлянами ему не дали. Тарвар тоже печалился.

Вот они оба и заявили на «Коршуна» чуть свет, не столько опечаленные, сколько взбешенные.

– Этот плевок отхожего места, этот отпрыск дурной козы! Чтоб у него в бороде опарыши завелись! Этот проклятый всеми богами гепид!.. – ревел Ахвизра, перебудив всех на триreme еще раньше, чем поднялся на палубу.

– Ублюдок дохлой камбалы! Чтоб ему крабы яйца отгрызли! Чтоб ему из жопы акулу родить!.. – вторил ему более тонко, но не менее громко сын Крикши.

– Заткнитесь оба! – рявкнул свежеразбуженный и очень недовольный Коршунов. – Толком говорите!

Толком вышло еще печальнее.

Этой ночью два «обиженных» вождя, Химнерих и Беремод, сговорившись, угнали без малого треть боранского «флота» (кормчих, вероятно, запугали или убили) и самостийно направились к берегу, желая, так сказать, снять сливки. К сожалению, направились они не к Маркиополю (где им наверняка навешали бы по загравкам), а прямо к ближайшему населенному пункту, коим по карте Коршунова был ничем не примечательный городишко Тумос.

– Козлы! – прошипел Алексей по-русски.

Тумос его не волновал. Бог с ним, с Тумосом. Но теперь-то им Маркиополя не видать. Связь у римлян поставлена отменно. Так что максимум через полдня на всем побережье будут знать: варвары пришли! Единственный выход – поднять паруса и заплыть подальше на юг... надеясь, что там не окажется еще одной римской эскадры.

– Так. Агилмунд! Разошли гонцов на все корабли. Снимаемся и уходим на юг!

– И не накажем этих безмозглых?! – взревел Ахвизра.

– А корабли? Наши корабли?! – возопил Тарвар.

Последний довод был серьезным.

– Ладно, – подумав, решил Коршунов. – Идем к берегу.

Как и следовало ожидать, гепиды дело просрали. То есть на берег они высадились без проблем, но, решив начать с того, что ближе лежит, принялись грабить предместья.

Пока они занимались этим приятным и интересным делом, местные жители протрезвели и успели убратся в крепость.

– Вот и хорошо! – заявил очень довольный Химнерих, у которого на шее уже красовалось новое ожерелье из оправленных в золото самоцветов. – Значит, никуда не удерут. Не бойся, Аласейя, сейчас мы разом навалимся и их оттуда выковыряем!

В гавани воняло рыбой и смертью. Повсюду лежали мертвые тела. Иногда – голые, иногда – в ошметках одежды. Вряд ли это были трупы воинов. Телосложение не то, да и женских тел было немало. Гепиды не только не озаботились похоронами, но даже не потрудились сложить трупы в одно место. И Химнериху плевать было на мертвецов. Его интересовала только добыча.

«Стоп! – сказал себе Коршунов. – Ты не в двадцать первом веке. По здешним понятиям Химнерих – в своем праве».

И все-таки самым большим желанием Коршунова было пристрелить гепидского рикса. Но – нельзя.

Начнется большая драка, и в итоге Алексей останется без войска. Значит, эмоции – по боку.

Коршунов посмотрел на крепость. Издали она не выглядела грозной. Наоборот, была она небольшой и несколько обветшавшей. Но Алексей уже знал, что это обманчивое впечатление. Расположена крепость на редкость удачно – подход только со стороны моря. А у стен есть такое свойство – становиться все выше и выше по мере приближения к ним. А под самой стеной ты вдруг становишься совсем маленьким, а стена – очень высокой. И пусть она потрескалась и покрыта щербинами, это не имеет значения. Древние строили на совесть. И даже таран к воротам будет подтягивать чертовски неудобно. Нет, без осадных орудий тут делать нечего. А из всех орудий у Коршунова – только палубные «скорпионы».

Сам же городок Тумос оказался совсем маленьким. Наверное, около тысячи жителей. Живописная гавань, спокойная удобная бухта... отличное место для отдыха. С древесиной вот только плохо. А для осадных орудий надо много древесины. Так что дело это долгое. Даже если не учитывать того, что его воины понятия не имеют, как эти орудия строить. Конечно, Коршунов что-нибудь придумал бы... но на это тоже требуется время...

– Нет, – сказал Алексей. – Крепость ты будешь брать сам. Мы уходим.

– Дело ваше, – беспечно ответил гепид. – Все нам достанется.

– Точно говорят: безмозглый, как гепид! – прорычал Скулди, когда Коршунов собрал на совет всех оставшихся вождей.

Агилмунд спросил:

– Теперь нам в Маркионополь соваться нечего, да, Аласейя?

– Естественно! – раздраженно подтвердил Коршунов. – Теперь там все начеку.

– Прикончить гепидов! – заявил Ахвизра.

– Перебить, как свиней! – поддержал его Тарвар. – С Химнериха шкуру содрать, а самого в море бросить!

– Аласейя! Вели их бить! – потребовал Ахвизра. – перебьем – и добычу у них заберем. Нас вдвое больше! Беремод вмешиваться не станет! Агилмунд! Ты что молчишь? Не согласен, что ли? Скулди! Неужели боишься?

– погоди, друг, – произнес Скулди (он уже успокоился), – не кричи. Гепидов я не боюсь. Только ведь не гепидов бить мы сюда приплыли. Гепидов и по ту сторону моря найти можно.

– Наказать! – настаивал Ахвизра. – Спустим им пакость такую – боги нас уважать перестанут! Удачи не будет!

– Удача наша – вон. – Скулди кивнул на Коршунова. – Что скажешь, вождь?

– Скажу, что от гепидов мне ничего не надо...

Ахвизра открыл было рот, но Агилмунд взял друга за плечо и прикрыл ему рот ладонью.

– Ничего, кроме одного, – продолжал Алексей. – Они взяли суда боранов. Кормчих, правда, не тронули, так что крови на гепидах нет. Но я думаю: вернуть суда они откажутся. Иначе на чем им обратно плыть?

– Ни на чем! – яростно воскликнул Тарвар. – Перебить их всех – и плыть некому будет!

– Ты плохо слышишь, Тарвар? – прищурился Коршунов. – Я сказал: *драться с гепидами мы не будем!* Не захотят вернуть суда, значит, должны их выкупить и еще заплатить... – Коршунов подумал, как по-местному обозначить «моральный ущерб», не придумал и сказал: – Еще заплатить – чтоб обиды не было. Это – по закону. И этого я от Химнериха добыю!

И распустил собрание на два часа.

Выкупить суда Химнерих согласился на удивление легко. И заплатил щедро: отдал почти всю добычу.

Коршунов понял, что гепид пусть и безбашенный, но все-таки опасался, что без крови не обойдется. К тому же он был уверен, что возьмет крепость и поправит дела.

Перед тем как сниматься с якоря, Коршунов отыскал Красного.

– Дружище, возьми с собой кого хочешь – и плывем со мной! На моем корабле для тебя всегда место найдется!

Но гепид только рыжей головой мотнул.

– Добычу со мной возьмешь – не сравнить с этой! – уговаривал Коршунов.

– Что добыча! – вздохнул гепид. – Вот слава... не могу, Аласейя. Дядя он мне. На коня сажал, меч держать учил... не пойду я с тобой!

Глядя вслед уходящему Красному, Коршунов подумал, что тот еще, в сущности, совсем мальчишка, немногим старше Книвы... сколько ему – восемнадцать, девятнадцать?..

– Теперь все в порядке, Тарвар? – спросил Коршунов, после того как тот получил компенсацию.

– Отец будет доволен, – отозвался сын Рикса. – Тебе, Аласейя, в купцы надо – по тройной цене продал!

– А наша обида? – не стерпел Ахвизра. – Нас он тоже обидел! Не должно такое оставлять! Аласейя! Разреши, я вызову этого Химнериха! Я его убью, не сомневайся!

– Без тебя справятся!

– Это кто же? – ревниво спросил Ахвизра.

– Скулди! – Коршунов повернулся к герулу. – Ты – воин опытный. Сколько Химнерих будет эту крепость брать?

– Дней пять провозится, не менее.

– А когда здесь легионеры появятся?

– Через три дня, не больше. Здесь, в Мезии, лагерей мно-ого.

А Беремод все-таки с гепидами не остался. Ушел со всеми. И людей своих, естественно, с собой забрал. Прозорливый, блин... или, может, боранские корабли выкупать не хотел?

Глава седьмая, в которой Аласейя – Небесный Герой осуществляет стратегически безупречный грабеж

Искусство Скулди получать информацию пропало втуне: рыбаки даже и не думали запи- раться. Оказавшись на палубе «коршуна» и обнаружив, что вокруг – не римские солдаты, а дикие варвары, эти труженики моря так перетрусили, что выложили все, что знали, и даже от себя прибавили. Лишнее Коршунов отфильтровал, нужное – проанализировал, и в результате у него выкристаллизовался рискованный, но вполне жизнеспособный проект.

– Значит, так, – сказал он, в очередной раз собрав военный совет. – Примерно в пятидесяти милях отсюда – то, что нам надо. Римский город, забыл как называется, но это не важно. На моей карте его нет, но не думаю, что рыбаки соврали.

– Город богатый? – спросил Ахвизра.

– Гарнизон большой? – одновременно поинтересовался Скулди.

– Насчет богатств – не знаю. А вот гарнизон приличный. Раньше там римский лагерь был, потом крепость построили... шесть поколений назад. Теперь туда налоги свозят! – Коршунов

поднял палец. – Со всех прилегающих территорий. А уж потом собранное отправляют в столицу провинции. Но это – осенью, а сейчас у нас май.

– Так они ж еще и не собрали ничего! – заметил Агилмунд. – Весна же!

– Насколько я знаю, у них, у римлян, налоги круглый год собирают, – сказал Коршунов. – Дом купил – плати, женился – плати...

– Умер – плати! – вмешался Ахвизра и захохотал.

– Ты не смейся, – строго сказал Коршунов. – Так и есть. Налог на наследство называется.

– И откуда ты это все знаешь? – поинтересовался Скулди не без уважения. – Вот я за Рим воевал, а не знаю.

– От Анастасии.

– А-а-а... тогда понятно. Ты про гарнизон не сказал.

– Скажу. Пленные говорили – там когорта стоит. Сколько это?

Скулди присвистнул. И Скуба, который тоже имел представление о римских воинских соединениях, тоже разочарованно вздохнул.

– Когорта! Что ж ты, Аласейя, про налоги знаешь, а про когорту – нет? – уколол Скулди.

– А для этого у меня ты есть! – парировал Коршунов. – Говори.

– Когорта, вождь, – это, значит, город тот не про нас. Это, считай со всеми вспомогательными, – до тысячи копий. А еще ополчение, вигилы... ты что развеселился?

– Бывают случаи, друг мой Скулди, когда большой гарнизон – намного лучше маленького...

Коршунов предполагал, что самым трудным в этом деле окажется высадка. Он ошибался. Провести почти две тысячи человек по маршруту длиной в пятьдесят с лишним миль, да еще по плотно заселенной территории, оказалось намного труднее. Очень мешало отсутствие карт. И разведчиков, способных выдавать себя за местных жителей, катастрофически не хватало: Скулди самому приходилось ездить в дозоры. Помогало же то, что все Коршуновские воины – и герулы, и гревтунги – были прирожденными охотниками. Трудно поверить, но вся эта орава могла просочиться днем в пятидесяти метрах от какого-нибудь пастушка – и тот ничего не замечал. Более того, даже собаки пастушьи оставались в полном неведении. Не увидь этого Коршунов собственными глазами – не поверил бы. Иногда их, конечно, обнаруживали. Но на этот случай Коршунов дал четкое распоряжение: всех свидетелей ловить, наливать под завязку плохоньким вином и оставлять где-нибудь в укромном месте. Рекомендации своих советников, что, дескать, проще зарезать, Коршунов отверг. Покойник, сказал он, наверняка привлечет внимание, особенно *столько* покойников. А пьяный проснется, по здешнему климату, разве что часов через десять, в состоянии острого похмелья, и даже если не забудет, что с ним было, все равно ему никто не поверит. Это примерно как если бы в Коршуновской России муж заявился домой с бодуна и стал грузить жене, что его, мол, поймали и напоили вторгшиеся в город американские спецназовцы.

Сам Коршунов, к сожалению, навыками «просачивания» не обладал (вот Генка Черепанов, тот – умел) и потому ехал по дороге в составе одного из дозоров, выдававших себя за британских купцов, достаточно щедрых, чтобы ни у кого из местных чиновников-начальников не возникало вопросов, что британские купцы (притом без товаров) делают в провинции Нижняя Мезия.

Путешествовал он так два дня, но достопримечательностей Римской империи фактически не видел.

Не до того было. Зато к конечному пункту прибыли вовремя. Уложились за двое суток. Прибыли, посмотрели издали на крепость (новую, крепкую, не сравнить с Тумосом), напоили вусмерть двух проводников, взятых по дороге, и принялись ждать. Ждали недолго. Спустя три часа на горизонте появились корабли. Около сорока боранских «двухголовых» суденышек, кои

весьма самоуверенно ворвались в порт, высадились в виду крепостных башен и стали бесчинствовать.

Так Коршунов и напутствовал Беремода: «Высаживайтесь – и делайте, что хотите!»
«Что хотите» по здешним понятиям – понятно что.

Поначалу все местные жители, кто успел, бросились в крепость или в горы. Ворота в крепости затворили и приготовились к обороне. Но чуть позже в цитадели оценили количество варваров и поступили именно так, как и предполагал Коршунов.

В монокуляр Алексей очень хорошо видел, как медленно растворились крепкие, окованные бронзой ворота и наружу стали вытекать ровные ряды легионеров. Аккуратные, сверкающие начищенными шлемами и остриями копий, над которыми покачивалась обрамленная венком открытая ладонь.

Сначала мерным, неторопливым шагом, потом все быстрее и быстрее римская пехота покатила вниз, на противника... ворота в крепости остались открытыми.

– Ну что? – жарко дыша Коршунову в ухо спросил Агилмунд. – Бьем?

– погоди!

Слитный многоголосый рев взлетел к небу. Лучшая пехота этого мира врезалась в толпу готов Беремода.

«Ну, это мы уже видели!» – подумал Коршунов.

– Бьем?!

– погоди! Пусть увязнут! Сначала – ворота. Ахвизра! – Алексей повысил голос. – Начи-
най!

Ахвизра, а с ним сотня гревтунгов, экипированных в римские доспехи (все роли заранее расписаны), с римским военным кличем «барра!» покатились вниз, словно бы на подмогу гарнизону, но, поравнявшись с крепостью, вдруг свернули и помчались к воротам. Полминуты – и первые (самый первый – Ахвизра) уже внутри. В крепости тоже завопили. И крик этот слышали в задних рядах легионеров (передние были слишком увлечены – резали проклятых варваров). Аккуратные линии римлян, уверенно оттеснявшие воинов Беремода к воде, заколебались. В них наметилось разделение – и вот уже отряд человек в сто порысил обратно к крепости: выяснять, что там стряслось.

– А вот теперь и мы! – воскликнул Коршунов. – Скулди! Агилмунд! Бей!!!

И полторы с лишним тысячи истомившихся по драке воинов, с рычанием, от которого шатались камни и дрожали листья масличных деревьев, потрясая копьями, высыпали на гладкий, усеянный белыми цветами склон и покатились вниз с неотвратимостью цунами.

В этом бою Коршунов личного участия не принимал. Гордо стоял на пригорке в окружении дюжины «телохранителей» и наблюдал, как трехкратно превосходящие силы варваров ровняют с землей смешавшиеся ряды легионеров.

Через час все было кончено. Но еще раньше, как и предполагал Коршунов, отдельные представители его воинства самочинно вышли из боя и устремились к городу. Грабить.

Коршунов усмехнулся. Конечно, лиц на таком расстоянии он разглядеть не мог (без монокуляра), но отлично знал, что это удалыцы из вольницы Беремода. Те, кто пришел с Коршуновым, были строго предупреждены: сначала разобраться с овчарками, а уж потом стричь овец.

«Грабежа не будет!» – сурово заявил Коршунов. – Не дело это, когда одни сражаются, а другие грабят. Возьмем город, спокойно вычистим все, а что не найдем, то жители сами принесут. А потом честно поделим на всех. И никто не будет в обиде».

Те, кто ходил с Коршуновым на Питиунд, знали, что Аласея слов на ветер не бросает. И убедили остальных. Но не архаровцев Беремода.

Этих, однако, ждал большой сюрприз. В воротах города стояла уже не римская стража – свои.

– Точно Аласейя сказал! – ухмыльнулся Ахвизра, поигрывая копьем. – Одни бьются, а другие норовят чужой кусок ухватить!

– Мы тоже дрались! – возмутился самый проворный мародер, гот, демонстрируя окровавленный рукав. – Ты что, Ахвизра, своих бить станешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.